

АНТРОПОЛОГИЯ В ПОИСКАХ НОВОГО ЯЗЫКА ОПИСАНИЯ

I ТОМСКИЙ
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ
ФОРУМ

АНТРОПОЛОГИЯ В ПОИСКАХ НОВОГО ЯЗЫКА ОПИСАНИЯ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
ЛАБОРАТОРИЯ СОЦИАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ
ЦЕНТР ПРЕВОСХОДСТВА им. ЖАНА МОННЕ: ФОКУС НА МОЛОДЕЖЬ

Международная научная конференция

Антропология в поисках нового языка описания
(Первый Томский антропологический форум)

15–17 сентября 2016 г.

Издательство Томского университета
2016

УДК 94+316+572
ББК 63.1+60+28.71
А72

*Конференция проводится при поддержке
гранта Правительства РФ П 220 в рамках проекта
«Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной
адаптации в истории и современности», № 14.B25.31.0009.*

Редакционная коллегия:

*Д.А. Функ (отв. редактор),
И.В. Нам (отв. редактор),
В.П. Зиновьев, Е.М. Карагеоргий, О.В. Корнеев,
И.Г. Поправко, А.А. Рассказчикова*

Антропология в поисках нового языка описания: Тезисы. —
А72 Томск: Изд-во Том. ун-та. 2016. — 172 с.

ISBN 978-5-7511-2440-3

Международная научная конференция «Первый Томский антропологический форум» задумана в качестве площадки для широкого обсуждения актуальных теоретических и практических вопросов социальной антропологии. Предполагается обсуждение проблем, связанных с такими вызовами современности, как увеличение и усложнение миграционных потоков, распространение новых информационных технологий, интенсивное ресурсное освоение новых территорий. В тематической рамке «миграции – технологии – ресурсы и люди» планируется критически переосмыслить существующие в современной антропологии способы концептуализации и попытаться найти новые теоретические подходы и языки описания как старых, так и относительно новых проблем.

Организаторы конференции заинтересованы в широком междисциплинарном подходе к анализу предлагаемой проблематики.

**УДК 94+316+572
ББК 63.1+60+28.71**

ISBN 978-5-7511-2440-3
ББК 63.1+60+28.71

© Федеральное государственное
автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский
Томский государственный университет», 2016

NATIONAL RESEARCH TOMSK STATE UNIVERSITY
FACULTY OF HISTORY
LABORATORY FOR SOCIAL AND ANTHROPOLOGICAL RESEARCH
JEAN MONNET CENTRE OF EXCELLENCE: FOCUS ON YOUTH

International Research Conference

Anthropology in Search of a New Language of Description (First Tomsk Anthropological Forum)

15–17 September, 2016

*The conference is held with support from
the Russian Government (grant № 14.B25.31.0009.
under the Regulation № 220),
in the framework of a project “Man in a Changing World: Identity and So-
cial Adaptation: Past and Present”.*

Editorial board:

Dmitriy A. Funk, Iraida V. Nam, Vasilii P. Zinovyev,
Elena M. Karageorgii, Oleg V. Korneev,
Irina G. Popravko, Albina A. Rasskazchikova

Anthropology in search of a new language of description : abstracts. –
Tomsk : Tomsk University Publishing House, 2016. – 172 p.

ISBN 978-5-7511-2440-3

The international research conference “First Tomsk Anthropological Forum” is intended to constitute a platform for a broad discussion of topical theoretical and practical issues in social anthropology. It aims to discuss questions related to such contemporary challenges as the increased and ever more complex migration flows, the spread of new information technologies, and the intensive resource development of new territories. Within the ‘migrations – technologies – resources and people’ theoretical framework, conceptualizations currently existing in modern anthropology are to be critically revisited and new theoretical approaches to as well as languages of description for both old and relatively new issues will be attempted at.

The conference’s organizers are interested in a broad interdisciplinary approach to the questions put forward for discussion.

ISBN 978-5-7511-2440-3

© Federal State
Autonomous Educational Institution of
Higher Education
“National Research Tomsk State University”, 2016

СИМПОЗИУМ 1
МИГРАЦИОННЫЕ «ВЫЗОВЫ» XXI В.
Symposium 1. Migration “challenges” in the XXI century

Панель 1 – Границы, передвижения и сети
Panel 1 – Borders, Movements and Networks

Н.Г. Суворова, А.В. Филимонов
(Омск, Россия)

**КОЛОНИЗАЦИОННЫЕ ЭКСПЕРТЫ: ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ
ИЗМЕРЕНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ
В ПОЗДНЕИМПЕРСКОЙ И РАННЕСОВЕТСКОЙ РОССИИ**

Natalia Suvorova and Alexander Filimonov (Omsk, Russia)
**Colonization experts: the human dimension of migration processes
in late Imperial and early Soviet Russia**

Приоритетным направлением исследования крестьянского переселения в дореволюционной историографии являлось социально-экономическое, предопределенным результатом которого стала многоплановая картина стабильно ухудшавшегося бедственного имущественного положения крестьян, усугублявшегося бюрократически плохо организованными миграционными процессами. Советская историография, унаследовав традиции дореволюционного народнического демократизма, предпочитала рассуждать в рамках классового нарратива, демонстративно разделяя «царизм» и «народ», «самодержавный режим» и «прогрессивную интеллигенцию».

Утвердившись в качестве приоритетного направления в советском сибиреведении, проблемы крестьянских миграций во второй половине XIX – начале XX в. остаются актуальными и у исследователей постсоветских государств. При этом в современной историографии сохраняется сложившаяся в период становления новой советской науки традиция строгого разделения дореволюционного и советского этапов переселенческой политики. Хотя советские исследователи неоднократно отмечали элементы преемственности доре-

волюционного и раннесоветского этапа переселенческого дела, тем не менее преодоление институциональных границ научных коллективов, школ, тематики исследования не произошло. В связи с этим колонизационные проекты конца XIX – начала XX в., зачастую созданные одними и теми же экспертами, оказываются разорванными территориально и хронологически. Особенно очевидно это становится при обращении к одному из исследовательских и административных колонизационных центров Азиатской России – Омску, сохранявшему свой статус на протяжении всего рассматриваемого периода.

Занимаясь изучением переселенческого дела как одной из важнейших составляющих внутренней политики Российского государства конца XIX – начала XX в., недостаточно осветить только социально-экономический аспект этого явления. Поскольку вопросы внутренних миграций напрямую касались важнейших имперских и национальных проблем страны, ключевую роль играет раскрытие взглядов современников, представленных в официальных документах, научных трудах, журналах и газетах, мемуаристике. В частности, формирование у правительства и общества представления о переселении как инструменте политического и национального конструирования государства напрямую зависело от теоретических концепций и объяснительных моделей, выработанных особой категорией лиц – «колонизационными экспертами». Данные деятели помимо разработки миграционных проблем и участия в реализации переселенческих мероприятий правительства играли главную роль в общественных дискуссиях. Сосредоточение внимания на личном аспекте позволит проследить формирование взаимоотношений «эксперты – государство», «эксперты – общество», «эксперты – эксперты», «эксперты – переселенцы».

Разработкой колонизационных проектов, в частности, обоснованием направлений и характера колонизационных мероприятий на азиатских окраинах наряду с чиновниками («мундирными учеными») занимались общественно-политические деятели и ученые. Переселенческому управлению империи удалось задействовать значительное число научных экспертов, в том числе и за счет привлечения политических ссыльных и «неблагонадежных» лиц, которые обеспечили трансляцию не только профессиональных знаний, но и нового языка описания социальных и национальных процессов, вольно или невольно вводили в правительственные документы

элементы либеральных, демократических, и даже социалистических программ. Именно эти люди внушили властям, что научное знание сможет обеспечить наиболее рациональное и бесконфликтное решение аграрного вопроса. Переселенческие чиновники и сотрудничавшие с ними лица, совместно действуя в научных и просветительских обществах (членство в которых становилось своего рода нормой), а также в инициированных правительством экспедициях по изучению географических, хозяйственных и демографических условий колонизации окраин, формировали новую общественную среду со своим этосом, что могло отдалить их от местного полицейско-административного аппарата, помочь интегрироваться, хотя бы отчасти, в общий поток интеллигенции.

Формирование советского государства и стабилизация внутри- и внешнеполитической обстановки вновь актуализировали накопленный колонизационными экспертами опыт. Активизация переселенческой политики в начале XX в. привела не только к мощным социально-экономическим изменениям в европейских внутренних и сибирских окраинных губерниях, но и к кардинальным институциональным и идеологическим последствиям. Создание новых учреждений (секция колонизации и переселения Московского межевого института, Государственный колонизационный научно-исследовательский институт, кафедра колонизации и переселения при землеустроительном факультете Сибирского института сельского хозяйства и лесоводства) и, в большей степени, сохранение старых (Переселенческое управление), включая кадровый потенциал, инфраструктуру, механизмы финансирования, технологии миграционного дела, позволяют говорить не только о преемственности позднеимперских и раннесоветских колонизационных проектов Азиатской России, но также скорректировать представления о содержательных элементах имперских (условно официальных) программ.

А.Г. Новожилов
(С.-Петербург, Россия)

ОСОБЕННОСТИ МИГРАЦИОННОЙ СИТУАЦИИ В ПСКОВО-ПЕЧОРСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ В XX–XXI вв.

Alexey Novozhilov (St. Petersburg, Russia)

The specifics of migration in the Pskov-Pechora border area in the 20th to the 21st centuries

Этнокультурная ситуация в Псково-Печорском крае, по крайней мере, на протяжении последних пятисот лет определялась миграционными процессами. Причиной тому было и остаётся пограничное положение региона. С XVI в. население края формировалось встречаемыми колонизационными потоками эстонцев и русских, переселявшихся на земли Свято-Успенского Псково-Печорского монастыря.

Бурный XX в. также изобилует переселениями. В 1920–30-е гг., когда край находился в составе Эстонской республики, сюда активно переселялись эстонцы, являвшиеся представителями администрации или интеллигенции. Перед последними стояла задача культурной и языковой инкорпорации местного населения, в первую очередь сету, в состав эстонской нации. В 1940-е гг., после разграничения РСФСР и ЭССР, эстонцы почти полностью покинули российскую часть Псково-Печорского края.

На их место стали приезжать специалисты в сферах сельского хозяйства, образования, медицины с территории других районов Псковской области. Они получили здесь название «советских», в отличие от местных русских. Однако этот поток не был велик. Наоборот, отток из района на протяжении 1950–80-х гг. был значительным. Как и в других регионах российского Нечерноземья, причиной сельской эмиграции были: потребность крестьян в социальной мобильности, ликвидация хуторов и неперспективных деревень, запоздавшая благоприятная социальная политика государства в отношении села. Спецификой эмиграции Псково-Печорского района было её направление. Выходцы из этого района преимущественно переселялись в Эстонию, причём зачастую в соседние с границей эстонские колхозы, где было куда больше финансовых вливаний и социальных льгот. Хотя следует признать, что переселение в Псков и Ленинград тоже было значительным.

Определённой компенсацией оттока был приезд в Печоры, под патронат монастыря, мигрантов из различных областей страны, начавшийся с 1970-х гг. и достигший апогея в 1990-е гг.

Принципиальные изменения в миграционной картине стали происходить в 1990–2000-е гг. Причиной тому стало преобразование межреспубликанской границы в межгосударственную. Поскольку отношения между наследниками СССР сразу стали натянутыми вдоль новой границы стали размещаться части пограничных войск и учреждения таможни. Благодаря этому появились новые рабочие места, большую часть которых (особенно высокостатусных) стали занимать приезжие. Этот поток усилился в связи с переводом пограничных войск на контрактную основу.

Наконец, последним по времени стал трудовой миграционный поток. В условиях внедрения в 2000-е гг. Европейских программ по приграничному сотрудничеству в Печорах стали открываться заводы, размещение которых в Евросоюзе было слишком дорогим из-за требований охраны окружающей среды. Нехватка местных рабочих рук поставила вопрос о привлечении части работников как из соседних районов, так и из Киргизии и Казахстана.

Следует отметить и деятельность Изборского природного и историко-культурного музея-заповедника при подготовке к празднованию 1150-летия российской государственности в 2012 г., для которого также привлекались большие контингенты трудовых мигрантов.

С.В. Рязанцев
(Москва, Россия)

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЭМИГРАЦИИ ИЗ РОССИИ И ФОРМИРОВАНИЕ РУССКОГОВОРЯЩИХ СООБЩЕСТВ

В докладе показаны особенности современной статистики об эмиграции из России, а также даны оценки потокам и контингентам представителей русскоговорящих сообществ за границей. Расчеты автора показали, что при официальном уровне эмиграции за период с 1993 по 2015 г. в 5 млн человек, реально за указанный период эмигрировали на постоянное место жительства и работу в другие государства не менее 10 млн человек. Данные были получены на

основе метода сопоставления российской статистики со статистикой принимающих государств. Выявлено, что зарубежные данные о российских иммигрантах в среднем в 2 раза превышают российские данные об эмиграции. Реальная численность русскоговорящего населения за пределами России составляет около 25–30 млн. человек. По своей численности русскоговорящие сообщества находятся на втором месте в мире после китайской диаспоры. В отношении русских и граждан России, проживающих за рубежом, предлагается использовать термин «русскоговорящие сообщества» (а не термин «русская (российская) диаспора»). Во-первых, «русскоговорящие», а не «русские», потому что основным объединяющим их признаком является русский язык, а отнюдь не этничность или страна происхождения. Во-вторых, «сообщества», а не «диаспоры», потому что консолидация среди русскоговорящего населения как типичное явление практически отсутствует, а формы общения между русскоязычным населением за границей имеют, как правило, неустойчивые и временные формы. В-третьих, «сообщества», а не «сообщество», поскольку русскоговорящие группы крайне своеобразны не только в пределах принимающих стран, но даже отдельных регионов одного государства. Границы между ними порой возникают на самой разной почве и проходят весьма жестко, вплоть до конкуренции и даже отторжения. Для определения границ и численности русскоговорящих сообществ предложена концепция «шести признаков русской идентичности»: этнокультурная, географическая, языковая, гражданская, административная, религиозная.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10435 «Эмиграция из России и формирование русскоговорящих общин: новые тенденции, социально-демографические и экономические последствия»).

Sergey Ryazantsev
(Moscow, Russia)

CURRENT TRENDS OF EMIGRATION FROM RUSSIA AND THE FORMATION OF RUSSIAN-SPEAKING COMMUNITIES ABROAD

The paper shows the key features of modern statistics on emigration from Russia, as well as gives estimates of stocks and flows of Russian-speaking communities abroad. Author's calculations show that with the official level of emigration between 1993 and 2015 at 5 million people, the actual number of those emigrated for permanent residence and work to other countries during this period is no less than 10 million people. Data were obtained through comparison of Russian statistics with statistics of the host countries. The analysis has revealed that host country information about Russian immigrants is on average 2 times higher than the Russian data on emigration. The actual size of the Russian-speaking population outside Russia is about 25-30 million people. The Russian-speaking communities are the second largest in size in the world after the Chinese diaspora. To denote Russians and Russian citizens living abroad, the paper suggests to use the term "Russian-speaking communities" (as opposed to the term "Russian Diaspora"). Firstly, the "Russian-speaking" and not "Russian" because the main unifying feature for them is Russian language rather than ethnicity or country of origin. Second, "communities" and not "the Diaspora" because consolidation as a typical phenomenon is practically absent among the Russian-speaking population abroad, and forms of communication within this population are usually unstable and temporary. Third, the "communities" rather than a "community", since Russian-speaking groups are very diverse, not only within the host countries, but also across various regions of the same host state. The boundaries between them emerge on very different grounds and are very hard, up to competition and even rejection. To determine the boundaries and the number of Russian-speaking communities, this study advances a concept of "six features of Russian identity": ethno-cultural, geographical, linguistic, civil, administrative, and religious. *Research for this paper was conducted with the support of a grant from the Russian Science Foundation (Project № 16-18-10435 «Emigration from Russia and the formation of the Russian-speaking communities: new trends, socio-demographic and economic consequences»).*

А.А. Ярлыкапов
(Москва, Россия)

**СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ: ИСЛАМ И МИГРАЦИИ
(МИГРАЦИИ ЛЮДЕЙ И МИГРАЦИИ ИДЕЙ)**

Akhmet Yarlykapov (Moscow, Russia)
**Northern Caucasus: Islam and migrations (migrations of people
and migrations of ideas)**

В докладе будет рассмотрено развитие ислама на Северном Кавказе с конца 1980-х гг. до настоящего времени, в контексте наступившей одновременно беспрецедентной мобильности людей с усилением миграции с гор на равнину и началом миграции с равнины на Север и в крупные города России.

Именно Север и крупные города России становятся одним из важных источников новых интерпретаций ислама, и миграция людей приводит к интересной миграции идей, внося свой вклад в усиление мозаичности ислама на Северном Кавказе.

Сегодня ситуация на Северном Кавказе все больше и больше отдалается от схемы «традиционного» и «нетрадиционного» ислама, которая была актуальна в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Сам «традиционный» ислам серьезно трансформируется под влиянием глобальных процессов, происходящих в современном исламе, а так называемый нетрадиционный ислам не представляет собой чего-то единого. Даже так называемые салафиты представлены множеством различных интерпретаций, которые циркулируют как в пространстве Интернет, так и посредством людей, перевозящих их из одного региона в другой.

Е.В. Лярская
(Санкт-Петербург, Россия)

«...ПРИЕЗЖАЮТ НА ПОЛГОДА, ОСТАЮТСЯ НАВСЕГДА»?

Elena Lyarskaya (St. Petersburg, Russia)
“...They come for a year and stay forever”?

Современное население Ямало-Ненецкого АО в зависимости от его самосознания и срока проживания в этой местности условно можно разделить на три группы: коренные жители, местные и приезжие. В отличие от многих других регионов Севера, теряющих в последние десятилетия свое население, на Ямал люди продолжают стремиться, округ сейчас является одним из главных центров притяжения трудовых мигрантов в стране. (Демографический доклад 2013: 306). Вследствие этого группа приезжих все время пополняется, и их доля в населении постоянно довольно высока. Часть людей приезжает на Ямал на вахту, а другая часть перебирается туда на довольно длительные сроки. Далеко не все из обосновавшихся в округе недавно связаны с добычей углеводородов.

В докладе речь пойдет именно о той группе людей, которая приехала в округ в последнее время на относительно продолжительный срок, не считает себя тут местной и не связана напрямую с добычей ископаемых. Уже давно сложилась традиция и в публицистике, и в науке описывать «приезжих» как временщиков, для большинства которых характерно «потребительское отношение» к Северу и погоня за длинным рублем. Собранные в поле материалы позволяют увидеть более сложную картину взаимодействия новых мигрантов с теми, кто уже давно здесь проживает. В докладе я коснусь вопросов, откуда и каким образом приезжают на Ямал эти «новые» люди, как устроены их взаимоотношения с теми, кого можно условно обозначить словами «коренные» и «местные», чего эти мигранты ждут от Севера, в какие социальные сети они включены, какова их роль в местных сообществах.

Доклад основан на полевых материалах, собранных в 2015 и 2016 гг. в Надыме, Салехарде и Ямальском районе ЯНАО в ходе работы над коллективным проектом «"Дети девяностых" в современной Российской Арктике: оценка настоящего и желаемое будущее» (грант РНФ (№ 14-18-02136)).

Литература

Население России 2013. Демографический доклад. М., 2015. С. 296–357.

Madeleine Reeves

(Manchester, United Kingdom)

TIME AND CONTINGENCY IN THE ANTHROPOLOGY OF BORDERS: ON BORDER AS EVENT IN RURAL CENTRAL ASIA

Мадлен Ривз (Манчестер, Великобритания)

Время и непредвиденные обстоятельства в антропологии границ: о границе как событии в сельской Центральной Азии

This paper contributes to an exploration of temporality and contingency in the anthropology of borders. Drawing on fieldwork in 2013 and 2014 in the village of Ak-Sai, along Kyrgyzstan's partially-delimited land-border with Tajikistan at the southern perimeter of the Ferghana valley, I explore the relationship between a 'critical event' (Das 2010) and its aftermath to argue for a more variegated account of bordering than that which has hitherto dominated in regional literature. I focus ethnographically on the experience of a particular family at a moment of considerable local tension over the entailments of state sovereignty when, at the start of Kyrgyzstan's third decade of independence, borders came to materialise in new and consequential ways.

Through this ethnographic example I seek to engage critically with a growing literature on the temporality of borders (Demetriou 2013; Green 2012; Kaiser 2012; Little 2015; Radu 2010). While there has emerged a rich and nuanced literature that has questioned a taken-for-granted spatiality of international borders, comparatively less attention has been given to borders' variable temporality: their capacity to intensify and dissipate, materialise and dematerialise; to 'erupt', regularly or sporadically, and to do so differently for asymmetrically positioned individuals and social groups. Taking temporality to refer to time 'as it manifests itself in human existence' (Hoy 2009: xiii), my concern is less to provide a 'biography' of Ferghana valley borders, in the sense of their progressive transformation over time, than to explore the aspect of borders that was often spoken of as most disconcerting by my informants and which I most struggled to

make sense of during the course of fieldwork: borders' experiential contingency and arbitrariness; the sense that they could materialise, suddenly or violently, blocking habitual routes through a landscape, undermining routines, and violently undermining life projects rooted in mobility.

How, I ask, might we develop a critical anthropology of borders that is attentive to their temporal complexity; that is, to the fact that borders are the contingent, and potentially rapidly shifting outcomes of multiple, non-synchronous social and political processes? And how is such temporality experienced by those whose lives are led at the cartographic margins of the state – and thus at sites that are both symbolically and geopolitically over-determined as limit points for the national body?

Bibliography

Das V. Critical Events: An Anthropological Perspective on India. New Delhi: Oxford University Press, 1995.

Demetriou O. Capricious Borders: Minority, Population, and Counter-Conduct Between Greece and Turkey. Oxford: Berghahn, 2013.

Hoy D. The Time of Our Lives: A Critical History of Temporality. Cambridge, MA: MIT Press, 2009.

Green S. A Sense of Border // Thomas Wilson and Hastings Donna (eds.), A Companion to Border Studies. Oxford: Blackwell Publishing, 2012. P. 573–592.

Kaiser R. Reassembling the Event: Estonia's 'Bronze Night' // Environment and Planning D. 2012. № 30 (6). P. 1046–1063.

Little A. The Complex Temporality of Borders: Contingency and Normativity // European Journal of Political Theory. 2015. № 14 (4). P. 429–447.

Radu C. Beyond Border-‘Dwelling’: Temporalizing the Border-Space Through Events // Anthropological Theory. 2010. № 10 (4). P. 409–433.

Otto Habeck

(Hamburg, Germany), Agnieszka Halemba (Warsaw, Poland)

**NEW DIRECTIONS IN THE POLISH-GERMAN BORDER-
LAND TOWARDS POMERANIA OR SOME DIFFERENT
ENTITY?**

Отто Хабек (Гамбург, Германия), Агнешка Халемба
(Варшава, Польша)

**Новые направления на польско-немецкой пограничной
территории – в сторону Померании или иного образования?**

This paper examines the nexus of relocation, memory and identity in a transnational setting, complicating existing notions of migration. It is based on initial findings of fieldwork in the northern part of the Polish-German borderland, known as Pomerania on both sides of the border. The context is one of almost complete replacement of the population after 1945 in this region on what is now the Polish side. The previous German inhabitants moved west, some of them settling in nearby settlements just across the newly drawn border, while others went further west. The towns and villages, which they left behind, were then occupied by Poles from the areas, which became parts of USSR, from central Poland but also by those who returned to Poland from forced labour in Germany or from other countries. There were also substantial settlements of Rusyns and/or Ukrainians in the region as a result of the Action Wisła (1947). The Polish side of the border became known as *Ziemie Odzyskane*, that is "the regained lands" – the name that is sometimes still used in Poland, although deemed nowadays as politically incorrect.

This section of the border thereafter was closed almost hermetically – up to the early 1970s. Transnational activities and cross-border traffic became possible at a modest level from that time onward and visibly intensified after 1990. After Poland's accession to the European Union in 2004 and to the Schengen agreement in 2007, cross-border mobility changed its character. Today, what we find is a situation of asymmetric relations and mobilities: Polish citizens buy real estate on the German side, take on jobs and/or go to the German side for free time excursions. Some German or international enterprises have factories on the Polish side. Germans cross the border for occasional shopping more than for any other purpose. While inhabitants on both sides are clearly aware of the

causes of the Second World War and acknowledge the suffering of civilians throughout the region, there are marked differences in the perception of the region's history and identity. The number of activists who pursue cross-border dialogue and cooperation is small, but nonetheless we find pragmatic transnational relations in many fields, including cultural exchanges and football. The idea of a shared "Pomeranian identity" is, probably, barely existent and is not persuasive enough to create strongly felt commonalities. On the other hand, although people do not explicitly express identifications that would link them with their German/Polish neighbours, at least some people in the region, namely Poles who choose to settle on the German side, seem to treat both sides of the border as one living space. Hence, the notion of migration does not seem to be appropriate to describe their activities and life choices. In short, many Poles who work and/or live now in Germany do not have a feeling of migrating from one country to another; rather, they look for life opportunities, regardless if they exist in this or that nation-state.

Moreover, an interesting aspect is the perception of a historical "third": the Red Army and the Soviet military in both Poland and (former) GDR. Although memories of the loss on the German side and of the new beginning on the Polish side can be seen as dividing the population on the two sides of the national border to some extent, the common memory of what is perceived as Soviet, Russian and Ukrainian (for the Poles) violence in the region and in the regions of origin, seems to feed into a common memory-talk. Tentatively, it can be suggested that the memory of Soviet occupation links Polish and German inhabitants of the region.

Our long-term aim is to develop a new language concerning transnational practices, which would move beyond and problematise the notion of migration. Moreover, we want to pose the following questions: do Germans and Poles in Pomerania have to explicitly subscribe to one Pomeranian identity in order to act in a way, which could be seen as a regional identification? If we consider a possible future of this region, what could form a basis of identification? Finally, how should we conceptually frame the new pragmatism and emotional ease with which people operate across the state border?

Панель 2 – Миграция и города
Panel 2 – Migration and Cities

М.А. Олимов
(Душанбе, Таджикистан)

**МЕЧЕТЬ НАВИЛЕМ В ПОИСКАХ ПАРАДИГМЫ
СУЩЕСТВОВАНИЯ: СЕЛЬСКИЙ ИСЛАМ В ГОРОДЕ**

Muzaffar Olimov (Dushanbe, Republic of Tajikistan)
**The Navgilem mosque in search of a paradigm for existence: rural
Islam in the city**

Акцент исследователей на макропроцессах, религиозной политике, политическом исламе и безопасности стал препятствием для изучения и понимания ислама в Центральной Азии как плюралистического явления. Центральноеазиатские общества часто воспринимаются как относительно пассивные объекты религиозной политики и действий государства, а также как реципиенты различных внешних воздействий. Это привело к обоснованной критике существующих исследовательских парадигм и дискурсов (Dudoignon & Noack, 2014; Boboyorov, 2011). В последние годы появляется все больше работ, в которых рассматриваются социальные аспекты религиозной жизни в странах Центральной Азии. Тем не менее представляется, что интерес исследователей к социальным функциям религиозных институтов, их роли в обществе явно недостаточен. В свете быстрых изменений центральноазиатских обществ в ходе постсоветского транзита особого внимания требует проблема трансформации традиционных социальных и религиозных институтов в связи с миграцией. Исследователи уже отмечали (Dudoignon, 2014), что в отличие от других частей исламского мира в СССР и позже – в постсоветской Центральной Азии, возрождение ислама происходило в сельской местности, а не в городах. Ярким примером является случай Таджикистана. Направления религиозной жизни в Таджикистане в советский период определяли локальные сельские религиозные общины, объединенные родственными, соседскими и земляческими связями, локальной формой ислама, авторитетом местных религиозных лидеров и после обретения независимости – собственной мечетью. После

распада СССР Среднюю Азию охватили волны масштабных миграций, включая трудовую миграцию из сел Центральной Азии в города России. Сельский ислам начал превращаться в городской ислам, переходя от локальных сельских религиозных общин в городскую атомизированную общину, где мечеть выполняет иные функции, играет иные роли. К основным функциям мечети, таким как целеполагание, ритуально-солидарная, нормативно-этическая, культурная, благотворительность, религиозное обучение и воспитание, прибавились интегративная функция по адаптации и интеграции мигрантов в принимающее общество, которая предусматривает обеспечение мигрантов услугами по поиску работы, жилья, помощи в легализации и др., а также защита и обеспечение безопасности. Мечеть и община (джамоат) позволяют мигрантам накапливать социальный капитал, осуществлять гражданское участие и благотворительность, что дает навыки самоорганизации и, наконец, формирует такие идентичности, которые позволяют таджикским мигрантам включиться в российское общество.

Одновременно изменение институтов и организации религиозной жизни в миграции объективно создают благоприятные условия для распространения среди мигрантов новых, модернистских форм ислама, их отказа от локальных форм и распространения направлений глобалистского ислама.

Литература

Dudoignon S.e and Noack Ch., eds. Allah's Kolkhozes. Migration, De-Stalinisation, Privatisation and the New Muslim Congregations in the Soviet Realm (1950s – 2000s). Berlin: Klaus Schwarz Verlag, 2014.

Boboyorov H. The role of collective identities in shaping local governance in Southern Khatlon of Tajikistan. University of Bonn, 2011.

С.И. Ковальская, К.Г. Аканов
(Астана, Казахстан)

НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВО И МИГРАЦИОННАЯ ДИНАМИКА НАСЕЛЕНИЯ АСТАНЫ

Svetlana Kovalskaya and Kuanysh Akanov
(Astana, Republic of Kazakhstan)

Nation-building and the dynamics of migration among the population of Astana

В 1994 г. был начат процесс переноса столицы казахского государства из города Алматы в город Акмола (позднее Астана). 20 октября 1997 г. Указом Президента РК было объявлено, что Акмола становится столицей с 10 декабря 1997 г.

Отметим, что город был областным центром Акмолинской области с населением 294,6 тыс. человек (Забирова 2002: 17). Население Акмолы, по данным на 1996 г., составляло 275 тыс. человек. В области – 816 тыс. человек, из них: русские – 381,3 тыс., казахи – 228 тыс., украинцы – 70,6 тыс., немцы – 50,4 тыс., белорусы – 22,7 тыс. (Регион. стат. ежег. 1996: 5). Цифры демонстрируют численное преимущество русского этноса над казахским в городе, выбранном в качестве столицы Республики Казахстан.

Сегодня столица Казахстана носит название Астана и является самостоятельной административно-территориальной единицей. В городе, по данным официальной статистики, на 1 апреля 2016 г. проживает 872,6 тыс. жителей. Из них 658,9 тыс. составляют казахи, 133,6 тыс. – русские, 13,8 тыс. – украинцы, 10,8 тыс. – татары, 9,2 тыс. – узбеки (Численность 2016). Налицо существенные изменения в демографическом портрете столицы, где казахи заняли главенствующую позицию, а 4-е и 5-е места по численности заняли татары и узбеки, вытеснившие немцев и белорусов.

В докладе, опираясь на материалы переписей населения 1999 и 2009 гг., рассмотрим, как менялась демографическая картина города и какую роль в этом сыграли миграционные процессы, влияние которых выросло с 13,6% в 1999 г. до 52,8% в 2009 г. (Миграция 2000: 82; Миграция 2011: 5).

В городе изменилась не только демографическая картина, но и сам антропологический облик столицы. Исследователи К. Медеуова

и Н. Бекус наглядно демонстрируют, как Астана из города советской эпохи превращается в современный город, являющийся сочетанием национального и европейского образов. Причем переход осуществлялся во многих сферах. В лексической – от советских названий к английским (переименование ЦУМа в «SineTempore», строительство кинотеатра «Синема-сити», прогулочной галереи «Миллениум» и др.), а от них – к казахским («Синема-сити» – в «Сарыарка», «Сити-Маркет» в «Казына»); геополитическом – Астана как центр Евразийского пространства; историческом – переименование улиц; архитектурном – смена советского архитектурного облика на национальный, появление европейских черт, принятие генплана Курокавы (Бекус, Медеуова 2011). От себя добавим, что полностью избавиться от визуального советского присутствия не удалось. Остались советские архитектурные постройки и надписи на зданиях (к примеру, «Целина поднята, подвиг продолжается»).

Со времени переноса столицы миграционные потоки существенно изменили её облик, благодаря чему в городе увеличилась численность казахов, которые являются титульной нацией. Изменился и антропологический облик Астаны, который демонстрирует смешение различных культур: национальной и европейской с частичным присутствием постепенно исчезающего советского наследия.

Литература

Забирова А.Т. Миграция, урбанизация и идентификация у казахов. Case study Астана. Алматы, 2002. 136 с.

Региональный статистический ежегодник Казахстана. Алматы, 1996. 554 с.

Комитет по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан. Численность населения Республики Казахстан по отдельным этносам на начало 2016 года. Сер.23. Демография, 2016.

Миграция населения. Итоги переписи населения 1999 года в Республике Казахстан: ст. справ. / под ред. А. Смаилова. Алматы, 2000.

Миграция населения. Итоги национальной переписи населения Республики Казахстан 2009 год: стат. сб. / под. ред. А.А. Смаилова. Астана, 2011. 230 с.

Бекус Н., Медеуова К. Смена эпох как смена столиц: Астана как глобальный центр // Сайт «Новое литературное обозрение». Опубликовано в журнале «Неприкосновенный запас» № 80 (6/2011) [Электронный ресурс]. URL: [http:// www.nlobooks.ru/node/1581](http://www.nlobooks.ru/node/1581) (дата обращения: 30.05.2016).

Е.Б. Деминцева
(Москва, Россия)

**ВЫБОР МЕСТА ПРОЖИВАНИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ
РАССЕЛЕНИЯ МИГРАНТОВ В ГОРОДЕ (НА ПРИМЕРЕ
ИССЛЕДОВАНИЙ ВО ФРАНЦИИ И В РОССИИ)**

Ekaterina Demintseva (Moscow, Russia)

**Choosing a place of residence: opportunities for migrant resettlement
in a city (based on research in France and in Russia)**

Место проживания в городе является одним из важных факторов, влияющих на возможности социально-экономической интеграции мигрантов в принимающее общество (Massey 1985; Fong and Hou 2009). На выбор места жительства приезжающих в город трудовых мигрантов может повлиять не только стоимость жилья и его расположение, но и этническое происхождение мигранта, его религиозная принадлежность, социальный статус, а также наличие (или отсутствие) социальных связей в городе (Massey and Bitterman 1985; Alba and Nee 2003; Lewitt 2001). Поэтому мигранты имеют разные возможности и стратегии при приезде в город, а выбор района, квартала, конкретного дома или квартиры зависит от многих обстоятельств, в том числе и от степени его доступа к инфраструктуре города (Lee, Iceland and Farrell 2014) и социального капитала (Bourdieu 1980; Coleman 1988; Portes 1998).

Европейские исследователи, рассматривая тему расселения мигрантов, обращают внимание на социальную сегрегацию городов Европы и расселение прибывающих трудовых мигрантов в бедных социально однородных районах (Dubet, Lapeyronnie 1992; Lapeyronnie 2008; Wacquant 2007). Ученые подчеркивают, что мигрант при приезде в город выбирает недорогое жилье в бедных районах города, старается жить рядом со своими соотечественниками, создавая вокруг себя социально-экономическую инфраструктуру и формируя социальную сеть для друзей и знакомых.

В Москве нет кварталов, в которых бы концентрировались мигранты из одной страны или региона (Вендина 2009; Деминцева, Пешкова 2014). Мигранты могут жить в разных районах города, но поддерживать постоянные связи со своим этническим сообществом (Деминцева, Пешкова 2014). В случае с мигрантами в Москве мы

можем добавить еще одну, на наш взгляд, важную причину повсеместного расселения мигрантов – особенность социальной структуры постсоветского города. Сохранившееся с советских времен социальное смешение населения города позволяет мигрантам снимать дешевые квартиры даже в «престижных» районах и селиться рядом с местом работы.

В докладе я представлю результаты своих исследований, проведенных во Франции и в России. Мы рассмотрим теоретические модели, анализирующие тему расселения мигрантов. Также на примере расселения выходцев из стран Магриба во Франции и Средней Азии в Москве мы посмотрим, как эти модели «работают» в разных государствах и какие факторы влияют на выбор жилья мигрантами в каждом конкретном случае.

Литература

Alba R.D. and Nee V. Remaking the American Mainstream: Assimilation and Contemporary Immigration. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003.

Bourdieu P. Le capital social: notes provisoires // Actes de la Recherche en Sciences Sociales. 1980. № 31. P. 2–3.

Coleman J.S. Social Capital in the Creation of Human Capital // The American Journal of Sociology. 1988. № 94. P. 95–120.

Dubet F. and Lapeyronnie D. Les quartiers d'exil. Paris: Seuil, 1992.

Fong E. and Hou F. Residential patterns across generations of new immigrant groups // Sociological Perspectives. 2009. № 52. P. 409–428.

Lapeyronnie D. Ghetto urbain. Ségrégation, violence, pauvreté en France aujourd'hui. Paris: Robert Laffont, 2008.

Lee B.A., Iceland J. and Farrell Ch.R. Is Ethnoracial Residential Integration on the Rise? Evidence from Metropolitan and Micropolitan America since 1980 // Diversity and Disparities: America Enters a New Century / edited by J.R. Logan. N.Y.: Russell Sage Foundation, 2014. P. 415–456.

Levitt P. The transnational Villagers. Berkeley: University of California Press, 2001.

Massey D.S. Ethnic Residential Segregation: A Theoretical Synthesis and Empirical Review // Sociology and Social Research. 1985. № 69. P. 315–350.

Massey D.S. and Bitterman B. Explaining the Paradox of Puerto Rican Segregation // Social Forces. 1985. № 64. P. 307–331.

Portes A. and Zhou M. The New Second Generation: Segmented Assimilation and Its Variants // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1993. № 530. P. 74–96.

Wacquant L. Parias urbains. Ghetto, banlieues, Etat. Une sociologie comparée de la marginalité sociale. Paris: La Découverte, 2006.

Zhou M. and Logan J.R. Returns on human capital in ethnic enclaves: New York City's Chinatown // *American sociological review*. 1989. № 54. P. 809–820.

Zhou M. Chinatown: The Socioeconomic Potential of an Urban Enclave. Philadelphia, PA: Temple University Press, 1992.

Вендина О. Культурное разнообразие и «побочные» эффекты этнокультурной политики в Москве // *Иммигранты в Москве* / ред. Ж. Зайончковская. М.: Институт Кеннана, Три квадрата, 2009.

Деминцева Е., Пешкова В. Мигранты из Средней Азии в Москве // *Демоскоп Weekly*. 2014. № 597–598.

Д.О. Тимошкин
(Иркутск, Россия)

НЕФОРМАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА ИРКУТСКОГО ПРИГОРОДА: ВИДИМЫЕ СЕТИ В «НЕВИДИМОМ» ПРОСТРАНСТВЕ

Dmitriy Timoshkin (Irkutsk, Russia)

Informal economy on the outskirts of Irkutsk: visible networks in the 'invisible' space

Этот доклад посвящен не столько феномену иркутского пригорода, сколько проблеме изучения социальных пространств и практик, которые не фиксируются в институционализированной реальности или в социальных ситуациях, существование которых признается и считается приемлемым как органами власти, так и «общественным мнением».

Изучение таких пространств относительно просто для социолога, существует общепринятый язык их описания, статистика, которая дает материал для анализа. Сложнее обстоят дела с трансформирующимися пространствами, язык описания которых только зарождается. Они крайне динамичны, вследствие чего могут оставаться невидимыми для государства, в то же время в них может происходить социальная активность, оказывающая существенное влияние на окружающую среду. Это воздействие не регистрируется, не подвергается учету и контролю, «о нем не говорят», следовательно, на карте социальной реальности «здесь и сейчас» остается белое пятно.

«Благие намерения государства» (Скотт 2005) обходят эти пространства стороной, с формальной точки зрения социальное взаимо-

действие выстраивается здесь не в соответствии с писаной нормой, а спонтанно. Роль государственных институтов здесь играют неформальные социальные сети (Бляхер 2013), которые и являются объектом нашего исследования.

Сложность их изучения состоит в том, что взаимодействие интервьюера и респондента может быть сильно осложнено невключенностью первого в неформальные локальные сообщества. Респондент может не фиксировать свою включенность в неформальные сети, считая их частью очевидной повседневной реальности, чем-то незначительным. Еще одна причина – недоверие интервьюера, особенно в том случае, если речь идет о практиках, находящихся на грани легальности. Поскольку в «официальной» реальности исследуемого пространства (практики) просто нет, отсутствуют столь полезные для количественного исследования статистические данные.

Предлагаемый метод, предположительно, способен частично решить эти затруднения. Он заключается в анализе зафиксированных во времени моментах коммуникации между людьми, включенными в «невидимые» пространства – сообщений на форумах, в социальных сетях, рекламных объявлений, текстов электронных СМИ.

Проще говоря, основная идея – искать социальные сети в нарративах сети Интернет. В текстовом пространстве, «реальности второго порядка» (Луман 2005), будут воспроизводиться те же системы социальных статусов и связей, что и в коммуникации лицом к лицу, что позволяет увидеть, как люди определяют друг друга в этих пространствах, описывают их границы, вскрывая старые и создавая новые социальные сети.

Иркутский пригород представляется типичным примером «невидимого» для власти пространства (Григоричев 2013), породившего собственные мифы и весьма специфические экономические практики. Задача исследования заключалась в том, чтобы определить, проявляются ли в массовой коммуникации социальные сети и описать их. Для максимального сужения исследовательского поля было решено ограничиться экономическими практиками. Исследование состоит из двух блоков. В первый входят сообщения из социальных сетей, форумов, интернет-реклама. Второй блок – сообщения СМИ, связанные с экономикой иркутского пригорода.

Литература

Бляхер Л.Е. Восточный поворот России. Возникновение и выживание естественного порядка в малых городах Дальнего Востока России. Иркутск: Оттиск, 2013. 111 с.

Григоричев К.В. В тени большого города: социальное пространство пригорода. Иркутск: Оттиск, 2013. 247 с.

Луман Н. Реальность Массмедиа. М.: Праксис, 2005. 256 с.

Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как провалились проекты улучшения условий человеческой жизни. М.: Универ. книга, 2005. 576 с.

**Д.Р. Ерофеева, С.Д. Джанызакова, Е.О. Лукьянова,
А.А. Садырин, Ф.А. Сметанин**
(Томск, Россия)

СТРАТЕГИИ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛУФОРМАЛИЗОВАННЫХ ИНТЕРВЬЮ С ТРУДОВЫМИ ЭТНИЧЕСКИМИ МИГРАНТАМИ г. ТОМСКА)¹

Diana Erofeeva, Seil Djanyzakova, Ekaterina Lukyanova,
Anton Sadyrin, and Fyodor Smetanin
(Tomsk, Russia)

Migrants adaptation strategies (based on semi-structured interviews with labour migrants in the city of Tomsk)

Актуальность исследования, представленного в докладе, сегодня обусловлена кризисными явлениями в экономике, слабо управляемыми миграционными процессами, обострением политической и миграционной ситуации в мире. В этом контексте проблема интеграции трудовых мигрантов в принимающее общество, взаимоотношений между мигрантами и местным населением приобретает большое политико-практическое и социокультурное значение.

Противоречие заключается в несоответствии заинтересованности государства в мигрантах (работоспособный возраст, многодетность)

¹ Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 №14.В25.31.0009).

как в человеческом, трудовом ресурсе, способном сгладить демографические проблемы, с одной стороны, и отсутствии эффективных практик управления адаптацией и интеграцией мигрантов. Проявляется эта ситуация в большей степени в том, что механизмы включения мигрантов в принимающее общество не эффективны и существуют определенные барьеры для адаптации мигрантов. Таким образом, проблема может быть сформулирована в вопросе: «Каковы условия включения мигрантов в принимающее общество?»

Цель нашего исследования заключается в том, чтобы определить, как протекает процесс адаптации мигрантов в различных сферах (на рынке труда и трудовые отношения в административно-правовой, в системе социальной защиты, сфере культуры). Задачи:

- обозначить характеристики мигрантов как специфической социальной группы;
- выделить проблемы, с которыми сталкиваются мигранты в процессе вхождения в принимающее общество;
- выявить эффективные и неэффективные адаптационные стратегии мигрантов и практики управления адаптации и интеграции мигрантов.

Поставленные задачи решаются посредством организации полуструктурированных интервью. В качестве информантов выбраны этнические трудовые мигранты – как наиболее проблемная и неоднозначная группа в плане наличествующих стратегий адаптации.

В исследовании заявлены две основные гипотезы: существующие практики управления миграцией недостаточно эффективны для успешной адаптации мигрантов; выбор той или иной адаптационной стратегии зависит от ожиданий мигрантов: если приезжие ориентированы на временное (пусть и долгосрочное) пребывание в стране, то выбор, скорее, будет сделан в пользу «геттоизации», если же присутствует ориентация на постоянное жительство, то выбирают стратегию интеграции, в отдельных случаях – ассимиляцию.

В ходе исследования представляется необходимым ответить на следующие вопросы: каковы наиболее эффективные практики, направленные на адаптацию и интеграцию мигрантов в принимающее общество, от каких внутренних и внешних факторов зависит выбор той или иной адаптационной стратегии? Какие формы организации мигрантов фактически существуют, какие популярны, почему? Какой сценарий взаимодействия групп этнических мигрантов и местного населения реализуется сейчас в регионе, наиболее ожидаемый в

нашем регионе тренд: ассимиляция, геттоизация или др. Анализ благоприятных для развития того или иного сценария факторов;

Анализ полуформализованных интервью с мигрантами раскрывает управленческие практики интеграции мигрантов в принимающее общество, характерные для региона способы и формы адаптации этнических мигрантов, а также позволяет определить основные тенденции миграции в регион и сформулировать ряд рекомендаций для возможного использования местными властями.

Bhavna Dave

(London, United Kingdom)

MIGRANTS ASSOCIATIONS IN MOSCOW: BETWEEN STATE PATRONAGE AND CIVIL SOCIETY

Бавна Даве (Лондон, Великобритания)

Объединения мигрантов в Москве: между государственным патронажем и гражданским обществом

The increase in the scale of labour migration in Russia, its complex migration regulatory regime and ineffective implementation have led to formation of various migrants or diaspora associations who offer a variety of services to migrants in the face of weakness of rule of law and civil society organisations. Migrants' associations are also required to register under one of the bureaucratic categories – migrants rights NGO, a social organization (*obshchestvennaya organizatsiya*), social fund (*obshchestvennyi fond*) etc. – in order in order to be able to operate legally. Navigating the complex bureaucratic procedures for registration, remaining legal and registered, and raising funds without being seen as a 'commercial enterprise' or 'foreign-funded' association are the fundamental challenges they encounter. These survival imperatives require them to cultivate close personal connections with key figures within the government, as well as with their respective embassies and diaspora officials. The struggle for survival and for staying legal generates considerable competition between the various migrants associations, including NGOs, resulting in personalised rivalries. In this climate, what services, protection, welfare assistance and advice are they able to offer to their compatriots and how 'representative' can they claim to be? This paper will explore how these migrants'

and diaspora associations position themselves vis-à-vis the state, their respective ethnic or national communities and civil society organisations in articulating cultural, social and legal claims of migrants. The paper will focus on associations and networks representing migrants from Tajikistan, Uzbekistan and Kyrgyzstan in Moscow and Moscow region.

***Панель 3 – Мигранты, диаспоры и (неформальные)
экономики***

Panel 3 – Migrants, Diasporas and (Informal) Economies

В.И. Дятлов
(Иркутск, Россия)

**ПОСТСОВЕТСКИЕ РЫНКИ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ:
НОВЫЙ ФЕНОМЕН ИЛИ ПРОДОЛЖЕНИЕ ТРАДИЦИИ?**

Viktor Dyatlov (Irkutsk, Russia)

**Post-Soviet open-air markets: a new phenomenon or a continuation
of traditions?**

Постсоветские рынки под открытым небом, в том числе и «этнические», были важнейшей составной частью постсоциалистического транзита, неотъемлемой частью городского пейзажа и повседневной жизни миллионов людей. В повседневность горожан они вошли вначале как важный механизм выживания, а затем и как элемент организации городского пространства и городских отношений. От Вьетнама до Германии, связанные активностью миллионов «челноков»-торговцев, они были частью мировой системы, по которой шли огромные потоки товаров, денег, людей, происходил контакт деловых культур, культур вообще.

Основная гипотеза состоит в том, что это были не пережившие советский строй рудименты восточных базаров и ярмарок. Традиционных базаров вообще. Это и не гипертрофированно разросшееся продолжение советских «колхозных рынков» и барахолок (вещевых рынков). При некотором внешнем сходстве, иногда при генетическом родстве с ними – это качественно новый феномен. Новизна

предопределялась контекстом – особыми экономическими и социальными функциями в переходную эпоху, огромной ролью, новыми людьми и новыми отношениями.

Торговлей на рынках стали заниматься бывшие советские люди, выросшие в обществе, где профессиональная рыночная деятельность не просто запрещалась государством, но и осуждалась общественным мнением и моралью. Пришла масса людей без рыночного прошлого, без соответствующих традиций, ценностных установок, навыков и опыта. Рынки стали механизмом экономического выживания для огромного количества людей, потерявших прежний статус и источники доходов. Торговля для многих, а может быть и большинства из них, была на первых порах способом существования, а не механизмом получения прибылей. Для наиболее предприимчивой, энергичной, мотивированной и удачливой части это была стартовая площадка для занятия бизнесом, предпринимательством в полном смысле этого слова.

Рынки стали на какое-то время ключевым элементом механизма снабжения, особенно для слоев с низкими доходами, в условиях полного краха социалистической распределительной системы.

Довольно быстро они стали логистическими узлами новой системы торговли, почти сразу трансрегиональной и трансграничной. В качестве начальных и конечных терминалов системы челночной торговли, мест, где формировались огромные торговые потоки и где они заканчивались, рынки интегрировались в глобальную систему отношений – и не только торговых, но и социокультурных.

В качестве механизма по продвижению на формирующиеся потребительские рынки китайских и турецких товаров они практически сразу стали притягивать экономическую активность мигрантов, в том числе и трансграничных, превратившись в место и механизм их экономической, социальной и культурной адаптации. Масштабы этого явления оказались таковы, что многие из них стали в глазах городских сообществ «этническими» – китайскими, киргизскими, кавказскими. «Этнические рынки» быстро переросли простой формат торговых площадок и превратились в сложные и саморазвивающиеся социальные организмы, сгустки социальных связей, сетей, конфликтов, механизмов власти и контроля. Попытки описать и понять этот феномен актуализировали дискуссии вокруг проблемы «этнической экономики», «торговых меньшинств».

Концентрация иноязычных и инокультурных мигрантов быстро сделала этнические рынки крупным, возможно и крупнейшим, этническим кластером на карте многих городов, особенно востока России. Будучи публичной сферой, местом, где постоянно встречается и тесно общается масса людей, рынки стали местом контакта и механизмом взаимной адаптации представителей различных культур.

Рынки приобрели огромное символическое значение, олицетворяя в глазах населения массу новых форм жизни, экономических и культурных практик, способов социальных контактов и отношений, поэтому они стали очень важным объектом внимания в городском сообществе, предметом управленческих решений властей всех уровней и их головной боли по поводу сопровождающего их сгустка проблем и конфликтов.

Рынки под открытым небом отступают под натиском конкуренции современных и экономически эффективных торговых форматов – ретейлерских сетей, пассажей, гипермаркетов, моллов. Регулярный внешнеторговый бизнес вкупе с ужесточением таможенной политики выдавили челночничество – залог их устойчивости и процветания. Сыграв огромную роль в качестве машины по выработке рыночности и предпринимательской модели поведения, этики, системы ценностей, они должны уйти по определению. Постсоветские рынки уходят в прошлое – вместе с постсоветской переходной эпохой.

Д.Е. Брызгина
(Иркутск, Россия)

ВЛИЯНИЕ «КИТАЙСКИХ» РЫНКОВ НА ГОРОДСКИЕ МОБИЛЬНОСТИ

Diana Bryazgina (Irkutsk, Russia)
The impact of 'Chinese' markets on urban mobilities

Особенностью ряда сибирских городов в XX в. стало появление новой локальности в жизни города – «китайских» рынков. Их социально-экономическое значение для населения в кризисный период определило их устойчивость и дальнейшее закрепление в качестве неотъемлемого элемента городской инфраструктуры. В современных условиях рынки приобретают новые функции и оказывают

влияние не только на экономические процессы, но и на пространственное и социальное развитие городов.

Одним из способов воздействия «китайских» рынков на городскую среду являются мобильности. Жизнь в современном городе трудно представить без регулярных перемещений. В этом смысле одним из измерений его многомерного пространства выступает система маршрутов, которая определяет эти перемещения и поведенческие практики горожан (Фень 2011: 146). Взгляд на город через призму городских мобильностей позволит выявить особые механизмы его пространственной трансформации, в которых рынки являются одним из ключевых факторов.

Составляя неотъемлемую часть повседневной жизни в городе, мобильности обладают множеством форм: от перемещений людей в пространстве; до потоков вещей, информации и смыслов (Урри 2012: 16). В контексте данного исследования под мобильностями рассматриваются именно физические передвижения в пространстве, поскольку они распространены повсеместно в жизни всех горожан, так или иначе определяя их взаимодействие с городом.

Объектом анализа является система общественного транспорта г. Иркутска. Публичность и доступность для различных слоев населения (Урри 2012: 202–203), присущие данному типу передвижения, обуславливают взаимосвязь общественных маршрутов с местоположением и функционированием «китайских» рынков в Иркутске. Это, в свою очередь, позволяет анализировать влияние рынков на организацию городского пространства в контексте развития транспортной системы города. Исследование кейса г. Иркутска демонстрирует особенности процесса формирования и развития городского пространства и мобильностей, а также ключевую роль «китайских» рынков в этих процессах.

Возникновение крупнейшего «китайского» рынка в центре Иркутска – «Шанхайки» – становится важнейшим фактором, определяющим пространственные взаимосвязи между районами. Пересечение основных транспортных маршрутов обеспечивает высокую степень интенсивности передвижений людей, а рынок как основной «притяжитель» покупателей формирует особые практики в центре города и придает им новое значение (Григоричев 2015: 96).

С трансформацией сегмента «китайской» торговли в Иркутске преобразуется не только его пространство, но и система мобильностей. Перенос рынка на периферию города, сохранившего функцию

притяжения людей, товаров и т.д., ознаменовался появлением новых маршрутов, усиливающих пространственные взаимосвязи. Таким образом, «рыночные» мобильности выступают основным механизмом коммуникации разных частей города.

Внутренняя организация города определяется функциями и взаимосвязями элементов его инфраструктуры. «Китайские» рынки, в этом качестве, оказываются особой инфраструктурой, которая является важнейшим связующим механизмом городского пространства через мобильности, инструментом его «сборки». Кроме того, происходящие изменения оказываются устойчивыми, несмотря на то, что сами рынки представляют собой динамичные структуры, тенденции развития которых ведут к их «растворению» в пространстве города.

Литература

Григоричев К.В. Базар и город: «китайский» рынок как точка сборки городского пространства // Этнические рынки в России: пространство торга и место встречи / науч. ред. В.И. Дятлов, К.В. Григоричев. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. С. 86–104.

Урри Дж. Мобильности: пер. с англ. М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2012. 576 с.

Фень Е.П. Город в движении: к вопросу о повседневности мобильности // Антропологический форум. 2011. № 15. С. 145–156.

Е.В. Ким

(Новосибирск, Россия)

СТРАТЕГИИ ЭТНИЧЕСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА КОРЕЙЦЕВ СИБИРИ В КОНТЕКСТЕ ДИАСПОРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

Ekaterina Kim (Novosibirsk, Russia)

Ethnic entrepreneurship strategies among the Koreans of Siberia in the context of the Republic of Korea's diaspora policy

В докладе рассматривается процесс смены экономической ориентации корейского сообщества Сибири в 1980–2010 гг. на фоне развития диаспоральных отношений с Республикой Корея. Одной из форм экономической адаптации корейских мигрантов, прежде всего, из Средней Азии в крупные города сибирского макрорегиона в

1980-х гг. стал характерный для корейцев России этнический бизнес по производству и продаже корейских салатов. Таким образом, корейская кухня стала широко представлена на рынке готовой пищи в большинстве крупнейших торговых сетей и знакома большинству потребителей в крупных городах Сибири. Следует заметить, что данный вид этнического предпринимательства направлен не столько на укрепление связей внутри диаспоры, сколько на расширение взаимодействия с принимающим обществом.

Однако с начала 2000-х гг., успешно завершив процесс адаптации и глубоко интегрировавшись в локальное сибирское сообщество, корейцы в большинстве своем сменили сферу деятельности. В настоящее время корейцы Сибири заняты преимущественно в строительном бизнесе, международной торговле, медицине, финансах, науке и др. Отдельные представители корейского сообщества Сибири постепенно включаются в процесс международного диаспорального взаимодействия с Республикой Корея, выступающей в роли страны их происхождения. Этому процессу способствует активная диаспоральная политика Южной Кореи, которая рассматривает зарубежных соотечественников как дополнительный экономический ресурс и активно развивает международное сотрудничество с представителями мировой корейской диаспоры. Следует заметить, что это выражается не только в декларативных заявлениях, но и в конкретных мерах по созданию глобальной сети корейских бизнесменов и налаживании экономических контактов.

Важно подчеркнуть, что этнический бизнес корейцев Сибири 1980-х гг. был направлен не на обособление этнической группы, а, наоборот, на ее скорейшее включение в локальное сообщество. В основе этого бизнеса лежали этнические особенности именно корейцев бывшего Советского Союза, зачастую имевших размытое представление об исторической родине. Однако следующим этапом развития корейцев Сибири стало их постепенное включение в транснациональное сотрудничество с Республикой Корея, что способствует укреплению двустороннего экономического сотрудничества России и Южной Кореи на региональном уровне.

Н.А. Гнисюк, С.О. Ушаров
(Москва, Россия)

ПРАКТИКИ ОСВОЕНИЯ ГОРОДСКОЙ ТЕРРИТОРИИ МИГРАНТАМИ: ИСТОРИЯ КРУШЕНИЯ ГАРАЖНОГО КООПЕРАТИВА

Nikolay Gnisyuk and Sergey Usharov (Moscow, Russia)
**Practices of the migrants' development of urban territories: on the
collapse of a garage cooperative**

В современных процессах глобальной миграции рождаются новые формы городских процессов геттоизации жилых пространств и новые стратегии взаимодействия на уровне сообществ. Наше исследование посвящено механизмам создания социального порядка «геттоизированного района» в крупном мегаполисе, тактикам и стратегиям сообществ мигрантов, укреплению их на новой земле в городе, схемам взаимоотношений сообществ, влиянию коалиций и анклавов на тактику расселения и выживания современного мигранта. В частности, нас интересуют следующие вопросы – каковы условия и возможности формирования трущобных территориальных анклавов? Как происходит формирование и трансформация такого рода социальных образований? Каким образом можно прогнозировать и регулировать процессы, связанные с миграцией и геттоизацией?

В качестве конкретного кейса мы изучали мигрантский гаражный комплекс в непосредственной близости от центрального здания МГУ, на обширной закрытой территории которого выстроился целый город со своим культурным ареалом, «халяльными кафе», ремонтными мастерскими, жилыми надстройками. Лишь спустя 30 лет борьбы была совершена попытка его сноса в результате строительного скандала и длительного конфликта с участием городских властей, собственников гаражей, частных застройщиков и МГУ, завершившаяся частичным разрушением кооператива, исходом части мигрантов и банкротством строительной компании. Особенно интересным для исследования его делает то, что он позволяет изучить открытое противостояние гетто с внешним городом и критическую ситуацию распада и возникновения сообществ.

По результатам исследования мы дадим оценку процессов включения мигрантов в городское пространство, определим специфику

механизмов присвоения и освоения территории, культурные изменения, связанные с изолированным проживанием, развёртку последствий стратегий и тактик социальных сил, историографию социальной борьбы за конкретное пространство, покажем механизмы расселения миграции из отбираемой территории, а также следствия миграции в отправляющих сообществах и культурное стигматизирование миграционных процессов в отправляющем сообществе.

Наше исследование является отчасти междисциплинарным, так как сочетает в себе социологические, антропологические и географические методологии и теории. Библиография в настоящий момент составляет около 30 теоретических и исследовательских источников. В настоящее время исследование находится на средней фазе сбора полевого материала, интервьюирования людей, причастных к истории кооператива, мигрантов и жителей. В июле мы будем участвовать в социолого-антропологической экспедиции в сельскую Армению для изучения отправляющих мигрантов сообществ и сбора данных для исследования.

Литература

- Археология периферии*: Сборник статей. М.: Strelka Institute, 2013.
- Скотт Дж. Благими намерениями государства. М.: Университетская книга, 2005.
- Джекобс Дж. Смерть и жизнь больших американских городов. М.: Новое издательство, 2011.
- Николаев В.Г. Чикагская школа социологии: сборник переводов. М.: ИНИОН РАН, 2015.
- Dilip Ratha, Sanket Mohapatra, Elina Scheja. Impact of Migration on Economic and Social Development, 2011.
- Garner S. and Bhattacharyya G. Poverty, ethnicity and place. 2011.
- Levitt B. Peggy and Jaworsky N. Transnational Migration Studies: Past Developments and Future Trends. 2007.

Alexander Burnasov and Kseniya Muratshina
(Yekaterinburg, Russia)

**AGRICULTURAL AND TRADE MIGRANT WORKERS FROM
CHINA IN THE URALS REGION: A CONFLICT SPOT OR A
CHANGE OF PRACTICES?**

**А.С. Бурнасов, К.Г. Муратшина (Екатеринбург, Россия)
Аграрные и торговые трудовые мигранты из Китая
в Уральском регионе: место конфликта или смена практик?**

This paper focuses on the study of Chinese agricultural and trade migrant workers' life practices in the Ural region (Sverdlovsk and Chelyabinsk Regions) under the conditions of integration processes that these regions are involved in.

Migration challenges have become a key issue on the agenda of the Russian-Chinese relations. Considerably high levels of legal, partly legal and illegal migration and certain life practices used by Chinese migrants, in terms of living, household activities, traditions, perceptions of Russia, ethnopsychological patterns of business conduct and attitude towards law, local society and environment, have already aroused a series of social, economic and environmental risks.

The life practices of Chinese trade migrants in the Ural region have changed since 1990s, with a certain improvement of production, trade and service standards, while those of the agricultural workers from China are relatively stable and less covered. The risks for social and environmental situation generating from the latter include violation of migration laws, unfair competition for local farmers, use of banned pesticides and growth stimulants, increase of water- and soil contamination with chemical agents and rubbish, conflicts with locals and overall increase in crime rate.

However, we argue that, as the development of regional integration processes and institutionalization of the Eurasian Economic Union (EEU) gradually change the 'working environment' for migrants in Russian regions, including Ural, the dissemination of new standards is inevitable. Migrants' life practices in different areas either have started changing or are likely to change. Generally, the migration flow from China is likely to decrease to some extent, while that from the EEU member states will probably be stimulated by integration factors (e. g. by means of entry

procedure simplification and exemption from patent duty). Social and business competition between diasporas is already taking place in the region, and it will increase in foreseeable future. The economic activities of Chinese migrants undergo segmentation processes, and illegal business is also developing.

This paper is based on interviews with local inhabitants, data from local state and municipal bodies, a wide range of local media and published intergovernmental documents.

К.В. Григоричев
(Иркутск, Россия)

**«ПОЛУГОРОДСКИЕ ФЕРМЕРЫ»
И «КИТАЙЦЫ-ОГОРОДНИКИ»:
ГОРОЖАНЕ И ТРАНСГРАНИЧНЫЕ МИГРАНТЫ
В НЕФОРМАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ ПРИГОРОДА**

Konstantin Grigoriev (Irkutsk, Russia)
**‘Semi-urban farmers’ and ‘Chinese gardeners’: city residents and
cross-border migrants in the suburb’s informal economy**

В докладе на примере попытки реализации группой горожан предпринимательского проекта в сфере пригородного сельского хозяйства анализируется формирующаяся в пригороде Иркутска система неформальной экономики. Анализ строится на основе серии полужформализованных интервью 2016 г. и полевых наблюдений в пригородной зоне Иркутска 2009–2016 гг. Пригород при этом рассматривается как продукт производства пространства горожанами и трансграничными мигрантами во взаимодействии с местным населением. Формирующееся в результате этого взаимодействия пространство не институализировано и не фиксируется ни в статистических описаниях, ни в контрольно-управленческих практиках. В таком качестве пригород представляет идеальную среду как для скрываемых, так и для неучитываемых неформальных экономических практик.

На основе обозначенного исследовательского кейса рассматриваются практики мелкого и среднего предпринимательства в сфере пригородного сельского хозяйства представителей трёх групп: жи-

телей пригорода, горожан и трансграничных мигрантов. Показываются специфические черты и сходство в построении бизнеса представителями этих групп. Делается вывод о том, что если в пределах города неформальная («гаражная») экономика уходит из поля зрения за счет сокрытия масштаба или самого факта деятельности, то пригородная экономика оказывается ненаблюдаемой в силу выноса в ненаблюдаемое пространство. В свою очередь, неформальность экономической деятельности становится механизмом воспроизводства «невидимости» пригорода.

Специально в докладе анализируются практики взаимодействий выделенных трех групп предпринимателей, возникающих в ситуации конкуренции за потребителя и ресурсы (земля, техника, орошение). Рассматриваются практики сбыта продукции с использованием неформальных сетей и отношений. Показываются варианты включения местного населения в качестве наемных рабочих и поставщиков техники в работу всех выделенных групп предпринимателей. Описывается практика привлечения к сельскохозяйственной работе трудовых мигрантов из постсоветских стран Центральной Азии, занятых на городских работах.

Центральным в докладе является тезис о том, что неформальная экономика пригорода представляет собой не просто один из вариантов взаимной адаптации различных групп мигрантов и принимающего общества вне «благих намерений государства», складывающаяся здесь неформальная экономика с участием различных групп и категорий мигрантов выступает механизмом (вос)производства де-юре несуществующего пространства. «Ненаблюдаемость» пригорода создает ситуацию «невидимого» (неинституализированного) пространства, взаимодействие в котором позволяет в значительной мере выйти из поля формального регулирования, в том числе и в отношениях с властью и местными сообществами. Комплекс складывающихся при этом неформальных практик, в свою очередь, все более выводит пространство пригорода и протекающие в нем взаимодействия за пределы властного регулирования.

Панель 4 – Структура и агентность
Panel 4 – Structure and Agency

Т.Г. Недзельюк
(Новосибирск, Россия)

**МИГРАЦИОННЫЕ ВЫЗОВЫ В КОНТЕКСТЕ
ЮРИДИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ: ПОДХОД
Л.И. ПЕТРАЖИЦКОГО**

Tatyana Nedzelyuk (Novosibirsk, Russia)
**Migration challenges in the context of legal anthropology:
L.I. Petrazhitskiy's approach**

Глобальные миграции – не новость для мировой истории. Анализ причин миграционного поведения не является предметом нашего исследования; напротив, мы стремимся детерминировать последствия миграций для самих мигрантов и народов принимающей стороны с точки зрения права. Россия – исторически многонациональное государство. Внутригосударственные миграции на одной шестой части Земного шара сопоставимы по своим масштабам с глобальными мировыми процессами, а потому справедливо выступают предметом изучения юридической антропологии.

Методологическим инструментом нашего исследования выступает психологическая теория права Леона Петражицкого, выпускника юридического факультета Киевского Императорского университета и профессора кафедры энциклопедии права Петербургского университета (1898–1918 гг.). По мнению Л.И. Петражицкого, ключевую роль в исторических процессах играет групповая «народная психика», с присущими ей «нормами-законами». Именно эти «нормы-законы», сгенерированные «народной психикой» («интуитивное право»), а вовсе не позитивное право в его классическом понимании определяют конфликтность либо бесконфликтность как самих миграционных процессов, так и сопровождающих их адаптацию и инкорпорацию мигрантов в принимающее общество (Петражицкий 1900). Петражицкий утверждает, что позитивное право «шаблонно и догматично», не поддается ситуативному совершенствованию, в то время как интуитивное право отражает реальное развертывание со-

бытий. Интуитивное право основано на нормах морали, религиозных представлениях о картине мира, а потому может легче передаваться через поколения. Интуитивное право оказывает давление на толкование и применение позитивного права с позиции правоприменителя (например: широта судебного усмотрения, аналогия права, аналогия закона). Интуитивное право оказывает влияние на законотворческий процесс через правосознание законодателя.

Теория Петражицкого не является окончательно верифицируемой, за что неоднократно подвергалась критике со стороны теоретиков права (Сергеевич 1910).

Современная миграционная политика опирается на результаты социологических исследований, но почему-то исследователи забывают и о другой стороне медали – представлениях мигрантов о правовом пространстве того региона, куда они приезжают. В прямом соответствии с психологической теорией права Л.И. Петражицкого эксперты из Республики Алтай и Ханты-Мансийского автономного округа предлагают активнее социализировать мигрантов (обеспечить знаниями о традициях русского народа, знакомить с историей края, требовать обязательного изучения русского языка и российского законодательства) с тем, чтобы «народная психика» и «интуитивное право» не входили в противоречие с правом позитивным (Мадюкова, Персидская 2014).

Литература

Мадюкова С.А., Персидская О.А. Социокультурный подход к исследованию этносоциальных процессов (на материалах экспертных опросов в Республике Алтай и Ханты-Мансийской автономном округе) // *Этносоциальные процессы в Сибири* / под ред. Ю.В. Попкова. Новосибирск: ИФПР СО РАН, 2014. Вып. 10. С. 37–45.

Петражицкий Л.И. Очерки философии права. Вып. 1: Основы психологической теории права. Обзор и критика современных воззрений на существо права. СПб.: Типография Ю.Н. Эрлих, 1900. 138 с.

Сергеевич В.И. Мой ответ г. Петражицкому. СПб.: Сенат. тип., 1910. 30 с.

Р.Ф. Ишмухаметов
(Иркутск, Россия)

ПРОБЛЕМА ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ-МУСУЛЬМАН В СТРАНАХ СКАНДИНАВИИ

Rinat Ishmukhametov (Irkutsk, Russia)
**The issue of integration of Muslim migrants in Scandinavian
countries**

Сегодняшний «миграционный кризис», который переживает Европа в связи с многократно возросшим потоком беженцев из нестабильных регионов Ближнего Востока, является, безусловно, экстраординарной ситуацией для Европейского союза. Однако мигранты из стран Ближнего Востока в странах Европы не являются чем-то новым. Причем речь идёт не только о странах, которые традиционно считаются «магнитами» для мигрантов, например Германии или Франции, но и о странах Скандинавского полуострова. Швеция, Норвегия и Дания вели политику привлечения рабочей силы из стран Востока (Турция, Марокко и Пакистан) начиная с 1950–1960 годов. На настоящий момент в Швеции самая многочисленная «диаспора» мигрантов. Число мигрантов в общем населении этих стран довольно значительно: Швеция – 15% от населения, Дания – 7% от населения, Норвегия – 10% (Andersson 2010).

Тем не менее в трудовых мигрантах, которые не спешили возвращаться на родину, со временем стали видеть угрозу. Швеция закрыла границы в 1972, Дания в 1973 году, Норвегия в 1975 году. В первую очередь была остановлена иммиграция неквалифицированных работников из бедных стран. Однако воссоединение семей и принятие беженцев продолжилось, что привело к тому, что беженцы и семейные иммигранты составили большую часть новых мигрантов с иной культурной идентичностью (Большаков 2013).

Таким образом, уже к концу 1970-х годов Швеция, Норвегия и Дания столкнулись с проблемой интеграции мигрантов. Швеция и Норвегия пошли более мягким путём – мигрантам был предоставлен выбор: интегрироваться или оставаться в рамках своей культуры. В Дании, напротив, акцент был сделан на глубокую интеграцию в принимающее сообщество. Результатом такой интеграционной политики в Дании стало возникновение социальных фобий. Например,

недовольство стали вызывать мигранты-мусульмане. Можно сказать, что ислам для многих стран Европы превратился в своеобразный маркер негативной идентичности. И страны Скандинавии не остались в стороне от этого процесса. Такая ситуация характерна не только для Дании. Швеция и Норвегия стали отходить от политики мультикультурализма уже в 1990-х годах.

Негативное отношение к мигрантам как к представителям другой культурной и религиозной группы привело к ряду последствий: европейское общество пытается оградиться от мусульманских иммигрантов, видя в них угрозу для себя и обвиняя их в своих проблемах; появляется почва для праворадикальных партий, которые призывают к объединению на основе негативной идентичности и возвращению к «традиционным ценностям».

Литература

Immigration, Housing and Segregation in the Nordic Welfare States / Roger Andersson, Hanna Dhalmann, Emma Holmqvist, Timo M. Kauppinen, Lena Magnusson Turner, Hans Skifter Andersen, Susanne Søholt, Mari Vaattovaara, Katja Vilkkama, Terje Wessel, Saara Yousfi. Department of Geosciences and Geography C2. Helsinki, 2010. [Электронный ресурс] URL: <https://helda.helsinki.fi/bitstream/handle/10138/25849/julkaisuc2.pdf> (дата обращения: 01.05.2016).

Большаков Г.А. Сравнительный анализ политики интеграции и мультикультурализма в странах Скандинавии // Теория и практика общественного развития. 2013. № 5.

Olga Smolenchuk

(Tomsk, Russia; Amsterdam, the Netherlands)

FROM “DIVERSITY AND SUPPORT” TO “UNIFORMITY AND DISCOURAGEMENT”: MIGRANTS PROGRAMS IN THE NETHERLANDS

О.Ю. Смоленчук (Томск, Россия; Амстердам, Нидерланды)

**От «многообразия и поддержки» к «единообразию
и дестимуляции»: программы Нидерландов
в отношении мигрантов**

The Netherlands as a state hosting international governmental, non-governmental organizations, and tribunals, has become a home for many

migrants and refugees in the past decades. Due to this, the Dutch have started to see migration as a challenge. This paper attempts to explore how the Dutch society relates to migrants and the migrant-oriented programs, which governmental and non-governmental organizations implement at the local level. On one hand, these organizations could be in favor for migration processes, whereas on the other hand, they can oppose them. The WRR Report “Netherlands as Immigration Society” outlines three types of migration: family formation and family reunification, labour migration, and asylum migration (WRR Report No 60: 28). The Netherlands actively collaborates with the International Organization for Migration as a facilitator/mediator between the diaspora and the institutions in the countries of origin via the Temporary Return of Qualified Nationals. Nowadays, there are more than 6000 migrant organizations in the Netherlands, all of them with a different focus. From the governmental standpoint, migrant-oriented programs are implemented by different Ministries functionally and territorially, while their coordination comes from another one. The contradictory issue of concern is that some migrant groups are not integrated into the Dutch society and do not share common values. In general, the attitude of Dutch citizens directly depends on their level of education: highly educated citizens view non-Western migration more positively than those who have a lower level of education (SCP 2009: 29). In the context of such “fear” of losing Dutch identity, the government of the Netherlands issues regulations according to which migrants should fulfill a number of obligations: civic integration exam, which includes the Dutch Language Exam, and Knowledge of Dutch Society test should be passed in the home country before migrants arrive to the Netherlands. The most vulnerable and marginalized among the migrant groups in the Netherlands are the “underportable” (or officially “stateless”) migrants who have illegal status, who cannot go back to their country of origin, and have no right to seek for asylum in the Netherlands or in any other EU state (Brechenmacher, Kapoor, van Lindert 2012). These groups of migrants cause major challenges for governmental and non-governmental organizations (NGOs). Among the NGOs, which advocate for rights of migrants, the most active and well-known organizations are: Migrada, an interest group for Labour Migrants from the EU, Cordaid, The Dutch Council for Refugees, Refugee Solidarity Committee in Amsterdam.

Bibliography

At home in the Netherlands? Trends in integration of non-Western migrants. Annual Report on Integration / The Netherlands Institute for Social Research (SCP). The Hague, 2009.

Brechenmacher S., Kapoor, D., van Lindert Th. The Undeportables: An insight into the invisible lives of “undeporable” migrants in the Netherlands. (2012). [Электронный ресурс] URL: <http://www.humanityinaction.org/knowledgebase/429-the-undeporables-an-insight-into-the-invisible-lives-of-undeporable-migrants-in-the-netherlands> (дата обращения: 01.05.2016).

Wetenschappelijke Raad voor het Regeringsbeleid, WRR (2001). Netherlands as Immigration Society. WRR Report No 60. The Hague, 2001. 78 p. [Электронный ресурс] URL: [http://www.wrr.nl/fileadmin/en/publicaties/PDF-samenvattingen / The_Netherlands_as_immigration_society.pdf](http://www.wrr.nl/fileadmin/en/publicaties/PDF-samenvattingen/The_Netherlands_as_immigration_society.pdf) (дата обращения: 01.05.2016).

С.К. Олимова

(Душанбе, Таджикистан)

СЕЛЬСКИЕ ОБЩИНЫ ТАДЖИКИСТАНА В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЕНИЯ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ: МИГРАЦИОННЫЕ СЕТИ КАК ИНСТИТУТ АДАПТАЦИИ

Saodat Olimova (Dushanbe, Republic of Tajikistan)

Tajikistan's rural communities in the context of environmental change: migration networks as an institution of adaptation

Изменения окружающей среды влияют на миграцию через экономические, социальные и политические каналы, что, в свою очередь, оказывает воздействие на окружающую среду. С этой точки зрения экологически индуцированная миграция в сельских районах Таджикистана представляет собой яркий пример того, как люди меняют среду обитания, затем мигрируют из-за ее разрушения и одновременно пытаются восстановить окружающий мир с помощью миграции. В 2011–2015 годах в Таджикистане было проведено исследование, посвященное проблеме взаимосвязи деградации окружающей среды и миграции. Миграционные паттерны изучались количественными и качественными методами в четырех районах Таджикистана с разными типами моделей деградации окружающей среды и миграции. Исследование показало, что сельские жители Таджикистана часто сталкиваются с внезапными стихийными бедствиями,

такими как оползни, наводнения, землетрясения, участившимися из-за климатических изменений. Но больше всего они страдают от постепенного ухудшения окружающей среды в виде аридизации, деградации земли и водных ресурсов, опустынивания, обезлесения и снижения биоразнообразия.

Исследование показало, что выбор паттернов миграции зависит от масштабов разрушений и потерь в ходе стихийных бедствий, вероятности рецидива, потери средств к существованию, размеров помощи, уровня бедности, денежных переводов, потенциальных возможностей в местах приема. Иногда пострадавшие домохозяйства используют несколько миграционных паттернов одновременно. Практически всегда борьба с последствиями стихийного бедствия включает в себя трудовую миграцию. Мужчины из домохозяйств, не имеющих серьезных накоплений, едут туда, где они могут в короткие сроки получить средства для восстановления своего хозяйства. В случае если восстановление хозяйства идет с трудом, если на новом месте нет устойчивых источников дохода, трудовая миграция становится стабильной частью экономики хозяйства.

Формы и масштабы экологической миграции различаются по своим особенностям и варьируют в широких пределах – от переселения до краткосрочной трудовой миграции. Часто выбор паттерна миграции зависит от уровня благосостояния домохозяйств и пострадавших общин в целом, а также – от контактов с мигрантскими сетями. Трудовая эмиграция требует больших финансовых ресурсов, подготовки, планирования, постоянно обновляющейся информации о стране приема (правилах формальной и неформальной легализации, информации о рабочих местах, зарплатах, правовом развитии, неформальных правилах игры). Только мигрантские сообщества и сети в странах приема могут предоставить эти ресурсы.

Мигрантские сети обеспечивают существование транснациональных мигрантских сообществ и основаны на институтах родства, землячества. Важную роль в функционировании сетей и сообществ играют религиозные сети. Основой их существования является доверие, которое в том числе способствует консолидации финансовых ресурсов сетей в случае необходимости.

Исследование показало, что трудовая миграция, вызванная деградацией окружающей среды (засухи, опустынивание, засоление и т.д.), развивается медленнее, включает в себя большое количество людей и создает лучшие институциональные условия для успешной

миграции по сравнению с миграцией из районов, пораженных стихийными бедствиями. Села, которые пережили стихийные бедствия и в одночасье потеряли свою собственность, не смогли участвовать в трудовой эмиграции, поскольку они не сформировали свои собственные мигрантские сети.

Malika Bahovadinova
(Bloomington, USA)

**ERASING WOMEN AND BEAUTIFYING MEN:
THE BUREAUCRATIC PRODUCTION OF MIGRANT
WORKERS IN TAJIKISTAN**

Малика Баховадинова (Блумингтон, США)
**Вычеркивая женщин и приукрашивая мужчин:
бюрократическое производство трудовых мигрантов
в Таджикистане**

The proposed paper will elaborate on the politics of representation of migrant workers from Tajikistan to Russia by a wide range of local and international organizations engaged in migration management. It will discuss the constructivist nature of the notion of a migrant (worker), as well as its underlying gendered and hierarchical relations that have fully erased the experiences of female migrant workers from Tajikistan. The paper will discuss the forms of bureaucratic violence (as Hanna Arendt termed it: the mundane violence of bureaucracy) that has been set to erase the deviant and undesired migrant workers and mold a cultured Russian-speaking mobile worker. Ultimately, I argue that representations of migrant workers reflect ideological changes in post-Soviet government in countries such as Tajikistan. The new ideology embraces and celebrates the rational and entrepreneurial individual migrant worker, and yet fears migrant workers as a possible mass of young, religious and potentially disloyal men. I will also discuss the gendered representations of migrant workers and their effect on female migrant workers from Tajikistan to Russia.

Karolina Kluczevska
(St. Andrews, United Kingdom)

**PEACE AND MOBILITY IN TAJIKISTAN: EVERYDAY PEACE
PRACTICES OF UNIVERSITY GRADUATES, LABOUR
MIGRANTS AND WOMEN LEFT BEHIND**

Каролина Ключевска (Сент-Андрус, Великобритания)
**Мир и мобильность в Таджикистане: ежедневные практики
университетских выпускников, трудовых мигрантов и остав-
ленных женщин**

This paper looks at everyday peace practices in contemporary Tajikistan in relation to mobility and migration. It proposes to see migration not as a challenge but, rather, an opportunity for durable peace and social cohesion in this country.

Tajikistan experienced a civil war following the collapse of the Soviet Union (1992–1997). Almost two decades after the conflict, the country still has a shattered economy, and everyday survival of households depends on remittances sent back home by Tajik labour migrants. In the recent years, Tajikistan has been often described as the world top one recipient of remittances, in terms of the percentage corresponding to half of the country's Gross Domestic Product (World Bank 2015: 4). Yes, the consequences of mass labour emigration go beyond these plain numbers.

This paper argues that in contemporary Tajikistan peace needs to be understood in the context of a broadly-conceived hyper-mobility of Tajik citizens: young prospectus graduates who can go abroad to Russia and beyond; low-skilled labour migrants who do go abroad to work in Russia and Kazakhstan; and families of labour migrants, who remain in Tajikistan, but whose lives are determined by the condition of waiting for those who are abroad. Drawing upon an ethnographic inquiry into the lives of different social groups in Tajikistan, combining observations and interviews conducted over an extended period of time, the paper shows how peace in Tajikistan is a complex network of separate visions and daily life practices of these three social groups. The sources and social practices of the everyday peace are small-scale and may seem banal (Mitchel 2011: 1624). At the same time, it is through such everyday actions that people address issues of social injustices, abuses and other constraints (de Sardan 2005: 65; Watson 2011: 42).

By investigating daily life strategies of peace, the paper provides a reflection about how a (precarious) peace is upheld in Tajikistan through an emerged social contract where the governed are not linked to the governors, but maintain peace on their own.

Bibliography

De Sardan J.-P. Ol. Anthropology and Development: Understanding Contemporary Social Change. Zed Books, 2005.

Mitchell A. Quality/control: international peace interventions and ‘the everyday’ // Review of International Studies. 2011. № 37 (04). P. 1623–1645.

Watson A. M. S. Agency and the Everyday Activist // Richmond O.P. and Mitchell A. (Eds.) Hybrid forms of peace: From everyday agency to post-liberalism. Palgrave Macmillan, 2011.

World Bank. Migration and Development Policy Brief. № 24. Washington, D.C.: The World Bank, 2015.

Панель 5 – Академическая миграция и мобильность ***Panel 5 – Academic Migration and Mobility***

Е.Е. Дементьева
(Томск, Россия)

РАЗВИТИЕ УЧЕБНОЙ МИГРАЦИИ В УЧРЕЖДЕНИЯ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОР БЛАГОПОЛУЧИЯ ОБЩЕСТВА И ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РОССИИ НА МИРОВОМ РЫНКЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ

Elena Dementyeva (Tomsk, Russia)
**Developing student migration into institutions of secondary
vocational education as a factor of society’s well-being and
of improving Russia’s competitiveness in the world market
of educational services**

Исследование проводится в рамках проекта «Потенциал российского профессионального образования для повышения конкуренто-

способности России на мировом рынке образования», поддержанного Российским гуманитарным научным фондом¹.

Данный проект посвящен анализу имеющихся возможностей, социально-экономических последствий и перспектив привлечения в российскую систему профессионального образования иностранных студентов.

Если рассматривать проблему в контексте устойчивости общества, то для страны и ее общественных институтов иностранные студенты – более благоприятный контингент, чем иные категории иммигрантов (например, беженцы и вынужденные переселенцы, представители разных поколений, въезжающих в страну с целью воссоединения со своими семьями). Стимулирование и развитие учебной миграции в Россию позволит смягчить последствия «демографической ямы» среди российской молодежи и окажет положительное влияние на рынок труда.

Обучение иностранных граждан в организациях (среднего) профессионального образования России – источник накопления «образованного» человеческого капитала, обеспечивающего экономический рост принимающей стране. Необходимость развития образовательной миграции закреплена в «Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года». При этом механизмы реализации миграционных приоритетов в сфере профессионального образования работают пока не в полную силу.

Хорошо спланированная стратегия развития учебной миграции и применение дополнительных стимулов для оседания в РФ иностранных учащихся в перспективе позволят получить высокообразованных молодых людей, квалифицированных работников, уже адаптировавшихся к российским условиям, что в целом будет способствовать обеспечению социального благополучия и сплоченности общества.

В планах научного коллектива – разработка практических рекомендаций по формированию миграционной политики (в том числе и на законодательном уровне) в области стимулирования учебной миграции в российские организации (среднего) профессионального образования из стран СНГ и дальнего зарубежья.

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-03-00446.

Работа над проектом будет вестись в период 2016–2017 гг. с привлечением исследовательских команд из 3 городов: Томска, Екатеринбурга и Москвы.

В рамках системного подхода к проведению исследования будет осуществлен мониторинг действующего федерального законодательства, позволяющий оценить полноту и эффективность правового регулирования учебной миграции в России, задействован метод фокусированного изучения отечественного и зарубежного опыта, проведен анализ качественных и количественных результатов социологических исследований.

Официальную оценку учебной миграции в отечественные учреждения СПО и ее условий позволят получить 40 глубинных интервью с экспертами из властных и образовательных структур. Экспертные оценки помогут сформировать гипотезы, которые будут проверены в ходе проведения 40 глубинных интервью с иностранными студентами из учреждений СПО в трех городах. Они дадут взгляд на проблему «изнутри», и это – наиболее ценная информация для оценки условий и возможностей учебной миграции в средние профессиональные учреждения России.

С.В. Дрыга
(Томск, Россия)

**ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ В РОССИЮ
В КОНТЕКСТЕ НОВОЙ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ:
НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

Svetlana Dryga (Tomsk, Russia)
**Educational migration to Russia in the context of new migration
policy: a regulatory aspect**

Работа подготовлена в рамках проекта «Потенциал российского профессионального образования для повышения конкурентоспособности России на мировом рынке образования», поддержанного Российским гуманитарным научным фондом¹.

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-03-00446.

В условиях старения населения России действующая система высшего и среднего образования уже испытывает серьезный недостаток абитуриентов. В этой ситуации целесообразнее не ликвидировать, а развивать имеющиеся возможности научно-образовательного комплекса страны, который формировался на протяжении многих лет, ориентируясь на привлечение абитуриентов из-за рубежа. Выход на глобальный рынок образования связан как с наличием конкурентоспособного образовательного комплекса, способного давать образование мирового качества, так и с системным формированием потоков образовательных мигрантов, чему в России уделяют недостаточно внимания, несмотря на задачи, определённые Концепцией миграционной политики России до 2025 г. (Концепция... 2013).

Идея пополнения трудоспособного населения за счет миграции в профессиональные образовательные учреждения и дальнейшего трудоустройства учебных мигрантов на российские производства, т.е. переход учебных мигрантов в квалифицированные трудовые, не получила пока должного внимания в практике регулирования миграционных процессов.

Анализ российского миграционного законодательства и законопроектов, которые внесены на общественное обсуждение, в рамках Концепции миграционной политики России до 2025 г. нацелены на значимые изменения в области учебной миграции, в том числе в российской системе профессионального образования (ФЗ от 25.07.2002 № 115-ФЗ).

Серьезные законодательные изменения в отношении учебной миграции, включая организации (среднего) профессионального образования, уже произошли. С 2014 года учащимся в российских вузах иностранцам-очникам разрешено работать на основании разрешения на работу по трудовому или гражданско-правовому договору в любое время и не ограничиваться рамками образовательного учреждения в течение срока обучения. Срок действия разрешения на работу может быть неоднократно продлен на срок действия заключенного трудового договора или гражданско-правового договора, но не более чем на один год для каждого такого продления.

Отметим, что правовые новеллы, безусловно, важны и своевременны для развития международного образования в стране и способствуют формированию привлекательных правовых гарантий для выбора России в качестве страны получения высшего и профессионального образования иностранными абитуриентами. Так, законода-

тель исключил из корпуса ранее действовавших нормативных предписаний запрет на работу обучающимся в профессиональных образовательных организациях иностранным гражданам, входящим в группу лиц до 18 лет, предоставив им, аналогично обучающимся в учреждениях высшего образования, право на работу в течение всего срока обучения, что сняло правовую неопределенность при прохождении производственной практики при обучении, тогда как ранее 2014 года это не представлялось возможным. При этом для реализации права на работу, обучающемуся или образовательной организации следует подготовить и представить объемный пакет из семи документов (паспорт, миграционная карта, справка об обучении, трудовой или гражданско-правовой договор, квитанция об уплате государственной пошлины за выдачу разрешения на работу, документы, подтверждающие отсутствие заболевания наркоманией и инфекционных заболеваний, а также сертификат об отсутствии у данного иностранного гражданина заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции) в уполномоченный орган для получения права на работу, что сформировало дополнительные финансовые и организационные трудности в реализации этого права.

В рамках проекта, работа над которым будет осуществляться в течение 2016–2017 гг. с привлечением исследовательских команд из 3 городов (Томска, Екатеринбурга и Москвы), запланирована разработка практических рекомендаций по формированию миграционной политики (в том числе и на законодательном уровне) в области учебной миграции в российские профессиональные образовательные организации из стран СНГ и дальнего зарубежья.

Литература

Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года: утверждена Президентом РФ 13 июня 2012 г. Список документов справочной правовой системы «КонсультантПлюс». 2013 [Электронный ресурс]. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 08.06.2016).

Федеральный закон от 25.07.2002 N 115-ФЗ (ред. от 30.12.2015) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.01.2016). Список документов справочной правовой системы «КонсультантПлюс». 2013 [Электронный ресурс]. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 08.06.2016).

Н.П. Погодаев
(Томск, Россия)

**ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ ИЗ ТАДЖИКИСТАНА
В ЗЕРКАЛЕ «ТЕОРИИ РИСКОВ» «КОЛОНИЗАЦИИ
БУДУЩЕГО»**

Nikolay Pogodaev (Tomsk, Russia)

**Educational migration from Tajikistan through the prism of ‘theory
of risk’ of ‘the future’s colonization’**

На протяжении последнего десятилетия в российских университетах заметно увеличивается количество студентов из Таджикистана. В 2014 году в университетах страны их было 8777, а год спустя – 11731 (Министерство... 2014; Министерство... 2015). В томских университетах – 9 человек в 2006 году и 275 – в 2015-м (Основные результаты... 2015). Для тех, кто после учёбы остаётся в России, со всей очевидностью актуализируется проблема инкультурации в принимающее сообщество. Этот процесс «колонизации будущего», по терминологии британского социолога Э. Гидденса, связан с рядом непростых вызовов, которые могут быть рассмотрены в рамках теории «общества рисков», сформулированной в работах вышеупомянутого учёного, а также в трудах немецких социологов У. Бека и Н. Лумана (Бек 2000; Гидденс 1994; Луман 1994). Высказывается предположение, что качество человеческого капитала, обретенного за годы учебы в университете, способно разделить студентов-мигрантов из Таджикистана на успешных членов гражданского общества, получивших хорошее образование в России, добившихся здесь заметных успехов, и тех, кто окажется не у дел из-за плохого образования. Последние могут испытывать неприязнь к принимающему сообществу, попасть в криминальные или террористические группировки. Анализ ситуации включает исследование причин пониженной чувствительности студентов к грядущим вызовам, а также те ответы на упомянутые проблемы, которые постепенно формируются в практиках томских университетов. В исследовании используются материалы индивидуальных глубинных интервью, проводимых автором доклада со студентами из Таджикистана, обучающимися в университетах Томска, руководителями таджикской диаспо-

ры в сибирских городах, сотрудниками томских университетов и другими представителями принимающего сообщества.

Литература

Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.

Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 704 с. [Электронный ресурс] URL: <http://gigabaza.ru/doc/69733.html> (дата обращения: 17.10.2015).

Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // Thesis. 1994. Вып. 5. С. 107–134.

Луман Н. Понятие риска // Thesis. 1994. Вып. 5. С. 135–160.

Министерство образования и науки Российской Федерации. Письмо от 23 января 2015 года N ВК-74/05 «Об обучении иностранных граждан русскому языку как иностранному» [Электронный ресурс] URL: <http://docs.cntd.ru/document/420258447> (дата обращения: 10.02.2016).

Министерство образования и науки Российской Федерации. Департамент стратегии, анализа и прогноз [Электронный ресурс]. URL: <http://минобрнауки.рф/министерство/статистика/информация-2014> (дата обращения: 03.01.2016).

Министерство образования и науки Российской Федерации. Департамент стратегии, анализа и прогноза [Электронный ресурс]. URL: <http://минобрнауки.рф/министерство/статистика/информация-2015> (дата обращения: 16.01.2016).

Основные результаты деятельности системы высшего и профессионального образования Томской области. 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://depvpo.tomsk.gov.ru/Otcheti-i-dokladi-o-deyatelnosti> (дата обращения: 05.01.2016).

А.Е. Фоминых
(Йошкар-Ола, Россия)

СЕКЬЮРИТИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МИГРАЦИИ В РОССИИ

Alexey Fominykh (Yoshkar-Ola, Russia)
The securitization of educational migration in Russia

В широком прочтении термина, международная образовательная миграция представляет собой перемещения людей между странами с целью получения образования различного уровня и на различные сроки (Алексеева 2012: 115). «Входящий» поток академической миграции в Россию в основном формируют иностранные студенты и,

значительно в меньшей степени, приглашенные преподаватели, научные сотрудники и т.п. В настоящее время Российская Федерация занимает 6-е место в мире по численности иностранных студентов (UNESCO 2013). Так, в 2013/14 учебном году в 673 вузах России обучалось более 156 тыс. иностранных граждан из 168 стран (Обучение 2015: 8). В условиях, когда на количестве российских абитуриентов сказывается демографический спад 1990-х годов, государственные вузы активно рекрутируют студентов из-за рубежа, в том числе на бюджетные места, пользуясь правительственной программой квот (реализуемой в партнерстве с Россотрудничеством) и проводя прямой набор соотечественников. При этом наиболее близким в географическом и культурно-языковом отношении оказывается образовательный рынок постсоветского пространства. Как следствие, постепенно возрастает доля обучающихся из стран СНГ, прежде всего республик Центральной Азии и Закавказья; в 2014 году она превысила 51% (Обучение 2015: 27).

«Исходящий» поток образовательной миграции из России в основном направлен на Запад – в страны ЕС и США, хотя достаточно активна и трансграничная мобильность в сопредельные страны СНГ (Казахстан, Беларусь, до недавнего времени – Украину). Запущенная в 2014 году государственная программа поддержки обучения за рубежом «Глобальное Образование» также демонстрирует ориентацию российских участников конкурсного отбора на поступление в ведущие западные вузы (в первой тройке – США, Германия и Великобритания) (Программа «Глобальное Образование» 2016).

Кризис в отношениях с Западом, усугубившийся после событий в Крыму и на востоке Украины, отразился и на сфере образовательной миграции. Ощутимо возросла подозрительность властей по отношению к деятельности американских и европейских фондов и программ, занимающихся образовательными обменов. 1 октября 2014 г. в России была закрыта американская программа школьных обменов FLEX. Имели место прокурорские запросы о реализации вузами проектов европейской программы Темпус. Подразделения Федеральной миграционной службы показательно депортировали несколько американских и европейских студентов и стажеров, уличенных в нарушении визового режима; широко обсуждалось увольнение американского профессора с поста проректора по инновациям Нижегородского государственного университета (ННГУ). Фактически полная зависимость университетов от государства отчетливо

проявилась с обострением российско-турецких противоречий в конце 2015 года, когда буквально за несколько дней более 40 российских вузов «по собственной инициативе» расторгли или приостановили сотрудничество с турецкими партнерами, а все обучающиеся или работавшие в турецких вузах россияне были отозваны на родину (Черных 2015).

Можно говорить о секьюритизации образовательной миграции «сверху» или о причислении ее проявлений к угрозам национальной безопасности («утечка мозгов», «пропаганда чуждых ценностей», «канал для проникновения нелегальных мигрантов/террористов» и т.п.). Этот дискурс зачастую дополняется ксенофобией «снизу», причем свой вклад в «образовательную мигрантофобию» вносит и часть академического сообщества, психологически и профессионально неготовая к международному сотрудничеству и работе с массами иностранных студентов.

Литература

Алексеева Е.Н. Особенности и перспективы образовательной миграции в эпоху глобальных трансформаций // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2012. № 4. С. 113–136.

Обучение иностранных граждан в высших учебных заведениях Российской Федерации: Статистический сборник. Вып. 12 / Министерство образования и науки Российской Федерации. М.: ЦСПиМ, 2015. 196 с.

Программа «Глобальное Образование» [Электронный ресурс] URL: http://educationglobal.ru/fileadmin/downloads/Presentation_Program_march_2016.pdf (дата обращения: 29.04.2016).

Черных А. Турцию отчислили из вузов. Минобрнауки прекращает образовательные контакты с республикой // Коммерсантъ. 02.12.2015 [Электронный ресурс] URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2867368> (дата обращения: 29.04.2016).

UNESCO Institute for Statistics. Global Flow of Tertiary-Level Students [Электронный ресурс] URL: <http://www.uis.unesco.org/education/pages/international-student-flow-viz.aspx> (дата обращения: 29.04.2016).

Г.В. Грошева, Л.В. Дериглазова, И.Г. Поправко
(Томск, Россия)

ИЗУЧЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ МОЛОДЕЖНОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ КАЧЕСТВЕННЫМИ МЕТОДАМИ¹

Larisa Deriglazova, Galina Grosheva and Irina Popravko (Tomsk, Russia)
**Studying international youth academic mobility by qualitative
methods**

Одной из отличительных черт постсоветской России стало ее открытие для международного сотрудничества и свободной академической мобильности. Однако особенности международной академической мобильности из России и в Россию пока что не стали предметом активного изучения. Чаще всего данные об академической мобильности присутствуют в качестве рейтингового показателя университетов или для оправдания тезиса о продолжающейся «утечке мозгов» из России. Практически отсутствуют исследования, проведенные качественными методами, посвященные причинам и последствиям международной мобильности молодых российских ученых. Другой стороной этой *terra incognita* является неизученность опыта молодых ученых из европейских стран, приезжающих в Россию.

Главной гипотезой нашего исследования является предположение о том, что встречное изучение студентов из Европы и российских студентов, имеющих сходный опыт обучения, может помочь выявить схожие и различающиеся мотивы, проблемы и результаты международной академической мобильности, которые могут быть интерпретированы в терминах объективных и субъективных факторов.

В своем исследовании мы бы хотели получить ответы на следующие вопросы:

1. Что является главным мотивом для международной академической мобильности?

¹ Выполнено в рамках работ по проектам «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.B25.31.0009) и «Центр Превосходства им. Жана Монне: фокус на молодежь» (грант Европейского союза № 56572).

2. Как международная академическая мобильность влияет на профессиональное и личное развитие?

3. Оказывает ли международная академическая мобильность влияние на национальную и наднациональную идентичность?

4. С какими наиболее сложными проблемами адаптации сталкиваются студенты-иностранцы и как они их преодолевают?

Данные вопросы являются важными для понимания и оценки перспектив и результатов международной академической мобильности из России и в Россию. В настоящее время они решаются в основном отделами по работе со студентами-иностранцами, которые появились в российских университетах вслед за активным развитием международной академической мобильности.

Наш проект направлен на изучение качественными методами опыта межкультурного академического общения российских и европейских молодых ученых. Методами исследования являются полуструктурированные интервью и фокус-группы. Вопросы для проведения интервью и фокус-групп объединены в три блока: общая информация о респонденте, которая включает данные о его/ее этническом и гражданском происхождении, поле, возрасте, сфере академической подготовки; рефлексию на тему национальной и наднациональной (европейской) идентичности); оценку личного опыта академической мобильности, включая мотивацию и результат; и оценку общего опыта адаптации и пребывания за рубежом для получения образования.

Наши респонденты являются в основном выпускниками томских или других сибирских университетов, которые проходили обучение или длительные стажировки в европейских странах. Студенты из европейских стран представлены, главным образом, теми, кто проходил продолжительные стажировки или обучение в университетах Томска или других сибирских городов.

Панель 6 – Идентичности и восприятия
Panel 6 – Identities and Perceptions

В.В. Константинов
(Пенза, Россия)

**ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ МОДЕЛИ МИГРАНТОВ
В ПРИНИМАЮЩЕМ СООБЩЕСТВЕ**

Vsevolod Konstantinov (Penza, Russia)
Migrant identification models in a host society

Эмпирическую базу исследования составили представители взрослого трудоспособного (от 18 до 60 лет) населения из стран нового зарубежья, которые имели статус вынужденного переселенца (или беженца) и поселились на территории Поволжского экономического региона, отличающегося наиболее высокими темпами вынужденной миграции: Пензенской, Саратовской, Ульяновской областей и Республики Мордовии (Приволжский федеральный округ).

Отбор населенных пунктов проводился по следующим типологическим признакам: численность зарегистрированных там вынужденных мигрантов и беженцев и компактность или дисперсность их проживания. Выборка исследования включала 1103 мигрантов. В выборку вошли представители принимающего населения (коренное русское население). Всего в ходе исследования опрошено 500 человек (от 18 до 60 лет).

Анализ полученных эмпирических данных позволил нам сформулировать следующие положения.

1. Мигрантам в процессе их аккультурации в принимающем сообществе присущи следующие идентификационные модели
а) модель узкоэтнической идентификации – проявляется при небольшом опыте проживания в инокультурной среде с включенностью в деятельность национальной общины и характеризуется позитивной этнической идентичностью, аккультурационной стратегией сепарации, повышенной

агрессивностью; преобладанием ценностей конформности, власти и доброты в ценностной структуре личности;

б) модель неустойчивой идентификации – реализуется в условиях недавнего пребывания в инокультурной среде при отсутствии причастности к национальной общине и характеризуется позитивной этнической идентичностью или гиперидентичностью, стратегией маргинализации или сепарации, повышенной агрессивностью, выраженностью типов ценностей, относящихся к консерватизму, в ценностной структуре личности; в) модель внеэтнической идентификации – реализуется при длительном пребывании в инокультурной среде и не зависит от включенности в национальную общину, характеризуется наличием у личности этноиндифферентности, стратегии ассимиляции или интеграции; преобладанием в ценностной структуре личности ценности достижения и самостоятельности;

г) модель приспособления – заключается в том, что в процессе приспособления не происходит каких-либо существенных изменений в типе и образе поведения, ценностных ориентациях и моделях коммуникаций. Этот процесс не требует глубокого освоения образов и норм культуры принимающего сообщества. Модель адаптации начинается с появлением у мигрантов ориентации на длительное пребывание в принимающем сообществе. На этом этапе происходит структурное изменение социальных, психологических, культурных характеристик индивидов и групп. При этом существует предел видоизменения этнокультурных и социолингвистических характеристик (внешних), при котором неизменной остается базовая социокультурная (этническая) идентичность человека. В случае разрушения базовой социокультурной идентичности начинается, по сути, необратимый процесс ассимиляции, растворения в принимающем сообществе.

А.П. Глухов
(Томск, Россия)

ЦИФРОВЫЕ МИГРАНТЫ VERSUS ЦИФРОВЫЕ КОЧЕВНИКИ: ВИРТУАЛИЗАЦИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ¹

Andrey Glukhov (Tomsk, Russia)

Digital migrants versus digital nomads: the virtualization of ethnic identity

В XXI веке происходит перенос центра тяжести этноформирующего дискурса из сферы традиционных офлайн-медиа в область виртуальных коммуникаций на социальных платформах. В ситуации мигранта, в силу причин пространственной отдалённости выпадающего из-под власти эфирного воздействия национальных офлайн-медиа, этот процесс носит более наглядный и вещественный характер, при этом не теряя своей универсальности.

Поэтому здесь также можно говорить о новом феномене эпохи Интернета – появлении цифровых мигрантов, которые носят свою виртуализированную родину и этнические контакты в своем цифровом устройстве, сохраняя тем самым двойную идентичность, что было затруднительно в доцифровую эпоху. В частности, исследователями из Утрехтского университета (Нидерланды) проводится исследование влияния социальных сетей на поведение и идентичность мигрантов. Интересные случаи проанализированы в монографии Коэна Лёрса «Цифровые проходы: молодежная миграция 2.0» (Leurs 2015). В ней рассматривается, в частности, как марокканско-голландская молодежь, мигранты во втором поколении, родившиеся в Нидерландах, осуществляют навигацию в цифровых пространствах, артикулируя там свою идентичность, в то время, когда претензии по поводу провала мультикультурализма, антииммигрантские настроения и исламофобия распространяются по всей Европе. Австралийские исследователи Натан Вивиан и Фэй Сэдваикс (Nathan, Fay 2003) отмечают, что использование мигрантами социальных сетей

¹ В статье используются результаты исследования, выполненного при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект 15-03-00300а, 2015 («Виртуальная этнонациональная идентичность мигранта в зеркале российских социальных сетей»).

затрудняет интеграционные процессы и способствует тому, чтобы люди не задерживались на одном месте, а постоянно перемещались в пространстве.

Основную массу мигрантов из стран Центральной Азии (Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан, Казахстан) в России трудно отнести к цифровым кочевникам в устоявшемся понимании данного термина, поскольку они редко используют современные коммуникационные цифровые сервисы типа Skype, Google Docs, Viber, или What's App для того, чтобы работать и сотрудничать в любом месте и в любое время и удаленно заниматься бизнесом. Тем не менее некоторые существенные признаки сходства у данных социальных новообразований (цифровых кочевников и цифровых мигрантов) имеются. Прежде всего, это ситуация маргинальности, культурно-языковой и ментальной оторванности от этнической родины (что свойственно, в той или иной степени, любому путешественнику, являющемуся для принимающего сообщества ментальным «чужаком»). Сходной является также и технология преодоления психологической депривации и ситуации социальной маргинализации – это «виртуализация родины» и виртуализация общения с диаспорой с помощью использования социальных платформ. С древнейших времен кочевники стремились нести свой «дом» – юрту, рюкзак, автомобильный трейлер – с собой. Сейчас таким домом часто является виртуальная платформа родины или этноса. Современные коммуникационные средства (ноутбук, смартфон) и современные социальные платформы позволяют иметь образ родины как некую сеть-интерфейс контактов и контента всегда при себе, безотносительно пространственного местонахождения. Наиболее существенное отличие, если так можно выразиться, цифровых мигрантов от цифровых кочевников состоит в том, что первые не используют цифровые сервисы для работы. Об использовании социальных медиа для сохранения этно-национальной идентичности и пойдет речь в нашей статье.

Литература

Leurs K. Digital Passages: Migrant Youth 2.0. Amsterdam University Press, 2015.

Nathan V., Fay S. Social Networks in Transnational and Virtual Communities. 2003 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.it.murdoch.edu.au/~sudweeks/papers/192Vivia.pdf> (дата обращения: 08.05.2016).

**А.И. Ермолова, Д.Р. Ерофеева, Е.М. Карагеоргий,
И.В. Нам, Е.В. Никитина**
(Томск, Россия)

ОБРАЗ МИГРАНТА ПО РЕЗУЛЬТАТАМ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА ПУБЛИКАЦИЙ СМИ ГОРОДА ТОМСКА¹

Alexandra Ermolova, Diana Erofeeva, Elena Karageorgii, Iraida Nam,
and Evgeniya Nikitina (Tomsk, Russia)

The image of migrants as portrayed by the mass media of Tomsk

Миграция – один из острых вопросов современности для многих государств. С одной стороны, это важный ресурс развития, поскольку трудовые мигранты вносят значительный вклад в экономику современных обществ. С другой стороны, миграция сопряжена с различными рисками, прежде всего, для самих мигрантов. СМИ – один из институтов, который способен конструировать реальность, оказывая большое влияние на общественное мнение. В этой связи важным представляется исследовать то, как СМИ освещают вопросы миграции и говорят о мигрантах на различных уровнях.

Данное исследование нацелено на выявление «образа мигранта», который конструируется в СМИ города Томска и включает в себя анализ материалов, которые были доступны жителям в период с 1 января 2015 по 30 июня 2016 г. Метод сбора данных – контент-анализ. В выборку были включены как онлайн, так и печатные периодические издания. Значительное внимание уделено анализу фотоматериалов, сопровождающих сообщения о мигрантах. В результате были сделаны следующие предварительные выводы:

1. Язык и тональность публикаций томских СМИ о мигрантах преимущественно нейтральная (80%). Информационный повод сообщений связан в основном с: «резиновыми квартирами», пропиской и штрафами – 20%; криминалом, уголовными правонарушениями – 18%; депортацией, рейдами, специальными операциями – 17%. Национальность мигрантов в 44% случаев не упоминается, в 22% публикаций упоминается национальность «узбеки». Содержание сооб-

¹ Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 №14.В25.31.0009).

щений опирается на информацию пресс-служб (53%), нейтральную по характеру и без каких-либо оценочных или эмоциональноокрашенных суждений.

Вопросы, связанные с адаптацией мигрантов, практически не освещаются прессой; выявленные темы касались открытия в марте 2016 г. Единого миграционного центра, медицинского кабинета для мигрантов, новых площадок для сдачи экзамена по русскому языку. Взаимодействие с принимающей стороной происходит в формате «представитель(-и) государственных органов – мигрант(-ы), как правило, оно связано с мероприятиями правоприменительного характера, например, с задержанием и депортацией иностранных граждан из страны, описывается с позиции принимающей стороны, реже журналистов и никогда от лица самих мигрантов или местного населения. Мигрант выступает как объект государственного регулирования, с которым связаны те или иные проблемные ситуации.

2. «Образ мигранта» представляется обезличенным, размытым, не наделенным субъективным опытом, уникальными особенностями личности, индивидуальными потребностями.

Сообщения о мигрантах часто сопровождаются фотографиями, имеющими отношение к правоохранительным и другим государственным органам, например, фотографиями наручников, полицейской фуражки, погон или других элементов специальной государственной формы и т.п. Среди других предметов изображаются деньги, документы, паспорта, Уголовный кодекс РФ. Фотографии мигрантов чаще всего отсутствуют. Лишь изредка встречаются изображения групп мигрантов, что усиливает впечатление деперсонифицированности их «образа» в СМИ. Наблюдается практика тиражирования СМИ одних и тех же фотографий, одних и тех же людей.

Е.Н. Савельева, В.Е. Буденкова
(Томск, Россия)

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ОСНОВАНИЯ УСТОЙЧИВОСТИ

Elena Savelyeva and Valeriya Budenkova (Tomsk, Russia)
**Russia's current national-cultural identity: mechanisms of formation
and foundations of sustainability**

Среди негативных тенденций современного глобализирующегося мира «почетное» место занимают противоречия между процессами гомогенизации и стремлением сообществ сохранить национально-культурную уникальность. На этом фоне особое значение приобретает проблема формирования и реализации идентичности. Многие исследователи полагают, что современную действительность характеризует кризис идентичности как переход в состояние «множественности» и «текучести» (З. Бауман, Э. Гидденс). Однако идентичность, понимаемая как «сохранение сущности при всех трансформациях» (Э. Орлова), не может меняться до бесконечности. Поэтому вместо поиска «исчезающей» идентичности предлагаем фокус внимания переориентировать на изучение ее структуры и выявление устойчивых оснований. Теоретико-методологической базой наших рассуждений является культурфилософский подход (Р. Баумайстера, П. Бурдье, Ю. Хабермаса). Отсутствие же концепции культурной идентичности явилось причиной разработки ее авторской модели (В.Е. Буденкова), раскрывающей принципы формирования и функционирования в условиях «многоликости» социокультурной реальности и ситуативности человеческого существования.

Предложенную модель характеризует, во-первых, ее структура, как последовательность определяющих культуру типов идентичности, расположенных по принципу «матрёшки». Во-вторых, коммуникативность, означающая, что идентичность формируется и реализуется в коммуникации и посредством коммуникации. В-третьих, устойчивость, за счет «твердого ядра», связанного, прежде всего, с персональной идентичностью (Буденкова, Савельева 2016: 31–44). При этом персональная идентичность формируется на основе различия, получая «подтверждение» в общении с Другими. Однако для

продуктивной коммуникации коллективного субъекта с Другим важен принцип схождения, обеспечивающий солидарность общества. Следует понимать, что коллективная идентичность связана с ощущением себя гражданином страны и частью национальной культуры и истории. Особой формой ее реализации считается национально-культурная идентичность, аккумулирующая и воплощающая базовые ценностно-смысловые установки. Пускать на самотек процесс формирования национально-культурной идентичности опасно. Это приводит к расколу в обществе, проблемам межкультурных коммуникаций, к росту ксенофобии. Поэтому, понимая национально-культурную идентичность как «рационально конструируемый с использованием политических и идеологических механизмов феномен...» (Астафьева 2010: 256), следует задаться вопросом: «Каковы практические формы подобных механизмов, способствующих укреплению культурной идентичности?».

Авторы демонстрируют возможности киноязыка в данном контексте. Так, анализ образа Другого (чужака или мигранта) в советском и постсоветском кино обнаружил два разных подхода. Сущность различий мы связываем с нарративной целостностью ценностно-смыслового пространства культурной идентичности советской эпохи. В этот период киноязык, ориентированный идеологическими установками на солидарность, дружбу народов и интернационализм, конструирует, во-первых, позитивный образ Другого. Во-вторых, он определяет специфическую демаркацию Свой – Другой, исключаящую принцип этно-национального различия. В-третьих, образ Другого (как чужака или мигранта) замещают разнообразные формы инаковости. Между тем в пространстве постсоветского кино мы не находим ни солидарного дружелюбия по отношению к представителю иной национальности, ни внятного киновысказывания по поводу межнациональных проблем. Киноязык не выполняет миссию конструирования художественной реальности на определенных идеологических основаниях, не призван консолидировать общество. Зато прекрасно маркирует раскол и неопределенность национально-культурной идентичности эпохи 1990-х гг.

Литература

Астафьева О.Н. Реструктуризация и демаркация коллективных идентичностей в условиях глобализации: будущее национально-культурной идентичности

// Вопросы социальной теории: Научный альманах. Человек в поисках идентичности. Том IV / Ин-т философии РАН. М., 2010. С. 255–281.

Буденкова В.Е., Савельева Е.Н. Идентичность как предмет теоретико-методологического анализа: модели и подходы // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2016. № 1 (21). С. 31–44.

Г.И. Петрова
(Томск, Россия)

МАРГИНАЛЬНОСТЬ КАК СПОСОБ БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА В МИРЕ: МЕТАФИЗИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ КУЛЬТУРНЫХ КОНФЛИКТОВ

Galina Petrova (Tomsk, Russia)

Marginality as a way of man's being in the world: metaphysical justification of contemporary cultural conflicts

Европейские события этого года, связанные с опытом межкультурной коммуникации, культурной толерантности и глобальной культуры, вдруг обернулись острыми национальными и террористическими проблемами. Все названные события, казалось, должны были бы быть объективным следствием глобализации. Однако первый же опыт попыток объединения (мигранты в Европе) показал несостоятельность теоретических прогнозов. Почему? Философия, в первую очередь, чувствует обязанность объяснить происходящее.

Философская методология связана с обращением мысли к метафизике, к вопросу «почему?». Откуда и чем вызваны процессы, не оправдавшие надежд на толерантное единение народов? Имеют ли они онтологические и антропологические основания и глубинные причины?

Поставленные вопросы выводят на проблему специфики способа бытия человека и его антропологические характеристики. В качестве одного из главных метафизических оснований исследуемого вопроса следует назвать маргинальность как специфическую онтологическую и антропологическую характеристику человека. В XX веке человек утратил осознание себя в качестве основы бытия и живет в пространстве «между» «Я и Другой», «Я и Чужой». Это показало, насколько люди отстранены и отчуждены и насколько непреодолимо

расстояние между ними – социальное, культурное, психологическое. «Данный факт остается в силе как для различия полов, так и для культурных различий» (Вальденфельс 1999: 125). Именно поэтому философия объявила в качестве актуальной, но не выдержавшей проверку временем проблему толерантности и мультикультурализма. Сошлёмся на авторитет Б. Вальденфельса, который различает понятия Другого и Чужого. Если «первое – указывает на отличие, несхожесть», то «чужестъ характеризуется «местом особого рода» (Вальденфельс 1999: 126). «Место особого рода» в силу «особости» оказывается непреодолимым. Это и есть маргинальность как способ бытия человека.

Метафизика маргинальности человека – это его неопределяемость. Он в отличие от животных, выйдя из природной сплошности, живет вне пределов. Порвав связи с природой, организованные на законах инстинктуальной программы, он вырвался из её физики и вошел в пространство метафизики. В целевых полаганиях (которые пришли на смену инстинктов) он бесконечно выходит за всяческие пределы и границы, находит себя в непрерывности переходов – в «разрывах и переменах» (Бодрийяр 2003; Вальденфельс 1994, 1999), в неопределённости «между» (Вальденфельс 1994, 1999). В этом смысле человек – маргинал и мигрант. Он – всегда на социальных стыках и в культурных переходах. Именно в этой онтологической специфике заложена метафизика кризисов, разрушения и нестабильности.

Литература

Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М.: Библион – Русская книга, 2003. 272 с.

Вальденфельс Б. Своя культура и чужая культура. Парадокс науки о чужом // Логос. Философско-литературный журнал. М., 1994. № 6 (1995).

Вальденфельс Б. Мотив чужого. Минск: Проппелин, 1999. 176 с.

Elizaveta Matveeva
(Irkutsk, Russia)

**MIGRATION AS A THREAT – COMMON IDENTITY AS
A SOLUTION? ITALIAN ONLINE PUBLIC DISCOURSES
ON EUROPEAN IDENTITY**

Е.А. Матвеева (Иркутск, Россия)

**Миграция как угроза – общая идентичность как решение?
Итальянские публичные онлайн дискурсы о европейской
идентичности**

Discourses on migration crisis and on the development of a sense of belonging to Europe are very often supposed to be closely related. It has become increasingly common among the media, expert communities and the general public to view migration processes as a threat to European values, culture or traditions, as well as to those of single nations. The case study of the European identity discourses in Italian online public space, though, indicates that until very recently this type of reasoning appeared to be rather marginal. Surprisingly enough, it was bounded to conspiracy theories that described mass migrations as a part of the plan worked out by European political elites and aimed at racial mongrelization of European people and their degeneration into a group of individuals deprived of ethnic, historical and cultural cohesion, which could be easily controlled and manipulated.

Even if narratives of migration/Islam as a challenge or as a threat are widely present now in Italian public discourse, a variety of European identity frames contains different explicit and implicit perceptions of “closeness” and “openness”, of exclusiveness and inclusiveness, of “Us” and “the Other”. America emerges as the most significant Europe’s Other in the long list of geographical or political entities including China, Asia and Africa. Another negative identity frame addresses a “Europe of money” as Europe’s “inner alien”. Religious (Christian) identity models can refer both to traditional values and “moral” identity, and to the Christian faith as a basis for the fundamental values of peace, justice, liberty, tolerance, participation and solidarity. Different modifications of European cultural identity narratives can be related to the efforts of national cultural diversity preservation or to the values of dialog and diversity. As a result, immigration is often seen as a natural and even beneficial process. At the

same time, a common European identity can be represented as a threat, e.g. to democracy in Europe. This view is based on the certainty that common European identity cannot be created within the European Union because the EU in its current form doesn't conform to democratic ideals.

СИМПОЗИУМ 2. ЛЮДИ, КУЛЬТУРЫ, РЕСУРСЫ

Symposium 2. People, Cultures, Resources

Панель 1 – Социум, идентичности, адаптация

Panel 1 – Society, Identities, Adaptation

Е.А. Ерохина

(Новосибирск, Россия)

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ И СТРАТЕГИИ ЭТНИЧЕСКОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

Elena Erokhina (Novosibirsk, Russia)

Socio-cultural transformation and ethnic self-identification strategies

Социальные процессы, происходящие в современной России, довольно часто характеризуют как социокультурную трансформацию. Данное понятие применяют и при описании тенденций этносоциального развития. В научном дискурсе понятие социокультурной трансформации отражает процесс качественного усложнения общества под влиянием социальных изменений. Социокультурная трансформация имеет две стороны: устойчивую и изменчивую. К изменчивым ее формам относятся технологические и экономические уклады, типы демографического воспроизводства, модели поведения (традиционный, рациональный). Что касается ее устойчивых форм, то можно говорить об определенном постоянстве ее проявлений, фрагментации и интеграции социальных, в том числе этнических, групп общества.

В числе устойчивых форм социокультурной трансформации можно выделить обособление и сближение этнических обществ, чередование активности недоминантных и доминирующей этнических общностей, усиление конкурентных либо солидарных форм межэтнического взаимодействия. Каждая из этих форм связана со «своей» фазой трансформации: этнической фрагментацией либо межэтнической интеграцией. Механизм перехода от одного состояния к другому можно описать при помощи системы взаимосвязанных понятий:

сети, ресурс, инновация. Ресурсом обычно называют средство, позволяющее при помощи определенных действий получить желаемый результат. Характеристикой ресурса является возможность его использования для достижения поставленных субъектом целей. Как правило, доступ к ресурсам открывает право членства в социальной сети, контролирующей ресурсное распределение. Если рассматривать социокультурную инновацию в качестве ресурса, который на стадии внедрения становится конкурентным преимуществом и объектом состязательности этнических групп, то из этого логично вытекает высокий статус инновации в указанный период. По мере распространения инновации за пределы группы, контролирующей доступ к ее использованию, статус инновации как таковой понижается.

В качестве примера престижной инновации на постсоветском этапе социокультурной трансформации можно привести суверенизацию, которая стала дополнительным ресурсом для представителей титульных народов в национально-территориальных субъектах РФ, воспользовавшихся преимуществом билингвизма, опоры на родственные и земляческие связи в ситуации конкуренции с русским населением в 1990-е гг. Однако от повышения статуса национально-территориальных образований до уровня субъектов РФ выиграло все население боровшихся за новый статус региональных сообществ, формирующихся как межэтнические в 2000-е гг. И хотя суверенизация оценивается неоднозначно, ее влияние на этносоциальные процессы огромно.

Прохождение фаз тесно связано с одной из двух стратегий этнической идентификации: альтернативной и комплиментарной. Фаза фрагментации запускается внедрением нововведений, усиливающих межэтническую конкуренцию за доступ к благам, продуцируемым нововведением. Для нее характерно ограничение доступа в этническую сеть, контролирующую престижный инновационный ресурс, усиление жесткости межгрупповых границ, преобладание альтернативной стратегии этнической самоидентификации, предполагающей однозначный выбор этнической принадлежности, ограниченное число лояльностей, жесткость этнических границ. По мере распространения инновации в действие включаются механизмы интеграции, сближения, межэтнического сотрудничества. В фазе интеграции облегчается доступ в статусные этнические группы, межэтнические границы становятся проницаемыми, преобладает комплиментарная стратегия этнической самоидентификации, предполагающей нали-

чие широкого веера этнических лояльностей, проницаемость границ между группами. Данные тезисы будут раскрыты в докладе на примере взаимоотношений титульного этноса Республики Алтай, алтайцев, и родственных им групп коренных малочисленных народов Алтая (теленгитов, челканцев, тубаларов).

Т.К. Щеглова
(Барнаул, Россия)

**СТРАТЕГИИ ВЫЖИВАНИЯ И АДАПТАЦИИ
ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ
В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ
XX СТОЛЕТИЯ: ОТВЕТ УСТНОЙ ИСТОРИИ НА
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ¹**

Tatyana Shcheglova (Barnaul, Russia)
**Survival strategies and adaptation of the agricultural population of
Siberia in the context of 20th century historical events:
oral history's response to anthropological challenges**

Адаптационные механизмы системы жизнеобеспечения земледельческого населения Сибири в периоды ухудшения условий жизнедеятельности и хозяйствования относятся к числу важных вопросов антропологических исследований.

В XX столетии к таким периодам относились годы войн, репрессий и многочисленных кардинальных переустройств сельского общества. Их исследование возможно в междисциплинарном взаимодействии антропологии и устной истории. Материалы интервью, собранные в ходе авторских историко-этнографических экспедиций (1990–2015 гг.), являются антропоцентрическими документами, позволяющими сделать вывод об адаптационных практиках сельского земледельческого населения с опорой на возможности «кормящего ландшафта» в борьбе с холодом и голодом в ходе тех исторических событий, которые сопровождались неблагоприятными условиями, как это было, например, в годы Великой Отечественной войны. Сре-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-31-01019 а1 «Культура жизнеобеспечения сельского русского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: традиции и новации» (рук. д.и.н. Т.К. Щеглова).

ди адаптационных практик в это время в системе питания фиксируется развитие собирательства трав-дикоросов, ягод, грибов, рыболовства, охоты (в том числе на сусликов и сурков), лесных и соляных промыслов. В системе жилищно-хозяйственного обустройства и отопления жилища отмечались заместительные технологии с использованием из окружающей среды в первом случае для возведения жилища таких строительных материалов, как дерн, глина, солома, «колья», камыш; во втором случае для отопления жилища – использование хвороста, сучьев, шишек, полыни, соломы, коровьих «лепешек» и т.п.

В этом смысле одним из путей адаптации являлось обращение земледельческого населения к возможностям «кормящего ландшафта» и «откат» к крестьянской традиционной системе преодоления трудностей. В конкуренции вокруг ресурсной ренты в годы войны выстраивались иерархические отношения между человеческим обществом и животным миром. В качестве основного конкурента человека в борьбе за белковые ресурсы в годы войны выступал волк. Контент-анализ интервью всех возрастных категорий респондентов показывает расширение ареала охоты хищников с его приближением к деревне. Отмечается и распределение сфер деятельности за «рен-ту» по линии межгрупповых и межличностных взаимоотношений, особенно в детской и подростковой среде. Например, в годы войны возникло распределение кустов с гнездами птиц (для сбора яиц) между подростками.

Противоположный процесс взаимоотношений человека и животных выстраивался по линии «человек – мелкие животные». «Спасителями» земледельческого сообщества стали суслики. В период ухудшения материально-бытовых условий земледельческого населения тыловой деревни Сибири они одновременно являлись лакомством, основным белковым продуктом и сырьем для изготовления верхней одежды, обуви, головных уборов. Ухудшение условий жизнедеятельности в войну расширило значение в земледельческом обществе домашних животных. Первенство принадлежало коровам, которые в годы войны одновременно являлись источником белкового продукта (молоко), основной тягловой силой в семейном и общественном производстве, источником для топлива (коровьи лепешки, кизяки, «объедья») и т.п.

А.В. Фролова
(Москва, Россия)

**СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ
РУССКИХ К СРЕДЕ ОБИТАНИЯ
(ПО МАТЕРИАЛАМ АРХАНГЕЛЬСКОГО СЕВЕРА)¹**

Alexandra Frolova (Moscow, Russia)

**Social and psychological adaptation of the Russians to the
living environment (the case of the Arkhangelsk North)**

Архангельский Север – обширная часть историко-культурной зоны Русского Севера. По современному административному делению она практически соответствует современной Архангельской области. Архангельский Север – условное административно-географическое название, принятое в литературе вследствие частого изменения территориальных границ губерний, а затем и областей. Этнический состав Архангельского Севера в Новое и Новейшее время характеризовался существенным преобладанием доли русского населения – 94%. Необычная устойчивость традиционной культуры в этих местах и в наши дни привлекает исследователей разного профиля к этому феномену. Автор рассматривает примеры из жизни русского сельского населения, свидетельствующие о психологической взаимосвязи местного жителя с окружающей его реальной и мифологической средой обитания.

Освоение Русского Севера с первых этапов шло при тесном контакте славян и местных финно-угорских народов, что способствовало взаимовлиянию и взаимообогащению их материальной и духовной культуры. На этой обширной территории, объединенной историческим и социально-экономическим развитием в течение длительного времени, сложился своеобразный комплекс народной культуры. Огромное значение в этом имело севернорусское население – люди, создатели и хранители присущих только им культурных традиций. Культура, часто называемая поморской, созданная на краю ойкумены, границе с миром полярного инобытия, – эта культура аскезы, отказа (Теребихин 2004: 45).

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 15-06-05583 «Естественнонаучные методы в изучении инвалидности».

Заселение новых северных территорий рассматривалось русскими в первую очередь как духовный акт, затем уже как хозяйственный. Оказываясь в чужом пространстве, уже освоенном другим народом, русский человек начинал с того, что освящал место, возводил в нем святыню, защищающую не только от аборигенов края, но и от необъяснимых, злокозненных природных явлений, а также духов – леших, водяных. По мере расширения жизненной ойкумены росла сеть подобных святых мест. Со временем она сложилась в своеобразную иерархическую систему, в которой культурные и природные сакральные объекты выполняли различные религиозно-обрядовые функции и имели разные ареалы почитания.

Анализ полевых материалов показал, что у севернорусского населения продолжают бытовать формы повседневного мировоззрения и поведения, которые на психологическом уровне помогали людям закрепиться на этой суровой и благодатной земле, обеспечить исконно земледельческому населению полный цикл их жизнедеятельности (ПМА). В процессе освоения северных территорий через механизм социопсихологической адаптации к среде обитания сформировался определенный мировоззренческий тип северян, способных к самостоятельности, активности, в то же время не склонных к антагонистическим противопоставлениям в чем бы то ни было, поддерживающих, часто бессознательно, традиции и устои. Среди прочих факторов это способствовало сохранению историко-культурного и фольклорного наследия края.

Литература

- Теребихин Н.М.* Метафизика Севера. Архангельск, 2004. 272 с.
ПМА. Полевые материалы автора. Экспедиции 2003–2005 гг. в Пинежский и Мезенский р-ны.

Е.А. Журавлева
(Тюмень, Россия)

КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ТЮМЕНСКОГО СЕВЕРА В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЕ 1964–1969 гг.

Elizaveta Zhuravlyova (Tyumen, Russia)

The image of the Tyumen North as portrayed in the regional press from 1964 to 1969

После открытия Березовского месторождения и с началом создания Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (ЗСНГК) территория Тюменского Севера привлекала всё больше внимания и всё больше людей. Север манил своей неизвестностью, загадочностью и романтикой. Период наибольшей активности на Севере Тюменской области (1964–1986 гг.) можно разделить на три этапа или три поколения: первый этап – 60-е гг.; 2-й – 70-е; 3-й – 80-е годы. Каждый период характеризуется особым отношением прессы, в нашем случае к тому, как апеллировали к эмоциям. Детально остановимся на первом этапе.

В советский период пропаганда активно велась с помощью агитационных плакатов и через прессу. И тогда мы видим, что людьми двигали как возможность получать материальные привилегии (льготы, получение жилья, более высокие зарплаты), так и моральные (герой-первопроходец).

Именно в периодике создаётся определенный образ Севера, который так притягивал новые рабочие руки. Создаётся и особый образ северянина. Пионеры, герои-первопроходцы – это становится почётным, гордым синонимом слова «северянин». Появляются такие метафоры, как любовь к Северу, северная болезнь, притяжение Севера.

Север намеренно восхваляется и возвышается: «И главное, чем особенно довольна Тамара, так это то, что попала она на Крайний Север, где столько замечательных людей» (Полюбила девушка Север 1964: 3); «Горда тем, что на земле Тюменской области, необъятной, богатой земле, начала свою трудовую биографию. И нет ей ничего дороже этих просторов» (В краю большой нефти 1964: 2).

Мы видим, что на первом этапе становления ЗСНГК Тюменский Север восхваляется, возвышается для привлечения внимания всё большего количества людей. В этот же период формируется и такой

феномен, как «северная болезнь», которая продолжает своё существование ещё долгое время, и лекарство от этой «болезни» только одно – уехать на Север.

Литература

В краю большой нефти // Тюменская правда. 1964. 2 февр. С. 1–4.

Полюбила девушка Север // Красный Север..1964. 5 февр. С. 3.

Gulnara Dadabaeva
(Almaty, Republic of Kazakhstan)

YARD BEAUTIFICATION IN ALMATY: CAN SYMBOLISM HELP TO CONSTRUCT A NEW SOCIAL SPACE?

Г.Р. Дадабаева (Алматы, Республика Казахстан)

**Украшение дворов в Алматы:
может ли символизм помочь в конструировании
нового социального пространства?**

Yard beautification, particularly the researched case of small group of 11 retired Russian women involved into this activity in micro-district of Almaty city, can be viewed as a multifaceted reality. First stratum is based on symbolic capital gardeners used during realization of beatification project. The yard beatification in the city has started over 10 years ago. Almaty journalist published an article about retired Russian woman Ludmila Matveeva who started to create primitive flowerbeds after the death of her daughter and grandson. The driving reason probably was to get some condolence or compassion form the people living near her. Her neighbors and their kids had become the main target audience of her activity. The strangest thing I discovered while researched the beatification processes was the similarity between flowerbeds made by L. Matveeva and my neighbors when they started a project over 5 years ago. There were a lot of old kids' toys: animals, plants (mainly mushrooms), dolls, and cuddly toys. Some respondents' answers to the question "Why do you like to decorate flowerbeds with toys?" were surprising. Part of them thought these toys were nice and even beautiful, some wanted to share

these nice images with other people (audience), and the third group just didn't want to keep toys as reservoirs of dust and preferred to exploit it for beatification. Using questionnaires and interview with tenants have helped to verify paper hypothesis.

Bourdieu interpretation of symbolic capital as honor or prestige (Bourdieu 1984) that pushed people to do certain things provides a platform to reflect on the role of the Soviet experience and its application to the present day reality. Combining reflection on social capital with "symbolic interactionism" approach to study human conduct (Blumer 1969) we can create a fertile ground to understand why certain people behave this way or another. Symbolic interactionism approach equipped researches by toolkit to trace the interconnection between physical reality and individual's perceptions and vice versa how social definitions made by humans are affected by existed reality. Blumer argues that people are not dealing directly with the reality but opposite they choose what part of the reality could be included into their reality through individual perceptions. The new landscape construction by retired gardeners can't be identified with the mainstream of social protest movement but emergence of safe and socially friendly reality.

Я.А. Самоделкин
(Екатеринбург, Россия)

**ОБРАЗЫ ФЛОРЫ И ФАУНЫ
В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ XIX–XX вв.**

Yakov Samodelkin (Yekaterinburg, Russia)
**Images of flora and fauna in the socio-political history
of the 19th – 20th centuries**

Обращение к теме литературных образов флоры и фауны в контексте социально-политической истории XIX–XX вв. связано с большим эвристическим потенциалом, который объединяет человеческие проблемы и мир природы. Писатели обращались к языку Эзопа, с одной стороны, из-за запрета цензуры, политической корректности, с другой стороны, яркости и выразительности человеческого начала через образы флоры и фауны. Перед нами была задача, во-первых, проанализировать исторический контекст как основу по-

явления образов растений, животных и птиц в художественных произведениях, во-вторых, рассмотреть социальный заказ и механизм цензуры.

Успехи европейской науки и техники привели к уверенности, что прогресс приведет к всеобщему счастью и благоденствию. Через отношения между литературой, наукой и властью проходит идея эволюции прогресса и изменения его смысла. Бурное развитие капитализма на либеральной почве в России привело к революциям, развалу государства, исчезновению монархии. Приход к власти большевиков ознаменовал отказ от прошлых «буржуазных» ценностей и реальность строительства нового общества, где наука – база прогресса, убежденность в неминуемом наступлении коммунизма. Эта убежденность ушла в конце 60-х гг. XX в. В какой мере художественные произведения отразили эту эволюцию? Какие образы они предложили читателям? Образы были привязаны к реалиям своей эпохи и отражали их поиски, проблемы. Какие страхи проявлялись в произведениях? Разрабатывались ли в них критический дискурс или дискурс о риске, который наука затем смогла перенять? Каковы были его главные мотивы?

Богатый материал использования образов растений для раскрытия исторических и человеческих проблем находится в таких текстах, как «Аленький цветочек» С.Т. Аксакова, «Антоновские яблоки» И.А. Бунина, «Крыжовник» и «Вишнёвый сад» А.П. Чехова, «Вишнёвая косточка» Ю.К. Олеши, «Последний лист» О'Генри, «Да здравствует фиккус» Дж. Оруэлла, «Чиполлино» Дж. Родари, «Вино из одуванчиков» Р. Брэдбери, «Полынь – вдовья трава» Л.М. Мищенко, «Вишнёвый омут» М.Н. Алексеева, «Калина красная» В.М. Шукшина.

Болезни и пороки общества мыслители во все времена показывали, обращаясь к миру животных. Этот способ казался доступным для понимания каждого и при этом весьма выразительным. Образы животных были использованы в художественных произведениях классиков русской и советской литературы: «Собачья дружба» И.А. Крылова, «Муму» И.С. Тургенева, «Верный Трезор» М.Е. Салтыкова-Щедрина, «Каштанка» А.П. Чехова, «Белый пудель» А.И. Куприна, «Собачье сердце» М.А. Булгакова, «Ко мне, Мухтар» И. Меттера, «Белый Бим Черное Ухо» Г.Н. Троепольского, «Верный Руслан» Г.Н. Владимова. В зарубежной литературе – «Черный кот» Э. По, «Кошка, которая гуляет сама по себе» Р. Киплинга, «Вещая собака» Г.К. Честертона, «Желтый пес» Ж. Сименона, «Дело о вою-

щей собаке» Э. Гарднер, «Колыбельная для кошки» К. Воннегута, «Бег зайца по полям» С. Жапризо. Писатели использовали образы животных для нравственного, интеллектуального воспитания читателя.

В российской, советской, а также в зарубежной литературе были активно использованы образы птиц для глубокого осмысления взаимоотношений человека и окружающего его мира. Нами проанализированы классические произведения: «Капитанская дочка» А.С. Пушкина, «Гроза» А.Н. Островского, «Чайка» А.П. Чехова, «Песня о соколе», «Песня о буревестнике» А.М. Горького, «Чайка» Н.З. Бирюкова, «Не стреляйте в белых лебедей» Б.Л. Васильева, «Чайка» Б. Акунина, а также зарубежных авторов – «Остров пингвинов» А. Франса, «Синяя птица» М. Метерлинка, «Убить пересмешника» Х. Ли, «Пролетая над гнездом кукушки» К. Кизи, «Чайка Джонатан Ливингстон» Р. Баха.

В докладе показано, каким образом изложенный выше материал может быть использован в процессе преподавания в высшей школе.

Панель 2 – Мир духов как ресурс и средство борьбы за ресурсы

*Panel 2 – The World of Spirits as a Resource and a Means
of Struggle for Resources*

В.И. Харитонова
(Москва, Россия)

ЧЬИ ВЫ, ШАМАНСКИЕ ДУХИ? (МИР ДУХОВ КАК РЕСУРСНАЯ РЕНТА)

Valentina Kharitonova (Moscow, Russia)
Whose are you, shamanic spirits?
(The world of spirits as resource rent)

Возникший в 1960–1970-е гг. на Американском континенте большой интерес к шаманизму и древним ритуалам, а в конце 1980-х

докатившийся до СССР уже в виде *миссионерского шаманизма* и *возрождения культурно-национальных традиций* вместе с формированием *неошаманизма*, с параллельным включением российских новоявленных адептов в движение по его *глобализации*, не исчезает до настоящего времени. Вполне очевидно, что это был не столько интерес к культурным древностям, сколько стремление использовать – для самопознания и расширения собственных психофизиологических возможностей – традиционные техники и знания. Присутствие в движении *глобализации шаманизма* большого числа людей с высшим образованием и учеными степенями, осваивающих распространяемые *шаманские практики* в стремлении овладеть различными измененными состояниями сознания и научиться работать с ними – самостоятельно либо через употребление специальных средств (психоделиков и др.), – риторика распространяемых практик и включенность в *глобальный шаманизм* тех адептов, которые представляют постсоветский (*нео*)шаманизм, четко свидетельствуют об этом.

Как известно, в шаманских/шаманистических представлениях есть разные духи: помощники, противники, нейтральные духи природы, божества различных миров и др. Все они могут по-разному реагировать на выходцев из «своего» и «чужого» сообществ, в первую очередь духи-помощники, которые более тесно связаны с курируемыми ими шаманами и их этническими группами. Представление, что духи – это неотъемлемая часть самого общества (особенно духи предков) и его культуры, для шаманских сообществ было естественным. В них наличествовало традиционное осознание того, что духи – это своеобразный капитал владельца: чем больше духов у шамана, тем он сильнее.

Поскольку «духи» как понятие и образы вошли в представления и обрядовые практики адептов современных вариантов *шаманизма* (т.е. они служат этим адептам, в том числе их бизнес-целям), есть смысл рассматривать их как *ресурсную ренту* в сфере духовной культуры. Традиционно духи являются принадлежностью своего рода/племени: они враждуют с чужими и не покровительствуют чужакам. Но сейчас в отношении возможности духов общаться с иноплеменниками и даже оказаться на службе у них – сведения разнятся; в последние годы, разумеется, выстраивание таких стратегий становится всё более свободным: духов передают, продают, дарят, т.е. они превращаются в своеобразный товар.

Одним из любопытных вариантов общения с духами в плане восприятия их как *ресурсной ренты* является практика приема *аяуаски* – напиток позволяет контактировать с духом аяуаски и некоторых растений. Через такой контакт можно оздоравливаться, решать свои проблемы, но это же позволяет вести бизнес-практики (как, впрочем, и любые камлания шаманов). Однако вопрос о *ресурсной ренте* у хранителей традиции, торгующих культурным капиталом, как и у других представителей социума, возникает, скорее, в отношении вывозимого сырья, нежели эксплуатации «вывозимых» чужестранцами духов.

В докладе будет подробно рассмотрена проблема *культурной ресурсной ренты* на примерах различных традиций.

И.Е. Максимова
(Томск, Россия)

**ВОЗМОЖНО ЛИ ОТКУПИТЬСЯ ОТ ДУХОВ?
К ВОПРОСУ ОБ ЭТИЧЕСКИХ ОСНОВАХ
«РЕСУРСНОЙ РЕНТЫ»**

Irina Maximova (Tomsk, Russia)

**Is it possible to buy the spirits off? On the ethic foundations
of ‘resource rent’**

Под термином «духи» применительно к традиционному мировоззрению сибирских народов понимается огромное количество существ, принадлежащих к самым различным категориям. С системой природопользования связаны, прежде всего, «духи верхнего мира» и «духи мест». Именно они обеспечивают стабильность принципов взаимоотношений человека и окружающего пространства, основанных на традиционных этических нормах. Лишь часть этих норм имеет отчетливо запретительный характер, гораздо большее значение имеет повелительная этика.

В самом общем виде отношение к природе в традиционном мировоззрении сибирских народов можно выразить двумя общеизвестными постулатами:

– природа (в самом широком смысле этого слова, включая животных, духов, объекты ландшафта) – это партнер по диалогу, сле-

довательно, на нее распространяется принцип «золотого правила нравственности»: поступай с природой так, как ты бы хотел, чтобы она поступала с тобой;

– человек – равноправная часть природы наравне с животными, которые так же, как и люди, следуют определенным поведенческим нормам (например, медведь-людоед – существо «вне закона»).

Традиционная экономика сибирских народов не была рыночной, и даже взаимоотношения с русскими купцами в значительной степени имели характер натурального обмена (пушнина – товар). Поэтому и отношения с миром духов не подразумевали возможности «откупиться» от совершенного проступка. Святотатство, издевательство над раненым животным, превышение разумных норм добычи и т.п. наказуемы безусловно.

В современной мировоззренческой системе природа – лишь ресурс, по отношению к которому не может быть этики, только экономика. И поэтому «ресурсная рента» заключается в некой денежной компенсации населению и самой природе за причиненный ущерб. Но данные «финансовые принципы» несовместимы с «законами духов».

У западносибирских эвенков есть представление о «мушун», которые были изначально поставлены верховным существом Окшери для наблюдения за порядком. С мушун может общаться любой человек посредством обрядов.

Но если с останками убитого животного обходятся «не по правилам», оно не возрождается, а в разбросанных старых вещах зарождаются вредоносные духи-хиташал, с которыми невозможно «договориться» через обряды, так как они сами по себе и есть то наказание, которое должен понести человек за нарушение экологических норм. С этой точки зрения нефтедобыча, вырубки лесов, хищническая «охота с вертолета» – это события эсхатологического уровня. Принять их – значит перестать «быть эвенком». От духов нельзя откупиться. Но их можно продать.

Любая, даже «самая справедливая» ресурсная рента, не является гарантией от негативной реакции. В современных условиях природопользования, ориентированного на нефте- и газодобычу, она может улучшить социальное положение представителей малочисленных народов Сибири, может дать им стимул для развития предпринимательства, но не может помочь им сохранить традиционное мировоззрение, так как является, по сути, платой за забвение собственной духовной культуры.

О.Э. Добжанская
(Дудинка, Россия)

**ЗВУЧАЩИЕ ЛАНДШАФТЫ АРКТИКИ: КОММУНИКАЦИЯ
ЧЕЛОВЕКА С МИРОМ ДУХОВ
В СИСТЕМЕ ИНТОНАЦИОННО-АКУСТИЧЕСКОЙ
КУЛЬТУРЫ САМОДИЙЦЕВ¹**

Oksana Dobzhanskaya (Dudinka, Russia)
**The Arctic's sounding landscapes: human communication with
the world of spirits
in the system of Samoyeds' intonation-and-acoustics culture**

Звучащий ландшафт Арктики – пространственно-временной комплекс природных и антропогенных звуков, являющихся материально-духовными знаками определенной территории, имеющими этнокультурный смысл и создающими звуковой образ территории, содержательно ценный для населяющих ее народов (Шейкин 2016: 32). Изучение звучащего ландшафта позволяет вскрывать те аспекты интонационной культуры народа, которые, не являясь собственно «текстами», часто ускользают от внимания исследователей.

В звучащем ландшафте Арктики выделяется несколько слоев: 1) слой интонационного взаимодействия с природой; 2) проецирование общественного и личного в человеке вовне (создание «собственного» человеческого звукового ландшафта – органической части природного); 3) слой имитационных фоноинструментов. Коммуникация человека с миром духов, которые в традиционном мировоззрении неразделимо связаны с окружающей природой, проявлена в каждом из слоев.

В слое «интонационного взаимодействия с природой» нужно обращать внимание на имеющие сакральное значение и связанные со звучанием (или с особенной тишиной) местности и географические объекты (сопки, озера, деревья и др.). Сакральные территории проявляют себя в звуке, настораживая внимание людей и тем самым требуя к себе почтительного отношения (Головнев 1995: 498–501).

¹ Доклад подготовлен по проекту Российского научного фонда «Создание Лаборатории комплексных геокультурных исследований Арктики», № проекта 14-38-00031.

Восприятие и имитация голосов животных и птиц также могут трактоваться как коммуникация с духами (священные птицы ненцев ворон, чайка, орел и др.) (Пушкарева 2003: 25). Молитвенные обращения человека к природным стихиям (заклинания Матерей природы у нганасан), возможно, произносились особым тембром.

Ко второму слою «проецирования общественного и личного в человеке вовне» относится коммуникация со сверхъестественным миром в шаманском обряде. У нганасан зооморфные шаманские духи (звери и птицы) поют собственными «голосами»: за каждым из них закреплена индивидуальная мелодия и опознавательные знаки-ономатопеи, по которым присутствующие безошибочно их узнают (Добжанская 2008: 26–32, 35–39, 41–45).

В третьем слое «имитационных фоноинструментов» необходимо обратить внимание на бубен и подвески-позвонки шаманского костюма, которые своим звучанием воплощают голоса шаманских духов, изображенных в данных подвесках (Добжанская 2008: 116–118).

В целом, применение исследовательской методологии «звучащего ландшафта Арктики» позволяет сегментировать континуум звучаний, связанных с верованиями жителей Севера, и более пристально рассмотреть этот сложный для понимания объект этнической культуры.

Литература

Головнев А.В. Говорящие культуры: Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 606 с.

Добжанская О.Э. Шаманская музыка самодийских народов Красноярского края. Норильск: Апекс, 2008. 272 с.

Пушкарева Е.Т. Картина мира в фольклоре и традиционных представлениях ненцев: системно-феноменологический анализ: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2003. 47 с.

Шейкин Ю.И., Добжанская О.Э., Никифорова В.С. Звучащий ландшафт Арктики // Этнографическое обозрение. 2016. № 4. С. 30–44.

Н.А. Тадина
(Горно-Алтайск, Россия)

РОДОВОЕ ЖИВОТНОЕ У АЛТАЙЦЕВ КАК ЭТНОЭКОЛОГИЧЕСКИЙ СИМВОЛ СОВРЕМЕННОСТИ¹

Nadezhda Tadina (Gorno-Altai, Russia)
**Tribal animal of the Altai people as contemporary ethno-ecological
symbol**

В постсоветский период у алтайцев возродилась традиция сбора на родовой территории представителей сёока-рода и установления родовых символов – должности главы-зайсана, знамени-мааны со знаком-тамгой и образом почитаемого животного. По собранным сведениям, на жёлтом фоне знамени сёока тёлёёс изображён марал, по центру красно-жёлто-синего знамени сёока майман вышита собака. Эмблему родового животного носят на национальном костюме, футболке и прикрепляют на автомобиль. В интернет-сообществах на личной странице, «стене», вместо фотографии на «аватаре» размещают образ своего родового животного: у кыпчака – волк, маймана – собака, мундуса – бык, иркита – беркут и т.д. Наблюдаемое изменение форм и способа презентации родовых символов остаётся неизученным на фоне традиционных норм почитания родового животного и промысловых запретов у алтайцев-скотоводов и охотников (Муйтуева 2004; Тадина 2009; Тюхтенева 2011; Ябыштаев 2014; Broz 2007).

Опыт нашего полевого исследования подтверждает освещение проблемы с позиции её восприятия населением. Одной из важных задач в Республике Алтай остаётся решение экологической проблемы – экологии культуры, экологии природы Алтая, подверженной влиянию развернувшегося турбизнеса, случаев *vir*-охоты, продажи земель, огораживанию парков, перекрывающему миграционные пути диких животных. Опрошенные нами жители понимают неизбежность антропогенного влияния на природу и говорят о необходимости поиска его допустимых путей. В этом решении важно взаимо-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ, проект № 15-11-04003 а(р), «Традиции и инновации родовой потестарности алтайцев в контексте этносоциальных процессов в Республике Алтай» (рук. Н.А. Тадина).

действие органов власти и национально-культурных объединений, среди которых активна общественная организация «Курултай алтайского народа». Актуализируя экологическую проблему, последователи возрождения религии алтайцев Ак јан на святилищах-тагыл установили образ животного-покровителя местности: в каждом селе он свой – косуля, заяц, марал или птица. Протест против потребительского отношения к природным ресурсам региона объединяет алтайцев и местных русских, разделяющих взгляд на природу как «имеющую хозяина, способного наказать за нанесённый вред».

Литература

Муйтуева В.А. Традиционная религиозно-мифологическая картина мира алтайцев. Горно-Алтайск, 2004. 166 с.

Тадина Н.А. Экология и культурный ландшафт Алтая в контексте межэтнической коммуникации // Известия АГУ. Серия «история, политология». 2009. № 4/3 (64/3). С. 210–214.

Тюхтенева С.П. Лексика имущественной сферы и концепт собственности у алтайцев // Язык и культура. 2011. № 2 (14). С. 103–111.

Ябыштаев Т.С. Родовое движение алтайцев в пространстве Интернета // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных территорий (Казахстан, Монголия, Китай) (матер. конф.). Горно-Алтайск, 2014. С. 197–201.

Broz L. Pastoral Perspectivism: A View from Altai // Inner Asia. Perspectivism. 2007. № 9/2. P. 291–310.

Е.И. Кириленко
(Томск, Россия)

БОЛЕЗНЬ И ЧЕЛОВЕК: КУЛЬТУРНЫЕ АРХЕТИПЫ МЕДИЦИНСКОГО ОПЫТА РУССКИХ

Elena Kirillenko (Tomsk, Russia)

Human being and disease: cultural archetypes of Russian medical experience

Анализ сюжетов, связанных с взаимодействием духов болезни с миром людей в восточнославянской культурной традиции, значим, так как позволяет понять некоторые архетипические структуры в актуальном медицинском опыте, в котором имеющий отношение к медицинским практикам архаический след бессознательно присут-

ствует. Это подтверждает, например, внутренняя форма некоторых языковых образований: несварение желудка, жар (лихорадка) у больного и т.д.

Тему конфликта человека и мира духов вокруг ресурсной ренты можно переформулировать как проблему их статуса, вписанности в структуры бытия и способа взаимодействия, соприкосновения и конфликта.

Персонажи восточнославянского мифа, и именно демонологии, – это духовные сущности, они антропоморфны, иерархичны, уподоблены миру человеческому, но и асимметричны ему, несут в себе некий изъян, недостаточность, противопоставленность.

Конфликтность миров людей и духов – в разнонаправленности векторов изменения этих сфер. Противоположны центростремительная направленность движения человеческого мира, стремящегося к целостности как воплощению порядка, строя, и центробежный вектор развития деформации, отпадения, изъятия в ситуации овладения человеком духом болезни (Топоров 1993).

Болезнь в восточнославянской традиции имеет демонологическую природу, что подтверждает синонимизация в русском традиционном словаре названий болезни и имен демонических существ. Например, у Даля чѐмор – дьявол и чемер – спазмы в животе и боль в пояснице; игрец – имя дьявола и название истерического припадка; худой – злой бес, худоба – сухотка, истощенность; худая боль – сифилис (Даль 1903–1909).

Внутри этой картины мира формируются представления о нормативности здоровья и маргинальности болезни, отношение к болезни как внешнему агенту, идея поиска лекарственной панацеи как выражение целостности универсума и способа единения с ним, признание ценности неких ритуальных практик, имеющих профилактический смысл. Отношение к болезни как внешнему агенту инициирует активные и массированные практики в направлении изъятия, извлечения, преодоления внешнего, иного. Следует признать, что специфика традиционного опыта отношения к здоровью и болезни сохраняется в ментальных структурах наследников данной культурной традиции.

Литература

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. 3-е изд. СПб.; М.: М.О. Вольфъ, 1903–1909. Т. 1. 1743 с.; Т. 2. 2030 с.; Т. 3. 1782 с.; Т. 4. 1619 с.

Топоров В.Н. Об индоевропейской заговорной традиции (избранные главы) // Заговор. Исследования в области балто-славянской духовной культуры. М.: Наука, 1993. С. 3–103.

И.И. Назаров
(Барнаул, Россия)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И СОВРЕМЕННЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ В ПРАКТИКЕ ВОЗРОЖДЕНИЯ КУМАНДИНЦАМИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ ОБРЯДА «КОЧО-КАН»

Ivan Nazarov (Barnaul, Russia)

Historical memory and contemporary information resources in the practice of the rite of ‘Kocho-Qan’ revitalization by the Kumandins of Altai region

В последние несколько лет у этнографов есть уникальная возможность наблюдать за попытками возрождения кумандинцами, проживающими в Алтайском крае, уникального обряда «Кочо-кан». Этот обряд, очень хорошо описанный в этнографической литературе по материалам середины XX в. (Сатлаев 1971), не проводился многие десятилетия. Он стал возрождаться только с 2010 г. по инициативе лидеров кумандинских общественных организаций при поддержке краевых и муниципальных властей Алтайского края. Наблюдаемая репликация обряда «Кочо-кан» содержит как традиционные элементы, хорошо известные по научной литературе, так и новые элементы, заметно отличающие современный обряд от упомянутых выше этнографических описаний. Ключевая идея современного обряда «Кочо-кан», который проводится в начале осени в г. Бийске, – передача культурно значимой информации молодому поколению и консолидация кумандинцев вне зависимости от их родовой (сеок) и половой принадлежности. Организаторы мероприятия, которое проходит в формате праздника и его участниками становятся и взрослые

и дети, делают отсылку к традиционному пласту кумандинской культуры. В традиционной культуре этот обряд обеспечивал благополучие и плодородие. Важной составляющей при этом являлся эротический контекст ритуала. В современных реконструкциях эротический контекст отсутствует. В настоящее время этот обряд, приобретая новые функции, выходит за рамки традиционного мировоззрения и не может уже содержать трудно понятные и не всеми разделяемые действия с эротическим подтекстом. Реконструкция обряда строится на ещё сохраняющихся в среде пожилых кумандинцев представлениях и знаниях об этом ритуале. Представители старшего поколения – своеобразные эксперты, являются главными участниками «Кочо-кана»: изображают самого мифологического персонажа Кочо; осуществляют подворный обход для произнесения благопожеланий и сбора подарков; участвуют в песенных состязаниях «томыр». При разработке сценария проведения этого праздника-обряда его организаторы активно используют и интернет-ресурсы. Современные электронные библиотеки и специализированные этнографические сайты содержат в свободном доступе считавшиеся ранее труднодоступными и редкими фотографии и научные публикации по рассматриваемой нами теме. Этнографические описания (Сатлаев 1971) и фотографии элементов костюма участников ритуала также становятся основой для реконструкции этого обряда на современном этапе.

Таким образом, представления кумандинцев о традиционном обряде, подкрепляясь интернет-ресурсами, переосмысливаются и включаются в современную праздничную культуру, формируют новую этнокультурную среду в регионе.

Литература

Сатлаев Ф.А. Кочо-кан – старинный обряд испрашивания плодородия у кумандинцев // Сборник МАЭ. Л., 1971. С. 130–141.

Панель 3 – Ресурсные конфликты и языки их описания
*Panel 3 – Conflicts over Resources and Languages
of their Description*

М.Л. Бутовская
(Москва, Россия)

**МААСАИ НГОРОНГОРО: ПАРАДОКС ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ
ОГРАНИЧЕНИЙ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
И ЛУЧШЕЙ СОХРАННОСТИ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ
В УСЛОВИЯХ ПРИРОДООХРАННОЙ ТЕРРИТОРИИ¹**

Marina Butovskaya (Moscow, Russia)
*The Maasai of Ngorongoro: the paradox of legislative restrictions of
economic activity and better preservation of traditional culture in a
conservation area*

Маасаи являются одним из наиболее известных (брендовых) индигенных этносов Танзании. Их численность на сегодняшний день, по некоторым оценкам, может приближаться к 1 млн человек. Встретить представителей этой этнической группы можно практически во всех регионах страны, как в городах, так и в сельской местности. Маасаи предпочитают внешне подчеркивать свою идентичность, используя традиционную одежду, украшения, прически и атрибуты (копья, палки, асегай и пр.). Бросаются в глаза отчетливая коммерциализация самого бренда «маасаи» и осознанная эксплуатация его для достижения личных (групповых) коммерческих выгод, связанных с развитием этнотуризма в Восточной Африке, сопровождающегося появлением феномена ряженных маасаев из числа представителей других этнических групп. Отношение к маасаям в Танзании характеризуется выраженной полярностью от неприятия до неприкрытой зависти. Попытка избирательной брендизации отдельных культурных традиций и материальных атрибутов маасайской культуры, по-видимому, не способствует реальному ее сохранению.

В рамках данного доклада будет показано, что возможности для сохранения культуры и традиционного хозяйства маасаев все же

¹ Работа выполнена в рамках гранта РФФИ № 16-06-00223.

имеются, при этом основные условия для этого обеспечиваются в рамках природоохраняемых территорий и национальных парков. В силу запрета на нетрадиционные способы ведения хозяйства на территории Нгоронгоро маасаи не могут распахать землю и выращивать какую-либо растительную продукцию, создавать коммерческие производства по переработке мяса и молока. Подобные ограничения и жесткая позиция администрации Нгоронгоро вызывают неприкрытое недовольство самих маасаев. Мало кто из них осознает, что подобные правила представляют собой «защитный купол», охраняющий их традиционные пастбища от захвата мигрантов-земледельцев. Представители других этнических групп стремятся въехать и поселиться в Нгоронгоро под видом наемных рабочих, технического персонала госпиталя и школ. Их жизненные ценности и культурные установки резко отличаются от маасайских, что приводит к напряженности и локальным конфликтам. На основе собственных полевых материалов автора будут проиллюстрированы сложные межличностные и межгрупповые отношения на данной территории и показана роль администрации этой охраняемой территории в поддержании равновесия между дикой природой и хозяйственной деятельностью, а также между аборигенным населением и прибывающими мигрантами.

С.О. Ковальский
(Москва, Россия)

УГЛЕДОБЫЧА И ФРАКЦИОНАЛИЗМ В ГОРНОЙ ШОРИИ¹

Svyatoslav Kovalskiy (Moscow, Russia)
Coal mining and fractionalism in Mountainous Shoriya

С 2013 года угольная компания (УК) «Южная» начала скупать дома у жителей посёлка Казас (Мысковский округ, Кемеровская область), места компактного проживания одного из коренных малочисленных народов РФ – шорцев, в рамках расширения угледобычи

¹ Выполнено в рамках работ по проекту «"Ресурсное проклятие" на циркумполярных территориях: российский и международный опыт анализа и урегулирования конфликтов из-за невозобновляемых ресурсов в местах традиционного проживания аборигенных этнических групп» (РНФ, грант № 15-18-00112)

в регионе на основании полученной в 2011 году лицензии. Часть жителей отказалась продавать свои дома. В том же году в посёлке дома местных жителей начали гореть. Вокруг сложившейся ситуации возник конфликт, в который оказались вовлечены, помимо собственников домов и УК, администрация Мысков, различные группы из близлежащего посёлка Чувашка (тоже являющегося местом компактного проживания шорцев), политически активные лица. При этом очень скоро повестка вышла за рамки собственно судьбы посёлка Казас и его жителей, и обсуждаться стала политическая и социальная жизнь всего Мысковского муниципального образования и всех «мысковских» шорцев. Однако Казас остался центром дискуссии, вокруг которого раскручивались остальные противоречия.

Можно выделить две крупные фракции. При этом агенты противостоящих сторон описывают друг друга в терминах, схожих с доминирующим политическим дискурсом в России, в терминах власти и оппозиции. Для гражданина государства подобный вывод предстаёт чем-то самоочевидным, особенно ввиду растиражированности этой дихотомии в российском медийном пространстве. Однако логика здравого смысла не отвечает на вопрос, почему лица и группы с пусть и пересекающимися, но тем не менее разными интересами объединяются в две отчётливо различимые фракции и распознают друг друга. С одной стороны, можно утверждать, что обращение к доминирующему политическому дискурсу открывает акторам доступ к необходимым социальным, политическим и экономическим ресурсам, находящимся за пределами локальных связей. Таким образом люди, манипулируя в своих интересах элементами политического языка, воспроизводят такую модель отношений, которая существует в этом дискурсе. Не противореча этому, можно взглянуть на дискурс власти и оппозиции с другой стороны, а именно, как на структурообразующий элемент российской действительности. Политический дискурс – это не просто ресурс, к которому можно обратиться, которым можно манипулировать, но, напротив, это такой контекст, который делает необходимым, если не обязательным, обращение именно к такому политическому словарю, воспроизводству именно такой системы взаимоотношений, где положение человека определяется его лояльностью идентифицируемой «власти» или принадлежностью к идентифицируемой «оппозиции».

Данное исследование не ставит своей задачей оценить степень вовлеченности местного населения, но рассматривает высказывания

политически активных акторов, непосредственно вовлечённых в противостояние фракций. Предлагаемый взгляд можно рассматривать как рабочую гипотезу, которую можно апробировать на самом широком материале.

Ю.В. Коновалова
(Москва, Россия)

КТО ПРАВ, КТО ВИНОВАТ? ЯЗЫКИ ОПИСАНИЯ КОНФЛИКТОВ¹

Yulia Konovalova (Moscow, Russia)
Who's right, who's wrong? Languages of conflict description

Феномен "ресурсного проклятия" неразрывно связан с конфликтами. В этих конфликтах, как правило, выделяются три заинтересованные стороны: представители власти, добывающая компания и местное население. Однако зачастую эта схема гораздо сложнее, так как и среди местного населения, и среди чиновников существуют несколько обособленных групп, чьи интересы пересекаются и противоречат друг другу. Также может еще добавляться четвертая сторона, представленная международными организациями. Как правило, за помощью к международным организациям обращаются представители местного населения.

В докладе рассматривается проблема выбора языка описания конфликта, которым пользуются локальные общины и/или представители подобных общин, а также другие заинтересованные стороны. От того, какой язык описания будет выбран общиной, например, будет зависеть, сможет ли она получить какую-то поддержку со стороны международных организаций как «угнетаемое» этническое, языковое или культурное меньшинство. Также важен язык описания, которым пользуются и в региональных департаментах, управлениях, поскольку их нарратив закладывается в основу официальной государственной позиции, и в добывающих компаниях.

¹ Выполнено в рамках работ по проекту «"Ресурсное проклятие" на циркумполярных территориях: российский и международный опыт анализа и урегулирования конфликтов из-за невозобновляемых ресурсов в местах традиционного проживания аборигенных этнических групп» (РНФ, грант № 15-18-00112)

В качестве case study я обращусь к эпизоду, произошедшему в Амурской области в 2013 г., отзвуки которого слышны и по сей день, а именно к аресту главы одного из эвенкийских сел на севере региона, который был обвинен в коррупции, но сторонники которого настаивают на том, что это – клевета и что на самом деле причиной его устранения стало несогласие с намерением крупной золотодобывающей компании, работающей в этом регионе, осваивать еще одно месторождение рядом с селом, а также борьба за права эвенков. Я собираюсь посмотреть, как именно сторонники арестованного главы пытаются оправдать его и как они выстраивают диалог с международной правозащитной организацией, к которой обратились за помощью, и как они обсуждают эту ситуацию среди «своих» (меняется ли язык в этих ситуациях или нет?).

На мой взгляд, проблема выбора языка описания конфликтной ситуации – одна из ключевых, поскольку она сопряжена с легитимацией действий каждой из сторон и доказательством своей правоты.

Е.В. Миськова
(Москва, Россия)

ИССЛЕДОВАНИЯ НЕФТИ В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ СЕГОДНЯ: БИОПОЛИТИКА, ИНФРАСТРУКТУРНЫЙ МОДЕРН, РЕСУРСНОЕ ПРОКЛЯТИЕ, СВОЙСТВА РЕСУРСА И СОЦИАЛЬНОСТЬ¹

Elena Miskova (Moscow, Russia)

Oil research in the social sciences today: biopolitics, infrastructure modern, resource curse, resource properties and sociality

В докладе будет сделан обзор новейших подходов к исследованию проблемы социальных отношений вокруг добычи, присвоения и распределения невозобновляемых энергетических ресурсов, в первую очередь нефти и газа.

¹ Выполнено в рамках работ по проекту «"Ресурсное проклятие" на циркумполярных территориях: российский и международный опыт анализа и урегулирования конфликтов из-за невозобновляемых ресурсов в местах традиционного проживания аборигенных этнических групп» (РНФ, грант № 15-18-00112)

В современных исследованиях наиболее актуализированной оказывается тема соотношения свойства ресурса с формами социальности, которые выстраиваются на его основе. Этот вполне марксистский в своей основе подход имеет множество развитий и объяснительных контекстов.

Это и биополитика, которая после Мишеля Фуко стала часто употребляемым концептом, удобным для проблематизации человека как субъекта, вписанного в большие социальные подразделения. Их существование регулируется с помощью учета разных «естественных физических и объективных социологических» показателей. Так, человек исследуется как составляющая населения.

В подобном же ключе используется и понятие «инфраструктурный модерн» для анализа того, как горючие ископаемые и вырабатываемые на их основе виды энергии позволили создать не только материальную инфраструктуру для промышленного производства и определенного образа жизни современного человека, но и обуславливают доминирующий образ мысли и тип идентичности.

Довольно большое место занимает в современной антропологии исследование экономических и политических конфликтов, в основе которых лежит проблема исключения разных аборигенных групп из процесса извлечения и распределения ресурсной ренты. Антропологи наверстывают упущенное в области теории ресурсного проклятия, которой активно занимались представители социальных наук в 80-е годы XX в.

Другое важное направление исследований – анализ нефти и газа как метонимий, с помощью которых мы не просто описываем, но и организуем современность.

Многие исследователи отмечают, что вход в мир нефти и газа вызывает особое «интеллектуальное головокружение», связанное с тем, что затруднения, сомнения и неясности возникают вокруг самых базовых, казалось бы, эмпирических показателей: количество добываемой нефти и ее общие запасы, механизм ценообразования, количество нефти, поступающей на рынок, и т.п. Нефть не корреспондирует даже с обычными рыночными факторами. Нет экономической дисциплины, которая была бы успешна в отношении энергетических рынков, как нет и социальной дисциплины, успешной в исследовании взаимоотношения человека и ресурса. Под вопрос необходимо поставить саму концепцию ресурса: для кого ресурс, что за ресурс?

С помощью каких историй, природы и власти нефть может быть в значительной степени не поддающейся пониманию и одновременно объяснением всему подряд?

Может быть, секрет власти нефти кроется как раз в том, что социальные науки часто используют ее в качестве метонимии: нефть как современность, деньги, геополитика, насилие, супертovar и не в последнюю очередь метонимия самой культуры («глубины залегания» нефти и «глубочайшие пласты культуры и традиции» особенно часто переключаются в российской социологии и антропологии нефти)?

Эти и другие вопросы предлагается обсудить в докладе со ссылкой на последние зарубежные монографии и сборники статей, посвященные данной теме.

Vladislava Vladimirova
(Uppsala, Sweden)

**ENVIRONMENTAL JUSTICE AND NATURE CONSERVATION
IN RUSSIA: THE CASE OF INDIGENOUS SAMI RIGHTS
IN COMPARATIVE PERSPECTIVE**

Владислава Владимировна (Уппсала, Швеция)
**Экологическая справедливость и охрана природы в России:
пример прав саамов в сравнительной перспективе**

This paper explores how indigenous Sami people's rights to natural and cultural resources and civil participation are realized in Russia, particularly in relation to nature conservation. The analysis is based on an empirical study of the only protected area in the Kola Peninsula, Seid'javvr' Zakaznik, where indigenous cultural practices are also listed under protection. Through a short excursion into the history of nature conservation in this region of Russia, I show the novelty and embedded problems with this form of protected areas. The case of one indigenous obshchina that received land to develop reindeer herding in the area is brought up as an example of the complexities that arise when Sami people attempt to take advantage of the special rights to natural resources that the Russian legislation promises them. Broad legal formulations and the unwillingness of local clerks to cooperate with indigenous people create

hindrances to the development of indigenous economic branches, such as private reindeer herding. A comparative perspective with indigenous Sami rights and nature conservation in Sweden (more specifically the case of Lapponia World Heritage Area) will serve the purposes of distinguishing common trends and local predicaments of the process of nature conservation and indigenous people development in the Russian North.

Nathan Light
(Uppsala, Sweden)

MEMORIES AND DREAMS AS SOCIAL RESOURCES IN KYRGYZ LIFE

Натан Лайт (Уппсала, Швеция)
**Воспоминания и сновидения как социальный ресурс
(на кыргызском материале)**

This paper is part of a broader examination of Kyrgyz and Kyrgyzstani strategies for managing spatial and temporal limits and creating resources through connections across history and geography. The particular techniques or resources addressed here are memory and dreaming as ways to reimagine temporally organized experience.

Despite innovation and academic dialogue among anthropologists and historians, dominant institutional understandings of history and historical knowledge still limit academic engagement with the diverse forms of historicity and temporality found in everyday social practice. Social life involves many ways of bridging time and space through practices such as dreaming, remembering, hope, imagination, coordination and planning. But knowledge hierarchies found within academic institutions value analytic modes of connection, while downplaying other modes found in ethnographic research. In this paper I examine dream and memory practices among Kyrgyzstani villagers to understand how these contribute to the creation of flexible temporalities and historicities. While dreaming offers relatively free movement outside time and space, remembering is attached more closely to individual experience, but may be extended through social practices to include shared memories of collective experience.

In anthropology, a number of authors have considered how time (Gell, Greenhouse, Hoskins, Munn) and history (Hodges, Lambek, Palmié, Stewart) are experienced, represented and managed through social practices that coordinate, interpret and ritualize time and history. Less consideration has been given to the ways people overcome constraints of time and contingencies of historical events by organizing experiences into consistencies that shape alternative temporalities. Practices that link the times and places of lived experience involve associations based in recognition, memory, analysis and imagination: techniques such as dreaming and memory facilitate abstractions, connections and generalizations that are liberated from specificities of space and time. Reordering the world in such ways creates resources—knowledge, beliefs, insights—that are useful in guiding personal or collective decisions and actions.

This paper seeks to explore how people integrate material experience with capacities for abstracting and moving away from the specificities of experience, but this is a heuristic project that aims to understand how people think about the techniques for overcoming the constraints of time, space, and material reality. Are these dreaming and memory distinct resources for creating freedom, do people understand them as such, or is there a way that experience itself is already freed by mental processes that are part of percept and concept? How are we to explore these dimensions of physical and mental experience ethnographically?

***Панель 4 – Прикладная антропология в решении
проблем коренных малочисленных народов: вопросы
экспертизы воздействия промышленных объектов
и проектов развития***

*Panel 4 – Applied Anthropology in Addressing the Issues of
Numerically Small Indigenous Peoples: Examining the Impact
of Industrial Objects and Development Projects*

Е.С. Гольдшмидт
(Кемерово, Россия)

**МЕТОДЫ ОЦЕНКИ ВОЗДЕЙСТВИЯ СОЦИУМА
НА ПСИХИКУ И НАПРАВЛЕННОСТЬ КОРЕННЫХ
МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА**

Evgeniy Goldschmidt (Kemerovo, Russia)

**Methods of evaluating the impact of society on the psyche
and orientedness of numerically small indigenous peoples**

Для Кемеровской области, как и для многих других регионов Российской Федерации, где проживают группы коренных малочисленных народов Севера (КМНС), характерно существенное влияние промышленности и доминирующего социума на последних. Основные деструктивные факторы такого влияния – крупные масштабы промышленного производства, высокая степень концентрации предприятий, специфическая структура промышленности, включающая производство с высоким классом вредности. Промышленность Кемеровской области оказывала и продолжает оказывать существенное деструктивное воздействие как на образ жизни КМНС, так и на их культурное, нравственное, психологическое, психическое и физическое здоровье и благополучие.

Этот процесс идет как часть более общего процесса глобализации, осуществляющегося по общим законам и в едином для всех ритме. Такие процессы идут и в локальном масштабе, проецируясь в жизнь конкретной этнической группы. В условиях нестабильного этносоциокультурного пространства в современной России можно

говорить о наличии глубоких противоречий между глобализацией и этнокультурной идентичностью КМНС.

Наиболее перспективным для изучения данных процессов мне представляется этнофункциональный подход, в рамках которого поведение, состояние и особенности человека определяются в условиях современной цивилизации разнородными этническими, социокультурными, биолого-антропологическими, климато-географическими факторами. Отдельные исследования показывают, что у КМНС, как правило, наблюдается существенное этнофункциональное рассогласование элементов психики, функциональных систем, поведения, адаптивных реакций и т.д. (Сухарев 2013; Хаснулин 2009). По результатам наших исследований также выявлены признаки рассогласования у представителей различных КМНС юга Западной Сибири – тубаларов, кумандинцев, телеутов и шорцев (Гольдшмидт, Поддубиков 2016).

Для выявления действия дезинтегрирующих факторов на КМНС предлагается применять следующий комплекс подходов и методов исследования: оценку профиля и интегральной асимметрии мозга, а также силы взаимодействия полушарий, оценку интенциональной сферы и ее согласованности (Гольдшмидт, Поддубиков 2016), оценку с помощью цветовых предпочтений согласованности осознанных и неосознанных ценностных ориентаций (Бажин, Эткинд 1978). Общую согласованность всех исследуемых систем планируется оценивать с помощью термодинамического (энтропия) и синергетического (размерность, связность) подходов.

Литература

Бажин Е.Ф., Эткинд А.М. Изучение эмоционального значения цвета // Психологические методы исследования в клинике. Л., 1978.

Гольдшмидт Е.С., Поддубиков В.В. Интенциональные факторы этнопсихологического своеобразия и адаптивных возможностей малочисленных коренных народов Сибири // Вестник КемГУ. 2016. № 1 (65). С. 93–99.

Сухарев А.В. Этнофункциональный анализ психологической адаптированности коренных народов Камчатского края: чукчей, коряков и русских камчадалов // Психологический журнал. 2013. Т. 34, № 3. С. 36–50

Хаснулин В.И. Этнические особенности психофизиологии коренных жителей севера как основа выживания в экстремальных природных условиях // Проблемы сохранения здоровья в условиях Севера и Сибири // Труды по медицинской антропологии / отв. ред. В.И. Харитонов; Ин-т этнологии и антропологии

им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; НИИ медицинских проблем Севера СО РАМН. М.: ОАО «Типография "Новости"», 2009. С. 36–55.

В.В. Поддубиков

(Кемерово, Россия)

СВОЯ ЗЕМЛЯ – ЧУЖАЯ ТЕРРИТОРИЯ: СОЦИАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ЗЕМЕЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ В МЕСТАХ ТРАДИЦИОННОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ

Vladimir Poddubikov (Kemerovo, Russia)

One's own land – a foreign territory: a socio-anthropological context of land conflicts in traditional land-use areas inhabited by indigenous peoples of Southern Siberia

В докладе представлен обзор ряда кейсов развития земельных конфликтов на территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Южной Сибири – шорцев, бачатских телеутов, теленгитов, тувинцев-тоджинцев. Все случаи конфликтогенеза, разнообразные как по текущей стадии развития конфликтов, так и в отношении состава субъектов конфликтных ситуаций, рассматриваются в социально-антропологическом контексте с основным акцентом на анализе риторики, мотивации и новых форм самоопределения представителей локальных сообществ в ситуации конфликта.

В фокусе внимания автора находятся наиболее распространенные причины роста социальной напряженности в ситуациях отчуждения части используемых коренным населением земель ресурсодобывающими компаниями, особо охраняемыми природными территориями, арендаторами охотугодий и земель лесного фонда, лесозаготовительными и прочими организациями. Исследуются основные механизмы развития на этой основе социальных конфликтов и их наполнения (этно)конфликтной риторикой. Значительный интерес в этой связи представляют также мотивация представителей коренных малочисленных народов в выборе форм конфликтного дискурса, а также новые формы их идентичности и групповой консолидации,

возникающие в связи с развитием земельных конфликтов на территориях традиционного природопользования.

Данные, обобщённые в рамках доклада, были получены в процессе выполнения лабораторией этносоциальной и этноэкологической геоинформатики Кемеровского государственного университета в 2012–2016 гг. ряда кейс-стади на территории Кемеровской области, Республики Алтай и Республики Тыва при поддержке РГНФ¹, РФФИ², РНФ³, ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2019-2013 гг.»⁴.

Другая часть представляемой работы посвящена анализу зарубежного опыта редукции земельных конфликтов добывающих компаний и местных сообществ, основанного на практике предварительного изучения и прогноза возможных потерь населения в результате промышленного освоения ресурсов на землях их традиционного проживания. В докладе обобщены лучшие практики по снижению конфликтности отношений коренных народов и добывающих компаний на основе принципов социальной ответственности бизнеса и связанной с этим оценкой воздействия промышленных проектов на уязвимые группы местного населения в районах добычи ресурсов (Welker 2014); практики «справедливой торговли» (Gilberthorpe, Hilson 2014); вовлечения местных сообществ в управление предприятиями добывающего сектора.

¹ РГНФ: 13-01-18066 «е» – «Этнологическая экспертиза: исследование факторов поземельных и этносоциальных конфликтов в местах традиционного природопользования шорцев», 2013 г.; РГНФ: 13-01-00170 «а» – «Геоинформационный мониторинг уязвимых компонентов этнокультурной среды в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности коренных малочисленных этносов Алтае-Саянского региона», 2013–2015 гг.

² РФФИ: 13-06-98081 р_сибирь_а «Коренные малочисленные этносы Кемеровской области: научно-методическая модель этноэкологической экспертизы по оценке влияния производственной деятельности угледобывающих предприятий на уязвимые компоненты традиционных культур природопользования и жизнеобеспечения»; РФФИ: 16-46-420035 «Коренные малочисленные этносы Кемеровской области под воздействием угольных компаний: социальные и экологические факторы развития конфликтов в районах угледобычи в контексте мирового опыта междисциплинарных исследований и практик управления».

³ Выполнено в рамках работ по проекту «"Ресурсное проклятие" на циркумполярных территориях: российский и международный опыт анализа и урегулирования конфликтов из-за невозобновляемых ресурсов в местах традиционного проживания аборигенных этнических групп» (РНФ, грант № 15-18-00112)

⁴ ФЦП "Научные и научно-педагогические кадры инновационной России (2009–2013 гг.): Соглашение № 2012-1.2.2-12-000-3001-051 "Комплексные этносоциальные исследования систем жизнеобеспечения сообществ коренных малочисленных этносов в районах индустриального развития Западной Сибири, 2012–2013 гг.

Соотнося представленные в настоящем докладе случаи развития земельных конфликтов в районах традиционного природопользования коренных малочисленных народов в Южной Сибири с контекстом мирового опыта исследования и урегулирования подобных ситуаций, предлагается обобщённое заключение о возможности применения в рассматриваемом регионе отдельных принципов и практик редукции конфликтов, апробированных и хорошо зарекомендовавших себя в зарубежных странах.

Литература

Welker M. Enacting the Corporation: An American Mining Firm in Post-Authoritarian Indonesia. Berkeley & Los Angeles & London: University of California Press, 2014. 289 p.

Gilberthorpe E. and Hilson G. (eds.) Natural Resource Extraction and Indigenous Livelihoods: Development Challenges in an Era of Globalization. Surrey, Burlington: Ashgate Publishing Limited, 2014. 283 p.

А.П. Чемчиева
(Новосибирск, Россия)

КОРЕННЫЕ МАЛОЧИСЛЕННЫЕ НАРОДЫ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ПРОМЫШЛЕННЫМИ ПРЕДПРИЯТИЯМИ

Arzhana Chemchieva (Novosibirsk, Russia)

Numerically small indigenous peoples in the Republic of Altai: interaction with industrial enterprises

Тема взаимодействия коренных малочисленных народов с предприятиями, осуществляющими освоение природных ресурсов, является одной из самых злободневных проблем в России. Это связано как с длительным периодом пренебрежения со стороны властей интересами и потребностями коренных народов, так и правовой неурегулированностью прав коренных народов в области взаимоотношений с хозяйствующими субъектами.

В советские годы интересы коренных народов Горного Алтая, как и других коренных народов страны, практически не учитывались при промышленном освоении территорий. В этой связи кумандин-

цы, тубалары и челканцы столкнулись с уничтожением леспромхозами и рудниками кедровой тайги, обмелением и засорением рек, сокращением охотничьих угодий и истощением рыбных запасов.

Поворот государственной политики в сторону признания прав малочисленных народов произошел лишь в 1989 г. с принятием на сентябрьском Пленуме ЦК КПСС новой платформы национальной политики партии. В материалах пленума было отмечено, что промышленное освоение населяемых малочисленными народами территорий ведется без должного учета уклада их жизни, социальных и экологических последствий.

В 1990-е годы лидеры коренных народов Республики Алтай поставили вопрос об участии своих народов в принятии решений по использованию земель и природных ресурсов. Основываясь на зарубежном опыте развития коренных народов, коренные малочисленные народы Республики Алтай потребовали от хозяйствующих субъектов добывать природные ресурсы, не нанося серьезного ущерба местной природе; не вести промышленную деятельность без предварительного согласия коренных народов; отчислять часть прибыли на поддержку развития коренных народов.

Принятие на рубеже 1990–2000-х годов нескольких федеральных законов, касающихся прав коренных малочисленных народов, создало в среде коренных народов Республики Алтай атмосферу ожидания проведения в республике политики, направленной на защиту их интересов. Однако этого не произошло. В наши дни общественные организации коренных малочисленных народов Республики Алтай продолжают безуспешно бороться с массовой вырубкой кедровых лесов и расширением золотодобычи. Декларативный характер федеральных законов и отсутствие республиканского закона о коренных малочисленных народах не позволяют коренным малочисленным народам Республики Алтай на равных взаимодействовать с лесозаготовительными и золотодобывающими предприятиями.

А.Н. Ямсков
(Москва, Россия)

**ЗАДАЧИ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО ПРИКЛАДНОЙ ЭТНОЛОГИИ
В СВЕТЕ ПОДГОТОВКИ ЗАКОНА
«О РАЗВИТИИ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ»¹**

Anatoliy Yamskov (Moscow, Russia)

**Specialist tasks in applied ethnology in the light of drafting a law
“On the development of the Arctic area of the Russian Federation”**

Территории традиционного природопользования (далее – ТТП), организованные во многих регионах России в местах расселения коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, играют огромную роль в жизни представителей указанных народов, которые сохранили традиционный образ жизни и хозяйствования. Как мне доводилось ранее отмечать (Ямсков 1996; Ямсков 2015), ТТП выполняют многообразные и очень важные для коренных народов и страны в целом функции. В их числе – экологические (охрана природы на уровне экосистем и промысловых видов), социальные (обеспечение занятости коренного населения), экономические (развитие оленеводства, охоты, рыболовства, собирательства), этнокультурные (создание наилучших условий для сохранения родного языка и традиционной культуры коренных народов). Одновременно ТТП, являясь освоенными ландшафтами местных сообществ и включая в себя сакральные участки, обеспечивают духовную связь представителей коренных народов с землей предков, способствуя сохранению материальных и нематериальных объектов их культурного наследия.

В связи с продолжающейся уже много лет подготовкой Федерального Закона, который весной текущего года именовался «О развитии Арктической зоны Российской Федерации», у специалистов по прикладной этнологии и этнографии Севера, Сибири и Дальнего Востока появилась неотложная задача способствовать введению в его текст понятия «ТТП». В случае успеха это позволит распространить ТТП первоначально по всем субъектам РФ, относимым к Арк-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 15-06-02279.

тической зоне, а впоследствии даст весомый аргумент для организации ТТП во всех местах традиционного расселения и хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Последнее, на мой взгляд, можно только приветствовать в силу многих причин, учитывая отмеченную выше полифункциональность ТТП.

Если этот новый закон будет принят и включит в себя понятие «ТТП», то появится необходимость введения дополнений или исправлений в действующие федеральные законы, регламентирующие ТТП. Тогда специалистам-этнологам надо будет обратить внимание, прежде всего, на следующие две проблемы. Во-первых, определение круга возможных пользователей ТТП. Полагаю, здесь следует учесть успешный опыт Якутии по наделению правами на ТТП не только коренных малочисленных народов, но также ведущих традиционное хозяйство якутов и русских старожилов. Во-вторых, определение круга лиц и организаций, которые смогут представлять или защищать экономические и иные интересы пользователей ТТП (родовых общин, кооперативов, семейных хозяйств) в ходе переговоров или судебных тяжб с государственными органами или другими землепользователями, прежде всего горнодобывающими компаниями и т.п. Представляется, что общественные организации, в первую очередь региональные отделения Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, а также НПО, специализирующиеся на оказании юридической поддержки пользователям ТТП и проведении экологических и этнологических экспертиз, должны получить такое право.

**СИМПОЗИУМ 3. ГЕТЕРОГЕННЫЕ СООБЩЕСТВА
СОВРЕМЕННОГО МИРА: УСТОЙЧИВОСТЬ
ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ АКТОРОВ И ГЕТЕРОГЕННЫХ
СООБЩЕСТВ В НАУКЕ, ТЕХНОЛОГИЯХ
И ЗА ИХ ПРЕДЕЛАМИ**

Symposium 3. Heterogeneous Communities in the
Contemporary World: Persistence and Endurance of Human
Actors and Sustainability of Heterogeneous Communities
in Sciences, Technologies and Beyond

***Панель 1 – Актантность разного типа деятелей
в гетерогенных сообществах***

*Panel 1 – Actantness of Different Kinds of Actors
in Heterogeneous Communities*

А.С. Курленкова
(Москва, Россия)

**ЛЮДИ И ДРУГИЕ ЖИВОТНЫЕ: О СТАТУСЕ
НЕ-ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ПРИМАТОВ У Д. ХАРАУЭЙ**

Alexandra Kurlenkova (Moscow, Russia)

**People and other animals: on the status of non-human primates as
seen by Donna Haraway**

Уже несколько веков, как человек вошел в круг «сакральных объектов» западной культуры. Эмиль Дюркгейм называл это проявление современной ему социальности «культом индивида»: «Кто бы ни пытался покуситься на жизнь, свободу или честь человека, внушает нам такое же чувство ужаса, как и то, которое верующий человек испытывает, когда видит, как профанируется его идол» (Durkheim 1973: 46).

Идея «культа человека», как указывает сам классик социальных наук, имеет христианские, а также нововременные корни. Работы философов Просвещения абсолютизировали идеи «политического

равенства на почве участия всех в верховной власти», свободу мысли, слова и печати, свободу распоряжаться собственной личностью и собственностью (Мишель 2008: 55, 63, 75). Идея *человека* стала той моральной границей, дальше которой нельзя ни помыслить, ни, тем более, осуществить на практике ревизию моральных ценностей.

Однако общественные и технологические изменения второй половины XX века дестабилизировали идею *человека*. В частности, появление технологий искусственной вентиляции легких конституировало новых субъектов – пациентов со «смертью мозга», сохранявших, однако, благодаря респиратору, дыхание и сердцебиение. Концептуальный статус *людей*, чей мозг перестал функционировать, но чье сердце продолжало биться, вызвал немало жарких дискуссий. Появление и легитимация понятия «смерть мозга» исключило таких пациентов из круга *людей* и позволило отчуждать их *биологические материалы* для целей трансплантации.

Параллельно с расшатыванием категории *человека*, некоторые исследователи стали говорить о включении в круг «сакральных объектов» не только человеческих, но и не-человеческих животных. В 1975 г. в книге «Освобождение животных» Питер Сингер задался вопросом: что такого содержится в понятии *человек*, что наделяет неотчуждаемыми правами каждого живого представителя *homo sapiens* и исключает не-человеческих животных, не взирая на ментальные способности конкретных представителей разных видов? П. Сингер предлагает подумать о человекообразных обезьянах как идеальном примере, показывающем произвольность видовых категорий: исследователи, учившие приматов символическим языкам, показали, что шимпанзе, бонобо и гориллы – это думающие, самосознающие существа, способные к планированию, формирующие социальные связи с другими и имеющие богатую социальную и эмоциональную жизнь (Singer 2002: xiii). Рассказывая историю приматологии XX века, Донна Харауэй показывает, как западные люди производят истории об этих «животных третьего мира», которые одновременно являются «историями об отношениях природы и культуры, животных и человека, тела и сознания, происхождения и будущего» (Haraway 1989). Категории класса, расы, гендера и религии сближают тексты по приматологии с текстами философов Просвещения, в которых сакрализация человека и овеществление животных являются «таксономическими и *потому* политическими» феноменами.

Литература

Мишель А. Идея государства. Критический опыт истории социальных и политических теорий во Франции со времени революции. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2008.

Durkheim E. Individualism and Intellectuals. On Morality and Society / ed. and with introduction by R.N. Bellah. The University of Chicago Press, 1973. P. 43–57.

Haraway D. Primate Visions. Routledge, Chapman&Hall, Inc., 1989.

Singer P. Animal Liberation. HarperCollins Publishers, 2002.

Д.Ю. Сивков

(Волгоград, Россия)

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ И НЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ ОПЛАТЫ ПРОЕЗДА В МАРШРУТНЫХ ТАКСИ ВОЛГОГРАДА

Denis Sivkov (Volgograd, Russia)

Human and non-human infrastructures of fare in Volgograd's taxis

Этнографические наблюдения в городском общественном транспорте показывают, что существует множество практик оплаты проезда. Данное исследование выявляет некоторые переменные, определяющие способы оплаты проезда в маршрутных такси Волгограда и задействование человеческих (human) и нечеловеческих (non-human) элементов инфраструктуры.

Маршрутные такси – основной вид транспорта в городе с миллионным населением. Существует более двухсот маршрутов, ежедневно перевозящих на двух с половиной тысячах машин до трехсот тысяч пассажиров. В настоящий момент в связи с подготовкой к Чемпионату мира по футболу 2018 года разработана программа модернизации общественного транспорта Волгограда. В новой транспортной схеме города предполагается заменить маршрутные такси на более вместительные автобусы. При этом количество маршрутов и единиц подвижного состава существенно сокращается; маршруткам же оставляют периферийные маршруты.

Практики оплаты проезда в постсоветском общественном транспорте предполагают использование разнообразных способов и средств оплаты, что создает неопределенность поведенческих стра-

тегий. Например, возможен индивидуальный или групповой расчет, передача денег через несколько пассажиров водителю и сдачи в обратном направлении, оплата через валидатор с помощью электронной карты и другие высокотехнологичные устройства, передача денег кондуктору. В этом смысле оплата проезда – это своего рода делегирование полномочий персонам или вещам: водителю, кондуктору (формальному или неформальному), цепи пассажиров и т.д.

Передача платы за проезд предполагает явное или неявное задействие (enactment) человеческих и нечеловеческих инфраструктур. При этом задействие оказывается контекстуальным и ситуативным. В течение дня или поездки один и тот же пассажир может использовать совершенно различные способы оплаты в зависимости от различных факторов и контекстов.

Тесное (ни личное, ни публичное) пространство маршрутного такси создает высокую степень неопределенности в отношении имеющихся паттернов, поэтому водитель и пассажиры конструируют социальный порядок «снизу». Правила оплаты проезда изобретаются в конкретных ситуациях. Почему пассажиры предпочитают тот или иной способ оплаты? Например, действия пассажиров определяет конфигурация салона в транспортном средстве, расположение кресел и поручней, наличие пространства для перемещения и т.п. Кроме того, степень включенности пассажиров в процесс оплаты или сопротивление (избегание) коммунальной (совместной) оплате также может в значительной степени определяться такими факторами, как протяженность и зона пролегания маршрута.

А.В. Тюлюпо, В.В. Тюлюпо, С.В. Тюлюпо
(Томск, Россия)

В ПОИСКАХ ПРОПАВШЕГО (Ф)-АКТОРА

Alexey Tyulyupo, Vitaliy Tyulyupo and Svetlana Tyulyupo
(Tomsk, Russia)

In search of a missing (f)actor

Сегодня существует множество документальных подтверждений низкой приживаемости эффективных норм безопасной организации работ в отечественной практике промышленного освоения трудно-

доступных регионов. При этом большинство потенциальных оптантов предприятий нефтегазового комплекса, локализованных в этих регионах, априори воспринимают свою будущую профессию как опасную для жизни и здоровья (Саксингер и др. 2014).

В фокусе нашего внимания поведение рабочих вахтовых линейных бригад как участников неоднородных технологически насыщенных социальных процессов. Мы пытались раскрыть порядки регламентации этого поведения, разрывы, обусловленные противоречиями в этих порядках и событийность преобразования человеко-машинной общности в возникающих зазорах.

В качестве эмпирических источников, позволяющих схватить эту событийность, мы использовали тексты регламентирующих документов, актов расследования несчастных случаев и аварийных ситуаций, сообщения и видеосюжеты масс-медиа, освещающие, объясняющие или именуемые соответствующие нашей теме феномены. Методологический фрейм сделанных обобщений обеспечен возможностями акторно-сетевой теории, культурно исторической концепцией деятельности и дискурс-аналитическими подходами.

Раскрыты эффекты и проекции дезинтеграции оснований действий рабочего (как человеческого участника гетерогенной производственной общности) в производственных и непроизводственных аспектах жизнедеятельности и отношений вахтовых рабочих. В качестве основных разрывов выделены: отчуждение смысла и значения правил и норм безопасности от актуальных для рабочего потребностей и ценностных аспектов труда; множественность аспектов производственной ситуации, диссонирующих с предписаниями техники безопасности; стигматизация и дискриминация рабочего как полноценного и надёжного участника социальных отношений. Обнаружена устойчивая тенденция к исключению значимых аспектов человеческой природы рабочего-оператора из поля внимания организаторов работ, разработчиков регламентов безопасности. Так, акты расследований несчастных случаев в деталях описывают последовательность действий участников события, но безразличны к социальным и психологическим факторам, критически повышающим риск возникновения аварийной ситуации. Их спектр включает форму оплаты труда, социальный конфликт, утомление оператора, дефицит сработанности бригады. Существующий сегодня алгоритм расследования несчастных случаев практически исключает обнаружение феноменов этого рода.

Стигматизация образа вахтовика в массовом сознании как маргинального члена социума приводит к заострению множества внутренних конфликтов рабочего. Невозможность редуцировать это напряжение за счёт личностных ресурсов приводит к прорыву агрессивных и аутоагрессивных паттернов и установок рабочего в пространство человеко-машинной гетерогенной общности. Дестабилизация отношений личностной сферы, протекающая параллельно с достижением вершин операторского мастерства и адаптацией к вахтовому режиму труда, способствует развитию событий (Кривощёков и др. 2000). Тексты регламентирующих документов не адаптированы к возможностям рабочего действительно воспринимать их содержание в реальных производственных ситуациях. Тиражирование множественных паттернов потенциально аварийного производственного поведения в масс-медиа создаёт своего рода культурный эталон нормы производственного поведения.

Выдвинута гипотеза о взаимосвязи описанных тенденций с драматической историей мобилизационных и принудительных подходов в формировании трудовых ресурсов для промышленного освоения труднодоступных регионов России (Метелев 2011; Попова 2010; Михайлова 2007).

Литература

Кривощёков С.Г., Охотников С.В. Производственные миграции и здоровье человека на Севере. М.; Новосибирск: СО РАМН, 2000. 118 с.

Метелев И.С. Формы и методы формирования трудовых ресурсов Сибири и Дальнего Востока: исторический опыт и современность // Проблемы современной экономики. 2011. № 4. С. 276–280.

Михайлова С.Ю. Труд рабочей молодёжи в промышленности Марийской, Чувашской и Мордовской республик: исторические уроки, социальный опыт середины 1950–1980-х гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Чебоксары, 2007. 47 с.

Попова И.В. Организованный набор как форма привлечения населения на Европейский Север во второй половине 1940 – начале 1960-х годов // Изв. Рос-сийского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2010. № 126. С. 63–67.

Саксингер Г. [и др.] «Я ГОТОВ!»: новое поколение мобильных кадров в Российской нефтегазовой промышленности // Сибирские исторические исследования. 2014. № 4. С. 73–103.

А.А. Маляр
(Новокузнецк, Россия)

ТЕЛО ШАХТЕРА В КУЗБАССКОМ РЕГИОНЕ: СИМВОЛИЧЕСКИЙ ОБМЕН

Anna Malyar (Novokuznetsk, Russia)
The coal miner's body in the Kuzbass region: a symbolic exchange

Цель настоящего исследования – обрисовать специфический публичный дискурс, эксплицирующий и воспроизводящий в Кузбассе систему социальных отношений по поводу «аварии на шахте» – события, организующего хронотопы традиционных кузбасских нарративов. Эмпирической базой исследования послужили материалы СМИ и высказывания жителей Кузбасса, полученные в режиме интервью или письменных комментариев.

Следуя традициям изучения телесности как объекта дисциплинарного конструирования (Фуко 1999) и парадигмы современного тела как продуцента капиталистического производства (Энафф 2005: 47), мы полагаем, что ключевым объектом, организующим данный дискурс, является «тело шахтера» (семантически точнее – «тела шахтеров»), а режимом этих отношений – символический реципрокный обмен. Изменения парадигмы тела в Новое время (формирование калькируемого, фрагментируемого, комбинируемого тела либертена) позволило ему стать эквивалентным, как следствие – пригодным для экономики обмена.

Динамика объема и структуры «компенсаций» семьям погибших и пострадавших в авариях шахтёров демонстрирует генезис этого обмена. Тема «компенсаций» акцентируется в сообщениях СМИ с 2004 г., а после аварии на шахте «Ульяновская» (2007 год, 110 погибших) устанавливается новый компенсационный стандарт: единовременные выплаты в 1 млн руб. семьям погибших шахтеров, средства на улучшение жилищных условий и на обучение их детей. «Компенсация» становится унифицированной, теряет экономическую эквивалентность и приобретает почти метафизический характер дара (источники выплат теперь абстрактны, отчуждены от виновников аварии и от государственной власти: компенсацию «выплатят», семьи «получат»); сокращается время между извещением об аварии и объявлением размера компенсаций. «Компенсации» ста-

новятся демонстративно избыточными, по сути – превентивными, запуская механизм потлача (Мосс 2011: 153), что безошибочно распознаёт кузбасское сообщество: отныне оно запрещает шахтёрам быть субъектами, например, трудовыми или классовыми акторами. Притязания шахтёров или их семей, в том числе связанные с условиями или оплатой труда, артикулируются жителями как неблагодарность и жадность («выпендриваются», «зажрались»): за эти тела шахтеров уже «уплачено» предыдущими компенсациями, и регион живёт в преддверии новой неизбежной аварии-отдаривания.

С 2010 года символический обмен закрепляется новой практикой – ежегодным паломничеством жен и матерей погибших шахтеров (медиаторов обмена) в Иерусалим за счет средств угольных компаний Кузбасса.

Механизм, выявленный нами, исключает самую возможность биополитических технологий безопасности в Кузбассе и даёт веские основания для пессимизма.

Литература

Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова. М.: Ad Marginem, 1999. 477 с.

Энафф М. Маркиз де Сад. Изобретение тела либертена / пер. с фр. Н.С. Мовниной. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2005. 448 с.

Мосс М. Общества, обмен, личность / сост., пер. с фр., предисл., вступит. статья, комментарий А.Б. Гофмана. М.: КДУ, 2011. 416 с.

Е.А. Климовская
(Новокузнецк, Россия)

СТРАТЕГИИ УПРАВЛЕНИЯ МЁРТВЫМ ТЕЛОМ: ЭКСПЕРТНЫЕ ПРАКТИКИ И ДИСКУРС

Evgeniya Klimovskaya (Novokuznetsk, Russia)
Dead body control strategies: expert practices and discourse

Наше исследование разворачивается в областях социологии и антропологии тела и телесных практик и ставит задачу описания экспертного дискурс-строя о мёртвом теле.

Эмпирическая база исследования включает серию неформализованных интервью с экспертами (патологоанатомами, сотрудниками крематория, похоронного муниципального агентства), проведенных в Новокузнецке в 2016 г.

Содержание экспертного дискурса включало следующие элементы:

1. Этические высказывания: *«манипуляции (с мёртвым телом. – прим. автора) самые минимальные. Никаких таких, которые бы вредили»*) – вопросы этики часто коррелируют с этикетом, вежливостью обращения с мёртвым телом и со *смотрением* на него.

2. Эстетические высказывания, затрагивающие «красивость», презентабельность облика мёртвого тела: *«туфли желательно на низком каблучке», «макияж делается соответствующий»*. Таким образом, мёртвое тело – все еще социальный субъект, ориентированный на Другого.

3. Аксиологические высказывания, связанные с исполнением ритуалов, например, с омовением мёртвого тела, которому дают эпитеты «ритуальное», «символическое».

4. Субъектность/объектность мёртвого тела. Субъектность проговаривается как самостоятельность тела, наделение его волей, способностью действовать – стоять, ждать, идти. В крематории, например, тело с помощью специального механизма *«уезжает само»*, на чем делает акцент информант; тело не уносят, как вещь.

Объектность, напротив, акцентирует отличие мёртвого тела от живого человека, например своеобразным удивлением: *«это (мёртвое тело. – прим. автора) натурально, берут и моют»*.

5. Дискурс представления – постулирует семантику зрелищности, театральности в обращении с мёртвым телом. Номинации работников крематория: «подиум», «занавес», «ведущая» – подчеркивают зрелищность ритуала прощания, оперируя метафорой театрального спектакля.

В целом, анализ экспертных дискурсов позволил нам выделить две ключевые логики дискурса о мёртвом теле.

Во-первых, капиталистическая логика, в которой мёртвое тело выступает объектом и ресурсом *производства эквивалентного товара*, где родственники или иные собственники тела – потребители, а производители – специализированные организации или институты (морг, агентства и т.д.). Вероятно, специфические отношения этике-

та, которым подчинен дискурс патологоанатомов и работников похоронных служб, инспирированы именно этой логикой.

Символическая логика, в которой мёртвое тело выступает полем означивания (сообщением) и должно по итогам дисциплинарных манипуляций быть *представлено* Другому (например, фигуре бога или зрителям ритуала прощания). Услуга крематория «просмотр» и дискурс представления – живые примеры этой логики. Она же, вероятно, объясняет проблемность *смотрения* на уничтожение мёртвого тела и его фотографирования теми, кто нелегитимно, по мнению эксперта, занял позицию Другого.

Литература

Фуко М. Археология знания / пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2004. 345 с.

Михель Д. Власть, знание и мёртвое тело. Историко-антропологический анализ анатомических практик на западе в эпоху ранней современности // Логос. 2003. № 4–5 (29). С. 219–233.

Р.А. Чертовских
(Томск, Россия)

СУБКУЛЬТУРА КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ДЕСТРУКТИВНОСТИ

Roman Chertovskikh (Tomsk, Russia)
Subculture as a manifestation of destructiveness

Если придерживаться определения, предложенного Эрихом Фроммом, деструктивность – это «специфически человеческая страсть к абсолютному господству над другим живым существом и желание разрушать» (Фромм 1973: 10). В силу того, что описанные явления широко представлены в современном мире, введённое в оборот во второй половине XX в. определение остаётся актуальным. Но специфика проявления деструктивности неизбежно меняется.

Базой для формирования деструктивного характера Э. Фромм считает деиндивидуализацию, отказ от собственного Я ради соотнесения себя с социальной группой: «Спасаясь от экзистенциальной раздвоенности, человек идентифицирует себя со своей социальной организацией и забывает про то, что он личность» (Фромм 1973:

151). Работа «Анатомия человеческой деструктивности» была создана на основе наблюдений за индустриальным обществом, где практически каждый человек принадлежал к одной из массивных социальных групп (классу, страте, касте). Сейчас мы находимся на пороге постиндустриального общества, гораздо более атомизированного, индивидуализированного и разнородного.

Ведёт ли большая степень социальной атомизации индивидуализации к уменьшению предпосылок для формирования деструктивного характера? Очевидно, нет, это лишь увеличивает многообразие способов её проявления. Более того, распад связей, ставших для человека традиционными, может обострить экзистенциальное одиночество и чувство собственной слабости, породив стремление обрести новые социальные связи любым доступным способом.

Способом проявления злокачественной агрессии в современном обществе может быть субкультура и контркультура. При этом принадлежность к субкультуре с большой вероятностью служит целям самореализации индивида, что снижает вероятность формирования деструктивного характера.

Термин «субкультура» ввёл в оборот американский социолог Дэвид Рисменс в 1950 г. Понятие существенно эволюционировало и изменяется до сих пор, так как сам феномен субкультуры претерпевает существенные изменения. Сегодня стоит вопрос о правомерности использования термина "субкультура": в традиционном подходе к феномену подразумевается существование господствующей культуры, но современное общество настолько разнородно, что господствующую культуру выделить крайне проблематично. Мне представляется удобным и адекватным определение субкультуры, предложенное А.И. Кравченко. Исследователь определяет субкультуру как «часть общей культуры нации, в аспектах отмечающаяся или противостоящая целому, но в главных чертах согласующаяся и продолжающая культуру нации, которая получила название доминирующей культуры» (Кравченко 2001: 33). Контркультура в его трактовке – это субкультура, противостоящая господствующей культуре (Кравченко 2001: 33). Как отмечает Кравченко, иногда отделить субкультуру от контркультуры затруднительно.

По мнению А.И. Кравченко, субкультура и контркультура возникают вследствие невозможности господствующей культуры полностью охватить, упорядочить символическое пространство общества. Из постмодернистского тезиса о растущей гетерогенности совре-

менного общества и проблематичности выделения господствующей культуры следует вывод: субкультура и контркультура будут регулировать всё больше областей постоянно дробящегося социального пространства, поэтому данные общественные явления заслуживают широкого и всестороннего рассмотрения. В том числе через призму теории деструктивности Э. Фромма.

Литература

Глушкова О.М. Теоретические аспекты анализа субкультуры // Архитектон: известия вузов. 2009. № 26.

Кравченко А.И. Культурология: учеб. пособие для вузов. 2001.

Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1998.

***Панель 2 – Наука как форма жизни: антропологические вызовы
и проблема стойкости гетерогенных сообществ в науке***
*Panel 2 – Science as a Form of Life: Anthropological Challenges and the
Issue of Persistence and Endurance of Heterogeneous Communities
in Science*

А.Г. Кузнецов
(Волгоград, Россия)

**ТЕХНОНАУКА ЗА ПРЕДЕЛАМИ КРИТИКИ
И ОПРАВДАНИЯ: ОТ АГОНИСТИЧЕСКИХ ПОЛЕЙ
К ТРАЕКТОРИЯМ ПРИВЯЗАННОСТИ**

Andrey Kuznetsov (Volgograd, Russia)
**Techno-science beyond criticism and justification: from agonistic
fields to trajectories of attachment**

В конце 1970-х в «исследованиях науки и технологий» сформировалось новое направление, «исследования лабораторий», которое в дальнейшем значительно изменило развитие данной предметной области. Бруно Латур и Стив Вулгар, Карин Кнорр-Цетина, Майкл Линч и чуть позже Шэрон Трэвик впервые предприняли не историко-ретроспективное изучение научных контроверз, а антропологиче-

ское исследование актуальной повседневной деятельности ученых внутри лабораторий. Эти исследования существенно изменили представления социальных наук о том, как устроена современная наука. Концепция Латура и Вулгара, последовательно развиваемая первым автором в течение последующего десятилетия, стала одной из самых влиятельных (и вместе с тем оспариваемых) в «исследованиях науки и технологий». В рамках этого подхода наука понимается как агонистическое поле, внутри которого ученые спорят друг с другом посредством научных высказываний. Сами высказывания не только облачаются в риторическую форму, но и трудоемко производятся посредством систем записывания, зачастую оснащенных сложной техникой. Ключ к объяснению процесса научного познания лежит на пересечении практик записывания/визуализации и споров. Стратегическим локусом исследования оказываются те способы записывания или визуализации, которые меняют характер/течение споров, доказательства, которые дают одной из сторон решающее преимущество.

Научные высказывания при этом должны удовлетворять ряду критериев. Во-первых, высказывания должны произноситься ученым от имени природной сущности, а не от своего имени. Во-вторых, они должны быть не идиосинкразичны, т.е. достаточно общи, чтобы быть применимыми к целому классу ситуаций, но и не слишком общими, чтобы не быть тривиальными. В-третьих, ученый должен показать, что он говорит то же самое, что природные сущности «говорят» сами по себе. При близком рассмотрении в этом можно увидеть критерии производства высказываний в режиме критики и оправдания, описанном Люком Болтански и Лораном Тевено. Эта гипотеза имеет все основания, поскольку ряд исследователей (М. Гуггенхайм, Б. Бенатуй) указывают на глубинную близость социологии критической способности, с одной стороны, и акторно-сетевой теории, развиваемой Б. Латуром, – с другой. Наука в этой перспективе предстает в виде громадного трибунала, где высказывания проходят через жернова критики и оправдания, чтобы установить эквивалентности между ними в соответствии с порядком величия научно-технического града.

Однако известны случаи научных исследований и технологических разработок, проводившихся вне агонистического поля и как следствие в отсутствие принципа эквивалентности, характерного для режима критики и оправдания. Тем не менее эти исследования ино-

гда приводят к значительным вкладам в технoнауку. Для анализа этого режима научно-технической деятельности в докладе предлагается обратить внимание на теоретические ресурсы, предложенные Л. Болтански при исследовании режима агапе, для которого характерны наличие привязанности к объектам взаимодействия (исследования) и отсутствие подсчета, уверенности и эквивалентности.

И.Г. Поправко

Томск, Россия),

И.Х. Чалаков

(Пловдив, Болгария)

**ЛАБОРАТОРНАЯ ЖИЗНЬ 40 ЛЕТ СПУСТЯ: ЗАМЕТКИ
НА ПОЛЯХ В ХОДЕ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ГЕТЕРОГЕННЫХ ОБЩНОСТЕЙ ТОМСКИХ БИОЛОГОВ**

Irina Popravko (Tomsk, Russia) and Ivan Tchalakov (Plovdiv, Bulgaria)

**The laboratory life 40 years on: watching scientists conduct
integrated research into the Western Siberia's environment**

STS возникли в конце 1970-х годов как попытка переосмысления базисных допущений философии и эпистемологии науки на основе нового понимания деятельности ученых и ее эмпирического исследования. Был сделан прорыв, который, по словам Карин Кнопп-Цетиной, перевернул представление о научных лабораториях, которые начали восприниматься как особая форма жизни, где научные объекты не просто технически создаются, но также конструируются символически и политически, тем самым меняя глубинные структуры социального мира (Knorr Cetina 1995). Серии исследований, осуществленных в 1980–90-х гг. в рамках социологии научного знания (Коллинз, Блор, Малкей), антропологии науки (Graweek) и особенно акторно-сетевой теории (Латур, Калон, Ло), выявили ряд до сих пор неизвестных механизмов идентификации, закрепления и воспроизводства знания – языковые и риторические практики утверждения истинных и ложных научных суждений, странные сплетения когнитивных и социальных (в узком смысле слова) практик и особенно процедуры «трансляции» и конструирования социотехнических се-

тей из человеческих, не-человеческих и гибридных агентов и их стабилизацию через испытания сил и добавления новых «союзников».

За последние 30 лет результаты этих, ставших классическими, исследований были многократно тестированы, подтверждены и развиты в различных направлениях. С годами эти результаты начали применяться в социальных исследованиях медицины, информационных и коммуникационных технологий, города, в психологии, в научной и инновационной политике и т.д. В то же время шел интенсивный рост переводов корпуса классических STS текстов на практически все европейские и азиатские языки, а также рост теоретических и методологических анализов этого корпуса. Однако, наблюдая за развитием STS, у нас складывается впечатление, что после «бума» 1980-х и начала 1990-х годов все меньше проводилось исследований самой лабораторной практики. Россия является хорошим примером, где ознакомление и активный перевод этих работ начались около 15 лет назад, однако до сих пор есть только одна диссертация в области лабораторных исследований (Артюшина 2014) и несколько их применений в достаточно далеких от науки областях, таких как социология научной (и технологической) политики (включая научную и технологическую), исследования городского транспорта и другие. Очень мало подобных исследований и в странах Южной и Восточной Европы.

Как ни странно, через тридцать лет после описанного эмпирического и прагматического поворота в исследованиях наук к самим STS справедливо предъявить претензии, которые 25 лет назад сформулировал голландский социолог Жерар де Фриз относительно старой философии науки: «До сих пор философы очень мало могли сказать о технологиях, умениях и практиках. Все эти темы выпали из самого способа разделять проблемы в отношениях между субъектом и объектом, языком и миром и т.д. Чтобы понять эти новые области, нам нужно избавиться от традиционных схем формулирования вопросов – их грубой формы эпистемологии 18 века или более рафинированных форм современных "правил скептицизма"» (de Vries 1992).

Нам кажется, что есть опасность превращения STS в форму академической схоластики, где, подобно аналитическим философам 1980-х годов, студенты и преподаватели ограничиваются только разбором классических текстов, устраняя из STS самую их суть –

симбиоз теоретической и методологической работы с полевыми исследованиями научных и инженерных практик.

Критикуя релятивизм социологии научного знания, Бруно Латур говорит о «квантовом» отношении текста и реальности (языка и мира) (Latour 1988): когда мы анализируем и комментируем тексты о лабораторных практиках, «реальностью» является уже не сами лабораторные практики, а тексты о них. Иными словами, отходя от непосредственного наблюдения практики ученых и инженеров и обучая студентов только на основе прежних текстов об этих практиках, мы безвозвратно теряем что-то. Одно дело занимательно описывать на основе текстов Б. Латура или М. Калона сеть трансляций какого-то природного существа до его появления в форме таблиц и диаграмм, и совсем другое погружаться в хрупкую и нестабильную актор-сеть научного исследования: участвовать вместе с микробиологами в жару по пояс в воде в заборе проб, отслеживать их бережливое хранение, ведение записей и протоколов наблюдений и т.д. Студентам необходимо самим погружаться в поле и наблюдать за действиями ученых и инженеров через призму накопленных теорий, тем самым проверяя и «фальсифицируя» (Поппер) их. Именно в этом и состоит реальная проба сил на адекватность наших STS концептов перед лицом практик ученых.

Это не единственный аргумент: поскольку сами классики STS тоже давно не занимаются полевыми исследованиями лабораторий – оказывается, что сегодня, в 2016 году, мы строим наши представления о науке и лабораториях на данных, собранных в 1980 и начале 90-х годов 20-го столетия. Где гарантии, что мир лабораторий остался тем же самым? Как показывает одно из немногих современных исследований в этой области (Rosental 2007), за эти 25 лет в лаборатории вошли несколько поколений «умных» исследовательских приборов и инструментов, которые сами, без участия ученых, делают большие «куски» цепи трансляций по заданным алгоритмам. Массово используется GPS вместо старых ручных техник локализации места нахождения, а компьютерные симуляции и эвристические методы прогнозирования ожидаемых результатов на основе ограниченного количества данных резко ускорили процесс исследования. Отсюда вывод: наука второго десятилетия XXI века не та, которая была 30 лет назад, когда были сделаны основные открытия в области лабораторных исследований.

Это только два из целого ряда аргументов обязательного включения полевых исследований лабораторий и инженерных коллективов в программы обучения STS. Технологии, навыки и практики ученых невозможно рассматривать как тексты, т. е. как «мысли», — необходимо также включить тело, страсть и «привязанность» ученого к исследуемому им существу, молчаливое присутствие приборов и большое количество других деятелей и самого наблюдателя в картину понимания.

Литература

Артюшина А.В. Сетевые взаимодействия в условиях конкуренции за ресурсы на примере молекулярно-биологических лабораторий в России и США: дис. ... канд. социол. наук. М., 2014.

de Vries G. Wittgenstein and The Sociology of Scientific Knowledge: Consequences to a Farewell to Epistemology. Paris: Ecole des Mines, 1992.

Knorr Cetina K. Laboratory Studies: The Cultural Approach to the Study of Science // Handbook of science and technology studies / Jasanoff S. (Ed.). Los Angeles, 1995.

Latour B. The Politics of Explanation: an Alternative // Woolgar St. (ed.) Knowledge and Reflexivity, New Frontiers in the Sociology of Knowledge Sage. London, 1988. P. 155–177.

Rosental Cl. Les capitalistes de la science. Enquête sur les démonstrateurs de la Silicon Valley et de la NASA, CNRS Éditions, coll. «Société», 2007.

Traweek Sh. Beamtimes and Lifetimes, The World of High Energy Physicists, Cambridge Mass. Harvard University Press, 1988.

Л.Я. Рахманова

(Санкт-Петербург, Россия)

НЕВИДИМЫЙ ФРОНТ: ПРОБЛЕМА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ПОЛЕВЫХ УСЛОВИЯХ

Lidiya Rakhmanova (St. Petersburg, Russia)

The invisible front: the issue of research support in the field

Что происходит, когда научное исследование выходит за пределы лаборатории и кабинета ученого, — из упорядоченного пространства, в котором каждому инструменту, вещи, и даже человеку отведены свое место и своя роль? Мы постараемся проанализировать

особенности функционирования гетерогенного сообщества, состоящего из междисциплинарной команды ученых, местных жителей и людей, отвечающих за жизнеобеспечение всех участников проекта на полевом этапе работы. Эта группа людей, неожиданно оказавшаяся в эпицентре исследований, является промежуточной между сообществом ученых и группами людей, обычно «не интересующихся тем, что происходит внутри стен лаборатории», которые тем не менее, как пишет Бруно Латур, выражают «свою заинтересованность через газеты» (Латур 2002: 3). Мотивы участия этих «посредников» уникальны, а их помощь оказывает и стабилизирующий, и дестабилизирующий эффект на работу ученых.

Для изучения выбран кейс, отражающий работу полевой станции Лаборатории BioClimLand, располагающейся в пойме р. Оби в Кривошеинском районе Томской области. Понятия, применяемые в ходе анализа, связаны с категориями опыта, жизненного мира и столкновения различных миров (согласно концепции Л. Болтански и Л. Тевено). Здесь же актуальной становится тема испытания как способа очерчивания границ жизненного мира субъекта, «в который вовлечены не только люди с их телесностью, но и предметы окружающего мира, служащие опорой суждениям» (Boltanski, Thévenot 1983: 165–166).

Сочетание прагматической социологии и акторно-сетевой теории дает возможность по-новому взглянуть на взаимодействие человеческих и не-человеческих (non-human) акторов в уникальном пространстве и времени краткосрочного полевого исследования. Предлагаемый нами ракурс рассмотрения включает в себя категоризацию наблюдаемых явлений и действий акторов согласно следующим позициям:

- бюрократизированные практики жизнеобеспечения и снабжения (1) в академической среде и неформальные практики (2), «бросаящие вызов формальным правилам и правилоподобным предписаниям» (Тевено 2002: 21);

- скорость реализации проектов: (1) быстрая (характерная для повседневных практик и осуществляемая посредством неформальных связей) и (2) поэтапная (характерная для академической деятельности) или (2а) «застревающая» (при наличии препятствий со стороны административных инстанций);

- легальные и нелегальные практики, связанные с природопользованием, юридическими процедурами, лицензированием деятельности (промышленной и научно-исследовательской);

– представления об (1) «истинном» (научном/аргументированном и эмпирически доказанном) знании и (2) «ложном» знании (легенды, фантазии) с позиции ученых и местных жителей, а также статус мифа (2а) в гетерогенном сообществе;

– оппозиция научной и обыденной компетенции: два подхода к познанию природной реальности. Принцип науки (1): взять характерную частицу, зафиксировать процесс и перенести в лабораторию – изучить его структуру, состав, свойства. Принцип «жизни» (2): «взять» (изъять) элементы реальности (природы) в больших объемах, не выделяя характерного, но определяя качество.

В представляемом кейсе позиция акторов зачастую определяется именно через различие двух стратегий: изучение реальности и «захват» реальности.

Литература

Латур Б. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир // Логос. 2002. № 5–6 (35). С. 1–32.

Тевено Л. Организованная комплексность: нормы координации и структура экономических преобразований // Экономическая социология: новые подходы к институциональному и сетевому анализу / под ред. В.В. Радаева. М., 2002. С. 19–46.

Boltanski L., Thévenot L. Finding one's way in social space: A study based on games // Social Science Information. 1983. Vol. 22. No. 4–5.

И.О. Гайчук, Е.В. Бочарова

(Москва, Россия)

КАК, ВЫ ГОВОРИТЕ, ЭТО ДЕЛАЕТСЯ? ТРИ «КАК» В ИССЛЕДОВАНИИ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

Inna Gaiciuc and Evgeniya Bocharova (Moscow Russia)

**How do you say you do it? The three 'hows' in studying science
and technology**

- Как рождаются научные факты?
- Как «реальность» трансформируется в таблицы и диаграммы?
- Как научное знание приобретает мобильность?

Вот те несколько вопросов, ответы на которые мы попробовали найти в рамках полевого исследования. В работе мы рассмотрели процессы конструирования научного факта, обратившись к концепциям Б. Латура и Ж.-Ф. Лиотара. В рамках этих концепций первый указывает на тождественность знания процессу его формирования, а второй делает выводы о наличии многоступенчатой системы. На базе полевой работы в научно-исследовательском стационаре Кайбасово (Кривошеинский район Томской области) мы проанализировали, как происходит замещение полноты природного мира двумерными описаниями, какие факторы влияют на работу ученых-почвоведов, как используемые технические устройства влияют на результаты их научной деятельности. Кроме того, мы попробовали оценить корреляцию между навыками владения гаджетами и условиями успешной социально-экономической интеграции. В рамках акторно-сетевой теории мы попытались разобраться с понятием мобильности, ответив на вопросы: как формируется мобильность научного знания и какова её роль в современном мире.

А.В. Воронков, А.А. Соловьева
(Москва, Россия)

ПРАКТИКИ КОНСТРУИРОВАНИЯ РАСТИТЕЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ

Aleksey Voronkov and Anna Solovyeva (Moscow, Russia)
Practices of constructing plant communities

В системе научного знания о растениях существует область, получившая в разных академических традициях название геоботаники, растительной экологии, фитоценологии или фитосоциологии. Под всеми этими наименованиями кроется корпус научного знания не об отдельных видах растений, как в случае «классической» ботаники, а о фитоценозах, т.е. образуемых растениями сообществах. В отечественной науке такое растительное сообщество традиционно определяется как «устойчивая система совместно существующих на некотором участке земной поверхности автотрофных и гетеротрофных организмов (биоты) и созданной ими и их предшественниками фитоценотической среды» (Быков 1978).

Однако в настоящее время концепция фитоценоза является предметом обсуждений среди теоретиков данной дисциплины. Так, одним из фундаментальных является вопрос о том, на каких основаниях можно в принципе выделять растительные сообщества: с одной стороны, растительный покров Земли можно представить как дискретное «лоскутное одеяло», а с другой – считать непрерывным континуумом (Баркман 1989). Неоднозначность ответа на этот вопрос исходит из того факта, что растительное сообщество определяется геоботаниками, прежде всего, на основе его видовой гомогенности, поскольку именно за счет определенного видового состава и достигается устойчивость фитоценоза как системы. Однако соседние растительные сообщества, как правило, содержат похожие виды, определяющие характеристики сообществ, и проведение четких границ между ними часто невозможно. Поэтому современные теоретики, говоря о растительных сообществах, признают континуум как фундаментальное свойство растительного покрова, однако при этом говорят о его структурированной гетерогенности, внутри которой наблюдается гомогенность, позволяющая выделять фитоценозы, – растительное пространство понимается как квантованное (Ипатов 2013).

Альтернатива «традиционной» эпистемологии была предложена в рамках эмпирических социальных исследований науки и технологий: вместо того, чтобы вырабатывать аксиоматику дисциплины в рамках философской дискуссии, было предложено наблюдать непосредственно за работой ученых. Основой для такого шага стало предположение о том, что научное знание является не результатом открытия предшествующей реальности, а конструктом, который формируется путем активной работы ученых, применяющих для создания научных объектов особые практики (Ло 2015). С такой точки зрения, характеристика растительного покрова и природа фитоценозов задаются не ими самими как частью реальности, а создаются непосредственно практиками ученых. Как геоботаники создают сообщества растений, какими характеристиками эти сообщества обладают?

Для ответа на эти вопросы именно с обозначенной выше позиции было проведено наблюдение за исследователями Лаборатории BioClimLand, составлявшими геоботаническое описание поймы р. Обь в Кривошеинском районе Томской области в июле 2016 года.

Так, в представленном исследовании рассматриваются практики конструирования растительных сообществ, включающие несколько взаимосвязанных и взаимодополняющих составляющих.

Из полученного в ходе исследования описания следует, что, несмотря на то, что в теоретической геоботанике сложилось представление о растительном покрове как непрерывном континууме, геоботанические объекты, такие как растительный покров поймы Оби, являются дискретными. При этом дискретность объекта является неизбежной для нескольких геоботаников, которые пытаются описать растительные сообщества на значительной территории. В свою очередь, дискретный объект в дальнейшем становится континуальным благодаря практикам репрезентации и экстраполяции результатов, собранных в поле, на всю площадь поймы при помощи профиля, точек, доминантов и масштаба спутниковых карт. В этом свете становится актуальным вопрос о том, что из теоретически континуального растительного покрова остается за рамками репрезентации.

Литература

Баркман Н. Современные представления о непрерывности и дискретности растительного покрова и природе растительных сообществ в фитосоциологической школе Браун-Бланке // Ботанический журнал. 1989. № 74 (11). С. 1545–1551.

Быков Б.А. Геоботаника. Алма-Ата: Наука, 1978.

Ипатов В.С. Вновь о понятии «фитоценоз» // Ботанический журнал. 2013. № 98 (4). С. 481–486.

Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015.

В.В. Соловьев, Я.К. Мачкасова

(Томск, Россия)

СТАБИЛЬНОСТЬ ГЕТЕРОГЕННЫХ СЕТЕЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО СТАЦИОНА КАЙБАСОВО

Valentin Solovyev and Yana Machkasova (Tomsk, Russia)
The Kaybasovo stationary laboratory's heterogeneous networks

Любой актор, независимо от того, является он персоной или объектом/группой объектов, имеет одинаковую значимость для сети.

Следовательно, стабильная работа сети может быть обеспечена лишь постоянной ровной работой всех акторов сети, а выход из строя одного из акторов данной сети может стать причиной нарушения порядка.

Наша цель – анализ взаимозависимости и взаимовлияния каждого актора гетерогенного сообщества, который будет произведен на примере работы научно-исследовательского стационара Кайбасово лаборатории BioClimLand, располагающейся в пойме р. Оби в Кривошеинском районе Томской области.

Сеть, наблюдаемая нами в кейсе лаборатории BioClimLand, включала в себя следующих акторов:

- Ученые и группы ученых-исследователей, изучающие пойму реки Обь (аллювиальные отложения, почву, водные ресурсы и растения). Данные, полученные ими в результате наблюдений и опытов, в процессе последующей работы сопоставляются с данными их коллег. Несоблюдение данного условия существенно затрудняет построение полной картины состояния поймы р. Оби;

- Техническое оборудование. «Общество сконструировано из деятельности людей (humans) и не-людей (non-humans), которые остаются в равной степени активными и были переведены, ассоциированы и связаны друг с другом в различные конфигурации» (Callon, 2001: 62). Неразрывная связь, о которой говорится выше, может быть проиллюстрирована на примере работы почвоведов и тахеометра – геодезического инструмента для измерения расстояний, горизонтальных и вертикальных углов. Неисправная работа этой техники может привести к получению ложной информации (в частности, к неверным цифрам), что непременно отразится на дальнейшем исследовании. С другой стороны, при помощи усовершенствованной техники ученый может перевести полученную им информацию в схемы, графики и таблицы, которые он впоследствии также подвергнет обработке, но уже в более комфортных для него условиях;

- Погодные условия. Например: размыв дороги, являющийся следствием сильных и достаточно продолжительных дождей, может стать немалым препятствием на пути к науке, ведь “точка” (т.е. место, где ученые (почвоведы и ботаники) занимаются сбором данных (по почве и растениям)) находится на значительном удалении от лаборатории. Соответственно, чтобы добраться до нужного места, необходима специальная техника. Налицо как вторжение природного актора в научную деятельность, так и помехи, им создаваемые;

- Общение участников гетерогенного сообщества между собой и условия жизни исследователей в полевых условиях, напрямую влияющие на качество проводимых исследований.

Литература

Callon M. Actor-network theory // International Encyclopedia of Social & Behavioral Studies. Elsevier Science Ltd., 2001. P. 62–66.

Е.П. Неменко
(Екатеринбург, Россия)

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ ЗА ПРЕДЕЛАМИ УНИВЕРСИТЕТА: РОЛЬ ДРУЖЕСКИХ УЗ И НОВЫЕ ТИПЫ СОВМЕЩНОСТИ¹

Ekaterina Nemenko (Yekaterinburg, Russia)

Provincial intellectuals outside university: the role of friendships and new types of togetherness

В своем ответе на статью Михаила Соколова «Социология как чудо. Процесс sense-building в одной академической дисциплине» Виктор Вахштайн (Вахштайн 2015: 73) предлагает различать два способа социальной организации современной российской социологии: по типу клубов и по типу салонов. К первому типу он относит герметичное и элитарное сообщество питерских социологов, которые пишут о «социологии для других социологов». Ко второму типу принадлежит он сам и его московские коллеги, чьей повседневной проблемой становится переход между мирами науки, политики, медиа и бизнеса, когда необходимо отвечать на вопросы о социальном за пределами университета. В нашей статье мы предлагаем обратить внимание на такой тип социальной организации научного сообщества, в котором ни профессиональных ресурсов, ни ресурсов публичности не хватает для того, чтобы ученые продолжали заниматься наукой. Современные интеллектуальные профессии в провинциаль-

¹ Тезисы подготовлены при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук МК-8742.2016.6.

ных университетах, которые Пьер Бурдьё расположил бы в автономном полюсе поля интеллектуального производства, как кажется, сегодня имеют очень слабые основания для собственного воспроизводства: их «отношения с истиной» скомпрометированы, доверие к ним со стороны общества, государства и бизнеса подорвано.

Тем не менее интеллектуальные сообщества продолжают существовать, но организация их коллективного бытия изменилась. Оставаясь формально членами профессиональной корпорации университетских ученых, в своих неформальных практиках интеллектуалы реализуют те аспекты своей идентичности, которые они не могут удовлетворить в качестве профессионалов. Ученые-гуманитарии пополняют ряды более сплоченных художественных коллективов, религиозных групп, сообществ тренеров личностного роста и коучей, политических и общественных движений. Как представляется, исключенность ученых-гуманитариев из публичной дискуссии в первые постсоветские годы и слабый корпоративный дух советской провинциальной гуманитарной науки компенсировались развитием практик неформального дружеского общения в кругу «своих» и участием в альтернативных неакадемических сообществах. Опираясь на закономерности и признаки, описанные в коллективном исследовании российской дружбы (Дружба... 2009), мы попытались обнаружить специфические проявления дружеских связей в современных провинциальных сообществах интеллектуалов за пределами университета. Для этого нами был использован метод глубинных интервью современных ученых-гуманитариев (философов, социологов, историков) г. Екатеринбурга. Предмет анализа – отношения между агентами интеллектуальной деятельности, которые могут быть описаны в дискурсе «творческой дружбы»: повседневные ритуализированные практики, воспроизводящие отношения интеллектуального производства, оценивания и продвижения интеллектуального продукта, а также практики неформального общения на темы научных интересов за пределами автономного поля науки. Цель исследования – выявить символический ресурс и функционал дружеских сетей научных сообществ в условиях кризиса легитимности научного знания, описать новые типы совместности, которые формируются на основании дружеских связей за пределами университета.

Литература

Вахшайн В. Салоны и клубы. Ответ Михаилу Соколову // Социология власти. 2015. Т. 27. № 3. С. 73.

Дружба: очерки по теории практик: сб. ст. / науч. ред. О.В. Хархордин. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2009.

Панель 3 – Воображаемое, неопределенность и научно-техническая политика в незападном мире *Panel 3 – Imaginary, Uncertainty and Politics in Non-Western World Science and Technology*

Е.В. Попова
(Томск, Россия)

ПЕРЕПЛЕТЕНИЕ ПРОШЛОГО И БУДУЩЕГО В ОЖИДАНИЯХ И БИЗНЕС-СТРАТЕГИЯХ ДИРЕКТОРОВ РОССИЙСКИХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ КОМПАНИЙ

Evgeniya Popova (Tomsk, Russia)

The interlacement of the past and the future in expectations and business strategies of Russian technological companies' directors

В данной презентации мы предлагаем эмпирические наблюдения, которые могут пролить свет на контекст, в котором медицинские технологии в России проектируются, и процессы разработки бизнес-стратегий, которые формируются вокруг них. В ситуации неопределенности правил игры и неопределенности результатов разработок что становится основой для практик и чем определяется поведение в нетипичных случаях? Здесь на помощь могут прийти концепты воображения, разработанного антропологами и исследователями STS, а также концепт ожиданий, который популярен у социологов и экономистов. Воображение – сложный концепт, который вовлекает как видение, мечты, так и фантазии, при этом сохраняя присущие ему телесные, культурные и исторические ресурсы (Suchman & Bishop 2000: 327). Концепт воображения, путешествуя из STS в подходе конструирования технологий (Bucciarelli 1994;

Bijker 1995) и антропологии культуры (Marcus 1995), становится все более популярным термином для анализа инновационных процессов (Gregory 2003; Suchman & Bishop 2000; Fujimura 2003). Как меняется концепт при включении в рассмотрение политики и неопределенности? Первые истории ответа на вопрос о политике и воображении появились лишь недавно (Jasanoff, Kim 2015).

Исследование включало 34 интервью, анализ сайтов компаний и нормативов, отвечающих за инновационную политику РФ.

По результатам исследования можно сказать, что анализ действия в терминах воображения дает возможность понять различные изменения, кроме того, оно становится инструментом анализа масштабных процессов, в которых сохраняется связь с обычными людьми. Воображение должно становиться основой инновационного развития, особенно в ситуации, когда неопределенность высока настолько, что способна остановить любое действие, продиктованное рацией. Однако, за исключением самых успешных случаев, большинство стратегий предпринимателей не предусматривают выход за пределы, обозначенные настоящей ситуацией. Нет воображения, будущего в проекте. Они рассматривают только очевидных партнеров (реальных, работающих в разработке и распространении технологии, или болезнь, как ее прописывают медики, редко включая иные подходы). Это не дает возможностей формировать действительно новые технологии, а не аналоги уже существующих, направленных на решение уже известных проблем.

Второе, что стоит отметить, это отношения конкуренции. Экономического измерения в историях не появляется. Воображаемое пространство ограничивается только отношениями компании к политике или выходу за границу. Вследствие этого важным для разработки и продажи технологий оказывается формирование плотных связей с лицами, принимающими решения. Предприниматели отметили, что те, кто формирует слишком сильные отношения – с профессионалами в сфере здравоохранения, лицами, принимающими решения о закупках, – получают много денег и значительно меньше вкладывают в разработку технологии и в отрасль здравоохранения. Они доминируют при выборе новых разработок.

Литература

Bijker W. Of bicycles, bakelites, and bulbs: Toward a theory of sociotechnical change. Cambridge, MA: MIT Press, 1995.

Bucciarelli L.L. Designing Engineers [Inside Technology series]. Cambridge, MA: MIT Press, 1994.

Fujimura J. Future Imaginaries, Genome Scientists as Sociocultural Entrepreneurs // A.H. Goodman, D. Heath & S.M. Lindee (eds.), *Genetic Nature! Culture*. Los Angeles, CA: University of California Press, 2003. P. 176–199.

Gregory Judith, Sampsa Hyysalo & Jonna Kangasojä (2003) 'Imaginaries at Work: Conceptualizing Technology Beyond Individual Projects', Paper presented at the 624 Social Studies of Science 36/4 Annual Meeting of the Society for Social Studies of Science, Atlanta, GA (16–18 October).

Jasanoff S., Kim S.-H. (eds.). *Dreamscapes of Modernity: Sociotechnical Imaginaries and the Fabrication of Power*. University of Chicago Press, 2015.

Marcus G.E. (ed.) *Technoscientific Imaginaries: Conversations, Profiles, and Memoirs*. Chicago: University of Chicago Press, 1995.

Suchman L., Bishop L. Problematizing 'Innovation' as a Critical Project // *Technology Analysis & Strategic Management*. 2000. Vol. 12. № 3. P. 327–333.

Л.А. Торлопова

(Томск, Россия)

РАЗМЫВАЮЩИЕСЯ ГРАНИЦЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ИНВАЛИДНОСТИ: МЕДИЦИНСКАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ФИЛОСОФСКАЯ РАБОТА

Lyubov Torlopova (Tomsk, Russia)

The blurred boundaries of the definition of disability: medical, political and philosophical work

Современный стратегический контекст решения значимых гуманитарных проблем в области здоровья представляет собой «новую европейскую политику здравоохранения — Здоровье-2020» (Kickbusch & Gleicher 2012: XV). Эта политика включает в себя новационные подходы к управлению, которые значимы не только для целей улучшения здоровья населения, но и для улучшения благополучия людей с нарушениями здоровья и инвалидностью. В ответ на вызовы стремительно меняющейся современности теоретические подходы «стратегического руководства в интересах здоровья»

(Kickbusch & Gleicher 2012: 4) и «здоровья во всех стратегиях»¹ (Kickbusch & Gleicher 2014: 65) подчёркивают межсекторальную природу проблем и решений в области здоровья и предлагают включать в её обсуждение гетерогенных акторов. Но в России сохраняются претензии медицины и политики на доминирование в области определения границ инвалидности. В силу причин, связанных с идеологией (не показывать международной общественности реальные цифры инвалидности), с экономикой (экономить на помощи инвалидам) и др., оказывается трудно учесть голоса появляющихся акторов на фоне влияния политики и медицины в решении поставленного вопроса. Меры для этого, конечно, принимаются. Они касаются как отдельно нашей страны, так и рассматриваются в качестве приоритетных на международном уровне. Например, в 2006 году ООН принята «Конвенция о правах инвалидов», а в 2012 она ратифицирована в России для создания дополнительных гарантий прав инвалидов и стратегии совершенствования сферы социальной защиты этой уязвимой группы. Кроме неравенства голосов в формирующейся сети, акторы, выстраивающие инфраструктуру для благополучия жизни людей с инвалидностью, сталкиваются с рядом сложностей. Их основание лежит в многофакторности влияющих предпосылок, среди которых: киборгизация тела (новые технологии протезирования), инновации в сфере биотехнологий и фармацевтики, глобальные изменения условий жизни и др. Эта многогранность ведёт к неопределённости: границы инвалидности тела и разума человека размываются.

Кто будет принимать решение в условиях указанной неопределённости? Медицина? Политика? Ответ на этот вопрос зависит, в свою очередь, от определения самого *понятия* «инвалидность». Работа с понятиями относится к области философии, которая по своей специфике обращена к методологическим основаниям любой социальной сферы. Медицина и политика, решая узкопрофильные вопросы, не могут выйти на уровень их осмысления в фундаментальных основаниях. Философия же обладает именно этой прерогативой. Обращение же к философским проблемам инвалидности, в первую очередь, ведёт к методологии, связанной с проблемой нетипичности вообще (Ярская-Смирнова 1997: 8), в том числе нетипичности тела и разума. Что есть нетипичное тело (телесная инвалидность) и нети-

¹ “Health in All Policies”

пичный разум (безумие или душевное заболевание)? Философские ответы на эти вопросы являются базисными для решения и медицинской, и политической проблематики.

Таким образом, на примере кейса изменяющейся государственной структуры, направленной на решение проблем инвалидности в России, рассматривается со-действие научно-практической медицины и социально-политических процессов сквозь призму философских оснований инвалидности.

Литература

Ярская-Смирнова Е.Р. Социокультурный анализ нетипичности. Саратов: СГТУ, 1997. 100 с.

Kickbusch I., Gleicher G. Стратегическое руководство в интересах здоровья в XXI веке [Governance for health in the 21st century]. Всемирная организация здравоохранения, 2014. 135 с.

Kickbusch I., Gleicher G. Smart governance for health and well-being: the evidence. World Health Organization, 2014. 160 p.

Д.В. Галкин
(Томск, Россия)

ЭВОЛЮЦИЯ ОТ КУТЮР: НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ИСКУССТВА, НАУКИ И ТЕХНИКИ

Dmitriy Galkin (Tomsk, Russia)

Evolution haute couture: at the crossroads of art, science, and technology

Сотрудничество учёных и художников в рамках Art & Science (или Science Art) демонстрирует не только пример и разнообразные кейсы гетерогенных сообществ в научной сфере, но формирует отдельную ветвь визионерских и критических исследований науки. Они затрагивают самые разнообразные области научного знания: от биологии/life science до астрофизики, от когнитивной науки до органической химии. В докладе будет сделан акцент на сотрудничестве ученых и художников в области техно-биологического искусства и моделирования эволюционных процессов.

С точки зрения этнографического подхода особый интерес представляет та новая форма лабораторной науки-искусства, которая возникает в подобных междисциплинарных взаимодействиях, поскольку художник и его проект осуществляются в условиях реальной работы научной лаборатории. Как и для чего становится возможным сотрудничество ученых, занятых производством знания с прибавленной пользой, 'одержимых' истиной и доказательством ради преуспевания своей «научной банды», и художников, сражающихся за чистоту искусства и художественную ценность, упивающихся свободой языка и отстаивающих интересы «арт-тусовки»?

С одной стороны, в истории искусства XX века мы находим вполне оригинальные коллаборации художников, ученых и инженеров, вроде проекта 'Е.А.Т.' Билла Клювера или исторической выставки «Кибернетическая прозорливость» Яси Рейхард. Однако в современном контексте возникают более масштабные институциональные форматы: университетские программы, специализированные культурные центры, различные сетевые платформы. В докладе будут рассмотрены кейсы подобных коллабораций на базе университетских и других институциональных платформ, включая междисциплинарные программы, а также их значение как для развития научного знания, так и для культурного производства. В частности, речь пойдет о лаборатории SymbioticA (Университет Западной Австралии), программе Art & Science Политехнического музея (Москва), университетских арт-резиденциях (МИТ).

Среди главных критических вопросов данного доклада следующие: 1. На каком уровне и в каком масштабе определяется гетерогенность подобных сообществ в научной сфере, когда даже в классической теории интеллигенции, как и в теории креативного класса, ученые и художники принадлежат относительно гомогенным общностям? 2. Почему в западном контексте активное развитие в области Art & Science неразрывно связано с передовыми направлениями развития науки и технологических разработок, тогда как в постсоветском контексте подобные гетерогенные форматы находятся в зачаточном состоянии? Являются подобные гетерогенные сообщества важным триггером формирования и социализации научного знания через инновации и критическое осмысление?

***Панель 4 – Семантические и семиотические проблемы
изучения гетерогенных сообществ***

***Panel 4 – Semantic and Semiotic Issues in Researching
Heterogeneous Communities***

С.В. Пирогов
(Томск, Россия)

**ГОРОД И ТЕХНИКА
КАК АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ**

Sergey Pirogov (Tomsk, Russia)
Technology and the city as anthropological projects

В литературе неоднократно указывалось на изоморфизм городских и технических систем, например, на то, что как морфологическая структура, так и тип города менялись вслед за изменением техники: строительной, транспортной, военной (Глазычев 2008). Конгруэнтность городских и технических систем обусловлена тем, что они есть вещное воплощение некоторого идеального проекта жизни, социокультурной программы. Проектным основанием города и техники является совокупность представлений об определённом мироустройстве, некотором идеальном порядке. Проект как когнитивная конструкция возможной жизни может существовать в разных формах самосознания человека: мифологической, сциентистской, идеологической и виртуальной – в форме имиджа. Проект из символической формы в процессе деятельности человека превращается в вещи, в систему вещей. Вещи хранят символическое содержание проекта и являются своеобразным каркасом социальных отношений, потому что отношения возникают в том числе и по поводу вещей, и посредством вещей.

Вещь – опредмеченный опыт поведения, поэтому она имеет биографию – качественную определённую для того, кто этой вещью пользуется. В то же время вещь активна по отношению к человеку. Употребление вещи формирует модель поведения, и в этом плане вещи имеют свою логику. Вещь – артефакт, наделённый смыслом и благодаря этому оказывающий влияние на поведение людей.

Вслед за М. Мерло-Понти мы «понимаем вещь так же, как понимаем новое поведение, то есть не благодаря интеллектуальному усилию, стремящемуся установить место объекта в какой-либо рубрике, а принимая на свой счёт тот способ существования, который очерчивают перед нами доступные наблюдению знаки. Поведение намечает определённый способ трактовки мира» (Мерло-Понти 1999: 410). Эта традиция понимания вещей как интенциональных предметов находит своё развитие в социологии знания, когда объект понимается как интерференция материальных и идеальных структур практики: «Можно сказать, что объекты познания структурируют желание, или обеспечивают развитие структуры желаемого» (Кнорр-Цеттина 2006: 285).

Социологический анализ системы вещей направлен на экспликацию их проектного смысла и выявление «логики вещей» – анализ того, как вещи формируют модель поведения. На основе типологии вещи как типологии проекта реальности можно построить типологию городов, для которых характерны различные типы техники. Речь идёт о логике поведения и взаимодействия, характерных для доиндустриальной, индустриальной и постиндустриальной техники.

Город и техника – вещное воплощение социокультурных проектов личности и отношений, а вещи – место встречи материальных и идеальных структур совместной практической деятельности людей.

Литература

- Глазычев В.Л. Урбанистика. М., 2008.
Кнорр-Цеттина К. Социальность и объекты. Социальные отношения в постсоциальных обществах знания // Социология вещей. М., 2006. С. 267–306.
Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб., 1999.

М.С. Кучерявая
(Москва, Россия)

ВИЗУАЛЬНОЕ И ТЕКСТ В АНТРОПОЛОГИИ: К ПРОБЛЕМЕ ЯЗЫКА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

Maria Kucheryavaya (Moscow, Russia)
**The visual and the text in anthropology: towards the issue of
a language of conceptualization**

Одной из проблем в поле социологического подхода к исследованию науки и техники, осуществляемого в рамках STS, является влияние языка визуального искусства на научный метод. Схожая проблематика наблюдается в области антропологии. Появление новых технологий позволяет расширить взор человека и переместиться в плоскость другого видения (видения техники). Перспектива взгляда камеры раньше была технически невозможна. Теперь же возможна даже микросъёмка, позволяющая перемещаться между различными уровнями доступной реальности, показывая образующиеся сети, в которых функционируют акторы. С внедрением кинематографических элементов в антропологии возникает ряд концептуальных вопросов, призывающих осмыслить роль визуального как способа мысли. Может ли визуальное быть формой исследования, а не только иллюстрацией?

Актуальность теме добавляет медленное становление VSTS (Visual STS), занимающейся внедрением практик фото- и видеосъёмки из визуальной антропологии в качестве дополнительного инструмента. В числе учёных, лично испробовавших визуализацию как метод и способ научного познания, числится Питер Гэлисон, известный по своей совместной с Лоран Дэстон работе «Объективность». Гэлисон при содействии Роба Мосса снял фильм под названием «Secrecy», раскрывающий структуру государственной секретности. Особенно важен здесь был момент запечатления невидимого процесса видимым методом, придающий исследованию определённую методологическую трудность (Galison 2014: 215).

Интересующая меня проблема – это проблема транспонирования исследовательского языка. И фильмы, и тексты создают свои модели реальности, конструируют описательные схемы. Тексты представляют свои концептуальные модели благодаря определённым семан-

тическим единицам. Визуальное же описывает объект благодаря набору чётких образов. Как возможно перевести текстовые языковые коды антропологов в язык визуального так, чтобы оно тем не менее оставалось формой исследования? Какие трансформации претерпевают концепты в результате перехода? Что отличает визуальную форму исследования? Другими словами, внимание нужно уделить не фильмам об антропологии, а антропологическим фильмам (MacDougall 1997: 287).

Сам Питер Гэлисон пишет, что визуальное изображение может быть использовано в качестве весомого научного аргумента, будь то фотография, фильм или диаграмма. Кроме того, визуальный материал является и источником данных для научного исследования, поставляя наглядный материал для анализа (Galison 2014: 198). Тем самым визуализации делегируются функции как познающего, так и познаваемого. Однако визуальной антропологии необходимо пересобрать свою теоретическую рамку, поскольку визуальное становится только сопровождением, иллюстрацией. Более полное использование возможностей визуального позволит внести существенные дополнения в то, как антропологи определяют свой способ знания, категории которого должны быть серьёзно переосмыслены в их отношениях с наукой и способами репрезентации через фильмы, видео и фотографии.

Через сравнение антропологических текстов и фильмов я намерена показать, как исследовательский язык проявляется в различных форматах дознания и как смещаются концептуальные границы антропологии. Будут затронуты работы Маргарет Мид, Эррола Морриса, Дэвида Макдугала, Питера Гэлисона, Жана Руша.

Литература

- Daston L.J., Galison P.* Objectivity. New York: Zone Books, 2007.
- MacDougall D.* The visual in anthropology // *Rethinking visual anthropology* / Edited by Marcus Banks, Howard Morphy. New Haven; London: Yale University Press, 1997. P. 276–295.
- Galison P.* Visual STS // *Visualization in the Age of Computerization*. New York: Routledge, 2014. P. 197–225.

А.Н. Смолина
(Волгоград, Россия)

НАРРАТИВ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ КАК НОВАЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ КОНСТРУКЦИЯ

Anastasia Smolina (Volgograd, Russia)
Narrative in social media as a new anthropological construction

В современную «эпоху идентичности» само понимание идентичности и ее описание трансформируются. Теперь это не целостность (Эриксон 1995), не статичный «внутренний стержень личности», который может испытывать «кризис», а нечто динамичное: процесс идентификации, «съемная идентичность» и прочие виды неопределенностей, о которых в том или ином ключе писали З. Бауман (2002), П. Бурдьё (2002), М. Кастельс (2000), У. Бек (2001), Ch. Lasch (1985), Э. Хобсбаум, J. Friedman (1994), Ф. Барт, С. Хэлл.

Идентичность современного человека во многом определяется, осознается окружающими (а часто и им самим) и описывается через аккаунты в социальных сетях (social media). Аккаунт в социальной сети представляет собой сочетание индивидуальной и общественной событийно-новостной ленты, которая выступает для внешнего наблюдателя как нарратив идентичности. Только, в отличие от прежней антропологической модели взаимодействия идентичности и «референтного сообщества», таких сообществ, т.е. аккаунтов, множество: человек может вести их параллельно и одновременно, разделяя по специализациям (личный/профессиональный аккаунт) или «субличностям» (я-бунтарь/я-мудрец), или они могут чередоваться во времени. Тем самым идентичность воплощается и одновременно описывается несколькими нарративами. В контексте модели П. Рикера (2000) это означает одновременное проживание нескольких историй, нескольких «главных интриг», между которыми может не быть иерархического соответствия («ризомная идентичность» (Глиссан 1998)).

Организация времени-истории-нарратива индивидуальной жизни происходит в тесном взаимодействии с общим потоком, что сохраняет одновременно ощущение уникальности и причастности, часто взаимоисключающих друг друга. Управление временем здесь осуществляется иначе: в отличие от предыдущих культурно-антропологических практик, «точка отсчета» в виде ключевого Со-

бытия (Агамбен 2000) индивидуальной истории теперь не одна, а сама история не есть план-рассказ. Вместо этого используется индивидуализирующее описание новостного потока. Собственную жизнь человек превращает в собрание нарративов со множеством ключевых Событий в потоке событий. При этом значимость действительно концентрированных событий нивелируется, уничтожается самим потоком, его количественными характеристиками и скоростью, но также это поднимает на поверхность более мелкие события, ранее оставшиеся в тени ключевого События.

Такая потоковая организация событий меняет местами значимость переживания события и рассказа о нем.

С того момента как значимость отдельного события снижается прямо пропорционально возрастанию значимости плотности потока событий, последний приобретает большую значимость, чем отдельные события в нем. Теперь событие – это не концентрированный момент времени, который порождает поток времени и жизни, определяет дальнейший ход событий, «судьбу» и т.п. (Смолина 2001), а рассказ о событии в потоке. Первичным и ключевым становится не событие и его переживание, о котором позже рассказывают, но рассказ о событии, который сам становится первичным переживанием.

Social media сегодня – это антропологическая конструкция и одновременно инструмент антропологического конструирования. При трансформации социальных сетей в иную форму сами функции останутся инструментами такого конструирования, приобретя большее разнообразие.

Литература

Агамбен Дж. Apostolos (из книги «Оставшееся время: Комментарий к «Посланию к римлянам») // Новое литературное обозрение. 2000. № 46. С. 49–70.

Бауман З. Идентичность в глобализирующемся мире // Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002.

Бурдые П. Биографическая иллюзия // ИНТЕР. 2002. № 1. С. 75–83.

Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. М., 2001. С. 47–50.

Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М., 2000.

Рикёр П. Время и рассказ. М.: ЦГНИИ ИНИОН РАН, 2000.

Смолина А.Н. Глубина времени, поверхность истории и проблема объективности события // Историческое знание и интеллектуальная культура. М.: ИВИ РАН, 2001. С. 34–40.

Эриксон Э. Идентичность и неукорененность в наше время // Философские науки. 1995. № 5–6.

Glissant E. Le Divers du Monde est imprevisible. Beyond Dichotomies. Stanford, Conference Keynote Address, 1998.

Friedman J. Cultural Identity and Global Process. London, New-Delhi, 1994.

Lasch Ch. The Minimal Self: Psychic Survival in Troubled Times. London: Pan Books, 1985.

А.Ю. Чистов

(Новокузнецк, Россия)

ПРИЧИНЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ ИДЕОЛОГИИ В ПОВЕДЕНИИ СУБЪЕКТОВ

Andrey Chistov (Novokuznetsk, Russia)

The reasons behind the existence of ideology in subjects' behaviour

В данной статье будет рассмотрен подход философов Луи Альтюссера и Жиля Делёза, а также психоаналитика Жака Лакана к анализу идеологической природы функционирования процессов, обуславливающих поведение человека. В качестве обрабатываемого эмпирического материала используются высказывания публичного пространства.

Используя достижения современной критической и психоаналитической традиции, можно однозначно заключить, что идеология относится к сфере бессознательного. Это положение кардинально порывает с субъективистскими, феноменологическими, экзистенциалистскими и прочими концепциями, ставящими в центр своей теоретической деятельности «человека» – субъекта. Загвоздка заключается в том, что позиция «человека» мыслится ими как самостоятельная, сознательная и независимая в конечном счёте единица. Противопоставление проводится в связи с тем, что субъект-ориентированные (т. е. гуманистические) концепции, ставя в центр своих теорий чувственно-сознательное восприятие и переживание субъекта, полностью исключают из поля своего внимания современные достижения психоанализа и нового антигуманизма. С точки зрения антигуманизма гуманистические изыскания, пытающиеся описать социальное устройство общества, подходя к этому вопросу с позиции «человека», с неизбежностью подразумевают то, что каж-

дый конкретный «человек» содержит в себе некоторую «человеческую сущность», т. е. каждый «конкретный человек» отражает некоторые элементы «абсолютного человека» как абстрактного признака для каждого конкретного случая. Это положение, если оно трактуется верно, воспроизводит структуру метафизического мышления, соответственно, у нас нет оснований рассматривать феноменологические, экзистенциалистские и прочие (гуманистические) концепции в качестве логически корректных, и именно на это указал Жиль Делёз. Ситуация, в которой «конкретный человек» предстаёт эмпирическим материалом для измерения «абсолютной человеческой сущности», должна быть переработана в связи с тем, что позиция «человека» детерминирована значительным количеством факторов, от «человека» не зависящих. Соответственно, понятия «человек» и «гуманизм» также должны подвергнуться переработке. Но задача состоит не в том, чтобы попросту отказаться от их использования, так как в этом случае мы сами окажемся под влиянием метафизического представления о мироустройстве. Ситуация их появления и существования должна быть проинтерпретирована и продемонстрирована причина их возникновения и воздействия на научный дискурс точно так же, как и вся система метафизики.

Именно поэтому центральными понятиями данной научной работы являются бессубъектные структуры топологического пространства публичного пространства, а само исследование воспроизводит антигуманистический дискурс, соответственно, исследовательский ориентир стоит на изучении бессубъектных структур идеологического влияния на субъектов публичного дискурса.

Литература

Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) / пер. с фр. С.Б. Рындина // Неприкосновенный запас. 2011. № 3 (77) [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/3/al3.html> (дата обращения: 18.04.16).

Альтюссер Л. За Маркса / пер. с фр. А.В. Денежкина. М.: Праксис, 2006. 392 с.

Делёз, Ж., Гваттари, Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 672 с.

Лакан Ж. Изнанка психоанализа (Семинар, Книга XVII (1969–70)) / пер. с фр. А. Черноглазова. М.: Гнозис; Логос, 2008. 272 с.

СПИСОК АВТОРОВ

1. **Баховадинова Малика** – аспирант Университета Индианы (Блумингтон, США), bahovadinova@gmail.com
2. **Даве Бавна** – PhD, директор Центра современных исследований Центральной Азии и Кавказа Школы восточных и африканских исследований Лондонского университета (Лондон, Великобритания), dave.bhavna@gmail.com
3. **Хабек Отто** – Dr., директор Института этнологии Университета Гамбурга (Гамбург, Германия), fknv206@uni-hamburg.de
4. **Халемба Агнешка** – PhD, научный сотрудник Института этнологии и культурной антропологии Варшавского университета (Варшава, Польша)
5. **Ключевска Каролина** – аспирант, научный сотрудник Сент-Эндрюского университета (Сент-Эндрюс, Великобритания), kk48 @ st-andrews.ac.uk
6. **Лайт Натан** – PhD, научный сотрудник Департамента культурной антропологии и этнологии Университета Уппсала (Уппсала, Швеция), nathan.light@gmail.com
7. **Ривз Мадлен** – PhD, доцент Школы социальных наук Университета Манчестера (Манчестер, Великобритания)
8. **Владимирова Владислава** – PhD, старший преподаватель Центра российских и евразийских исследований Департамента культурной антропологии и этнологии Университета Уппсала (Уппсала, Швеция)
9. **Аканов Куаныш Газизович** – докторант исторического факультета Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (Астана, Казахстан)
10. **Бочарова Евгения Витальевна** – магистрант исторического факультета Московского государственного университета (Москва, Россия), e.bo4ar@gmail.com
11. **Брязгина Диана Евгеньевна** – студент исторического факультета Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия), br.diana21@gmail.com
12. **Буденкова Валерия Евгеньевна** – канд. филос. наук, доцент, доцент Института искусств и культуры Томского государственного университета (Томск, Россия), soler@front.com
13. **Бурнасов Александр Сергеевич** – канд. ист. наук, доцент, директор Департамента международных отношений Уральского федерального универси-

тета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия), burnasov@mail.ru

14. **Бутовская Марина Львовна** – д-р ист. наук, профессор, заведующая сектором кросс-культурной психологии и этнологии человека Института этнологии и антропологии РАН, профессор исторического факультета Московского государственного университета (Москва, Россия), marina.butovskaya@gmail.com

15. **Воронков Алексей Викторович** – студент НИУ Высшая школа экономики (Москва, Россия)

16. **Гайчук Инна Олеговна** – магистрант исторического факультета Московского государственного университета (Москва, Россия), Inna.gaichuk@gmail.com

17. **Галкин Дмитрий Владимирович** – д-р филос. наук, профессор, профессор Института искусств и культуры Томского государственного университета (Томск, Россия), galkindv@me.com

18. **Глухов Андрей Петрович** – канд. филос. наук, доцент Томского государственного университета (Томск, Россия), GlukhovAP@tspu.edu.ru

19. **Гнисюк Николай Алексеевич** – студент философско-социологического факультета Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия), brebabil3@gmail.com

20. **Гольдшмидт Евгений Семенович** – канд. биол. наук, доцент, доцент социально-психологического факультета Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия), goldschmidtes@yandex.ru

21. **Григоричев Константин Вадимович** – д-р социол. наук, руководитель лаборатории исторической и политической демографии Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия), grigoritchev@yandex.ru

22. **Грошева Галина Васильевна** – канд. ист. наук, доцент, доцент историко-филологического факультета Томского государственного педагогического университета; старший научный сотрудник лаборатории социально-антропологических исследований исторического факультета Томского государственного университета (Томск, Россия), groshevagv@mail.ru

23. **Дадабаева Гульнара Рахимовна** – д-р ист. наук, доцент, ассоциированный профессор Университета КИМЭП (Алматы, Казахстан), dgulnara@kimerp.kz

24. **Дементьева Елена Евгеньевна** – магистрант Томского политехнического университета (Томск, Россия), pinvink@mail.ru

25. **Деминцева Екатерина Борисовна** – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник Института управления социальными процессами НИУ Высшая школа экономики (Москва, Россия), katia-d@yandex.ru

26. **Дериглазова Лариса Валериевна** – д-р ист. наук, профессор, профессор исторического факультета, ведущий научный сотрудник лаборатории социально-антропологических исследований исторического факультета Томского государственного университета (Томск, Россия), dlarisa@inbox.ru

27. **Джанызакова Сеиль** – магистрант исторического факультета, лаборант лаборатории социально-антропологических исследований Томского государственного университета (Томск, Россия), seil170593@mail.ru

28. **Добжанская Оксана Эдуардовна** – д-р искусствоведения, доцент, профессор Арктического государственного института культуры и искусств (Дудинка, Россия), dobzhanskaya@list.ru

29. **Дрыга Светлана Валерьевна** – канд. филос. наук, доцент, доцент Томского политехнического университета (Томск, Россия), demen-svetlana@yandex.ru

30. **Дятлов Виктор Иннокентьевич** – д-р ист. наук, профессор, профессор исторического факультета Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия), vikdyatlov@yandex.ru

31. **Ермолова Александра Ивановна** – магистрант исторического факультета Томского государственного университета (Томск, Россия), mery-05@mail.ru

32. **Ерофеева Диана Рафиевна** – аспирант философского факультета Томского государственного университета (Томск, Россия), di.mamedova 89@yandex.ru

33. **Ерохина Елена Анатольевна** – канд. филос. наук, доцент, старший научный сотрудник Института философии и права СО РАН (Новосибирск, Россия), leroh@mail.ru

34. **Журавлева Елизавета Андреевна** – студент Института истории и политических наук Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия), l-i-z-a95@mail.ru

35. **Зазулина Мария Рудольфовна** – канд. филос. наук, научный сотрудник Института философии и права СО РАН (Новосибирск, Россия), zamashka@yandex.ru

36. **Ишмухаметов Ринат Фаритович** – студент исторического факультета Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия), Rinat. Ismy hame-tov @gmail.com

37. **Карагеоргий Елена Михайловна** – магистрант исторического факультета, младший научный сотрудник лаборатории социально-антропологических исследований Томского государственного университета (Томск, Россия), karageorgiy-elena@ya.ru

38. **Ким Екатерина Валериановна** – научный сотрудник Института этнологии и антропологии СО РАН (Новосибирск, Россия), kimkatya@list.ru

39. **Кириленко Елена Ивановна** – д-р филос. наук, доцент, профессор Сибирского государственного медицинского университета (Томск, Россия), e.kirilenko@ngs.ru

40. **Климовская Евгения Алексеевна** – студент Новокузнецкого института (филиала) Кемеровского государственного университета (Новокузнецк, Россия), Yevgenia_9g_65_k@mail.ru

41. **Ковальская Светлана Ивановна** – д-р ист. наук, профессор исторического факультета Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (Астана, Казахстан), kukaandvita@mail.ru

42. **Ковальский Святослав Олегович** – магистрант кафедры этнологии исторического факультета Московского государственного университета (Москва, Россия), sokovalsky@gmail.com

43. **Коновалова Юлия Владимировна** – магистрант кафедры этнологии исторического факультета Московского государственного университета (Москва, Россия), Konovalova-msu@yandex.ru

44. **Константинов Всеволод Валентинович** – канд. психол. наук, доцент, заведующий кафедрой общей психологии Пензенского государственного университета (Пенза, Россия), konstantinov_vse@mail.ru

45. **Кузнецов Андрей Геннадиевич** – канд. социол. наук, старший научный сотрудник НОЦ PAST-Центр Томского государственного университета (Томск, Россия), доцент Волгоградского государственного университета (Волгоград, Россия), andrey.kuznetsov.29@gmail.com

46. **Курленкова Александра Сергеевна** – канд. ист. наук, научный сотрудник Центра медицинской антропологии Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия), askurlenkova@yandex.ru

47. **Кучерявая Мария Сергеевна** – студент Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия), mkuche гуав ауа96 @ gmail.com

48. **Лукьянова Екатерина Олеговна** – магистрант исторического факультета, лаборант лаборатории социально-антропологических исследований Томского государственного университета (Томск, Россия), lukuяanova_kate@mail.ru

49. **Лярская Елена Владимировна** – канд. ист. наук, доцент факультета антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия), lisa@eu.spb.ru

50. **Максимова Ирина Евгеньевна** – канд. ист. наук, доцент, заведующий кафедрой Института искусств и культуры Томского государственного университета (Томск, Россия), imaxi59@mail.ru

51. **Маляр Анна Архиповна** – старший преподаватель Новокузнецкого института (филиала) Кемеровского государственного университета (Новокузнецк, Россия), luureed@mail.ru

52. **Матвеева Елизавета Аркадьевна** – канд. ист. наук, доцент исторического факультета Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия), elizmatv@yandex.ru

53. **Мачкасова Яна Константиновна** – студент исторического факультета Томского государственного университета (Томск, Россия)

54. **Миськова Елена Вячеславовна** – канд. ист. наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета (Москва, Россия), milenk2@gmail.com

55. **Муратшина Ксения Геннадьевна** – канд. ист. наук, доцент, директор департамента международных отношений Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия), ksenia-kgm@mail.ru

56. **Назаров Иван Иванович** – канд. ист. наук, доцент, доцент Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), nazarov@email.asu.ru
57. **Нам Иранда Владимировна** – д-р ист. наук, доцент, профессор исторического факультета, заведующая лабораторией социально-антропологических исследований Томского государственного университета (Томск, Россия), namirina@bk.ru
58. **Недзелюк Татьяна Геннадьевна** – д-р ист. наук, доцент, профессор, Сибирского института управления – филиала РАНХиГС (Новосибирск, Россия), tatned@mail.ru
59. **Неменко Екатерина Петровна** – канд. филос. наук, ассистент Института социально-политических наук Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия), h1st-nemenko@yandex.ru
60. **Никитина Евгения Витальевна** – магистрант исторического факультета Томского государственного университета (Томск, Россия), eugene7243@yandex.ru
61. **Новожилов Алексей Геннадьевич** – канд. ист. наук, доцент, заведующий кафедрой этнологии и антропологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия), novogilov@mail.ru
62. **Олимов Музаффар Абдуваккосович** – д-р ист. наук, профессор, заведующий отделом Центральной и Южной Азии Института языка, литературы, востоковедения и письменного наследия им. Рудаки АН РТ (Душанбе, Таджикистан), muzaffarolimov@mail.ru
63. **Олимова Саодат Кузиевна** – канд. филос. наук, директор Научно-исследовательского Центр «ШАПК» (ORIENS) (Душанбе, Таджикистан), s_olimova@mail.ru
64. **Петрова Галина Ивановна** – д-р филос. наук, профессор, профессор философского факультета Томского государственного университета (Томск, Россия), seminar_2008@mail.ru
65. **Пирогов Сергей Владимирович** – канд. филос. наук, доцент философского факультета Томского государственного университета (Томск, Россия), Pirogoff@ngs.ru
66. **Погодаев Николай Петрович** – канд. ист. наук, доцент философского факультета Томского государственного университета (Томск, Россия), Nik-pogodaev@yandex.ru
67. **Поддубиков Владимир Валерьевич** – канд. ист. наук, доцент, заведующий лабораторией этносоциальной и этноэкологической геоинформатики Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия), rod-dub@gmail.com
68. **Попова Евгения Владимировна** – канд. полит. наук, доцент философского факультета, директор НОЦ PAST-центр Томского государственного университета (Томск, Россия), revgen@eu.spb.ru
69. **Поправко Ирина Геннадьевна** – канд. ист. наук, доцент исторического факультета, ведущий научный сотрудник лаборатории социально-

антропологических исследований Томского государственного университета (Томск, Россия), porpravkoirina@yandex.ru

70. **Рахманова Лидия Яковлевна** – научный сотрудник Сектора социологических исследований Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург, Россия), rakhmanova@hermitage.ru

71. **Рязанцев Сергей Васильевич** – д-р экон. наук, член-корреспондент РАН, руководитель Центра социальной демографии и экономической социологии Института социально-политических исследований РАН (Москва, Россия), riazan@mail.ru

72. **Савельева Елена Николаевна** – канд. филос. наук, доцент, доцент Института искусств и культуры Томского государственного университета (Томск, Россия), Limi77@inbox.ru

73. **Садырин Антон Алексеевич** – магистрант исторического факультета, лаборант лаборатории социально-антропологических исследований исторического факультета Томского государственного университета (Томск, Россия), realstar94@sibmail.com

74. **Самоделкин Яков Александрович** – канд. ист. наук, доцент, преподаватель Уральского государственного аграрного университета (Екатеринбург, Россия), selfpetrovich@mail.ru

75. **Сивков Денис Юрьевич** – канд. филос. наук, доцент Волгоградского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Волгоград, Россия), d.y. sivkov @gmail.com

76. **Сметанин Федор Анатольевич** – магистрант исторического факультета, лаборант лаборатории социально-антропологических исследований Томского государственного университета (Томск, Россия), f-smetanin@mail.ru

77. **Смоленчук Ольга Юрьевна** – аспирант Томского государственного университета (Томск, Россия), магистр Университета Амстердама (Амстердам, Нидерланды), smolenchuk@gmail.com

78. **Смолина Анастасия Николаевна** – канд. филос. наук, доцент Волгоградского института бизнеса (Волгоград, Россия), philos.pro@gmail.com

79. **Соловьев Валентин Владимирович** – студент исторического факультета Томского государственного университета (Томск, Россия), shaggymanul@gmail.com

80. **Соловьева Анна Андреевна** – студент Московского государственного университета (Москва, Россия)

81. **Суворова Наталья Геннадьевна** – канд. ист. наук, доцент, доцент Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия), Sng19911@gmail.com

82. **Тадина Надежда Алексеевна** – канд. ист. наук, доцент, доцент Горно-Алтайского государственного университета (Горно-Алтайск, Россия), ntadina@yandex.ru

83. **Тимошкин Дмитрий Олегович** – научный сотрудник лаборатории исторической и политической демографии Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия), dmtrtim@gmail.com

84. **Торлопова Любовь Андреевна** – аспирант философского факультета Томского государственного университета (Томск, Россия), lyubovtorlopova@gmail.com

85. **Тюлюпо Алексей Витальевич** – студент исторического факультета Томского государственного университета (Томск, Россия), alexvit@bk.ru

86. **Тюлюпо Виталий Владимирович** – заместитель директора Автономной некоммерческой организации «Учебный комбинат СтройНефтеГаз» (Томск, Россия), Vvt.70@mail.ru

87. **Тюлюпо Светлана Владимировна** – канд. психол. наук, доцент факультета психологии Томского государственного университета (Томск, Россия), svetdy@mail.ru

88. **Ушаров Сергей Олегович** – студент философско-социологического факультета Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия), usharovsergey@gmail.com

89. **Филимонов Александр Викторович** – аспирант Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия), aleks.filimonoff@yandex.ru

90. **Фоминых Алексей Евгеньевич** – канд. полит. наук, доцент Марийского государственного университета (Йошкар-Ола, Россия), alexfom@volgatech.net

91. **Фролова Александра Викторовна** – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия), alexnauka@rambler.ru

92. **Харитонов Валентина Ивановна** – д-р ист. наук, доцент, руководитель Центра медицинской антропологии Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия), medanthro@mail.ru

93. **Чалаков Иван Христов** – PhD, старший научный сотрудник НОЦ PAST-Центр Томского государственного университета (Томск, Россия); доцент Пловдивского университета (Пловдив, Болгария), старший научный сотрудник Института изучения общества и знаний Болгарской академии наук (София, Болгария)

94. **Чемчиева Аржана Петровна** – канд. филос. наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия), arjana@ngs.ru

95. **Чертовских Роман Андреевич** – магистрант исторического факультета Томского государственного университета (Томск, Россия), roman.chertovskih@gmail.com

96. **Чистов Андрей Юрьевич** – студент Новокузнецкого института (филиала) Кемеровского государственного университета (Новокузнецк, Россия), ezbarcode@mail.ru

97. **Щеглова Татьяна Кирилловна** – д-р ист. наук, профессор, заведующая кафедрой отечественной истории Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул, Россия), tk_altai@mail.ru

98. **Ямсков Анатолий Николаевич** – канд. ист. наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия), Yamskov@iea.ras.ru

99. **Ярлыкапов Ахмет Аминович** – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Центра проблем Кавказа и региональной безопасности МГИМО (Москва, Россия), itbal@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

СИМПОЗИУМ 1 МИГРАЦИОННЫЕ «ВЫЗОВЫ» XXI В.

Panel 1 – Borders, Movements and Networks

Суворова Н.Г., Филимонов А.В.

Колонизационные эксперты: человеческое измерение миграционных процессов в позднеимперской и раннесоветской России..... 5

А.Г. Новожиллов

Особенности миграционной ситуации в Псково-Печорском пограничье в XX–XXI вв..... 8

С.В. Рязанцев

Современные тенденции эмиграции из России и формирование русскоговорящих сообществ 9

Ярлыкапов А.А.

Северный Кавказ: ислам и миграции (миграции людей и миграции идей)..... 12

Лярская Е.В.

«...Приезжают на полгода, остаются навсегда»?..... 13

Ривз М.

Время и непредвиденные обстоятельства в антропологии границ: о границе как событии в сельской Центральной Азии 14

Хабек О., Халемба А.

Новые направления на польско-немецкой пограничной территории – в сторону Померании или иного образования?..... 16

Панель 2 – Миграция и города

Олимов М.А.

Мечеть Навгилем в поисках парадигмы существования: сельский ислам в городе..... 18

Ковальская С.И., Аканов К.Г.

Нациестроительство и миграционная динамика населения Астаны..... 20

Деминцева Е.Б.

Выбор места проживания: возможности расселения мигрантов в городе (на примере исследований во Франции и в России)..... 22

Тимошкин Д.О.

Неформальная экономика иркутского пригорода: видимые сети в «невидимом» пространстве..... 24

*Ерофеева Д.Р., Джанызакова С.Д., Лукьянова Е.О., Садырин А.А.,
Сметанин Ф.А.*

Стратегии адаптации мигрантов (по материалам полуформализованных интервью с трудовыми этническими мигрантами г. Томска) 26
Даве Б.

Объединения мигрантов в Москве: между государственным патронажем и гражданским обществом 28

*Панель 3 – Мигранты, диаспоры и (неформальные)
экономики*

Дятлов В.И.

Постсоветские рынки под открытым небом: новый феномен или продолжение традиции? 29

Брызгина Д.Е.

Влияние «китайских» рынков на городские мобильности 31

Ким Е.В.

Стратегии этнического предпринимательства корейцев Сибири в контексте диаспоральной политики Республики Корея 33

Гнисюк Н.А., Ушаров С.О.

Практики освоения городской территории мигрантами: история крушения гаражного кооператива 35

Бурнасов А.С., Муратишина К.Г.

Аграрные и торговые трудовые мигранты из Китая в Уральском регионе: место конфликта или смена практик? 37

Григоричев К.В.

«Полугородские фермеры» и «китайцы-огородники»: горожане и трансграничные мигранты в неформальной экономике пригорода 38

Панель 4 – Структура и агентность

Недзелюк Т.Г.

Миграционные вызовы в контексте юридической антропологии: подход Л.И. Петражицкого 40

Ишмухаметов Р.Ф.

Проблема интеграции мигрантов-мусульман в странах Скандинавии 42

Смоленчук О.Ю.

От «многообразия и поддержки» к «единообразию и дестимуляции»: программы Нидерландов в отношении мигрантов 43

Олимова С.К.

Сельские общины Таджикистана в условиях изменения окружающей среды: миграционные сети как институт адаптации 45

Баховадинова М.

Вычеркивая женщин и приукрашивая мужчин: бюрократическое производство трудовых мигрантов в Таджикистане 47

Ключевска К.

Мир и мобильность в Таджикистане: ежедневные практики университетских выпускников, трудовых мигрантов и оставленных женщин	48
--	----

Панель 5 – Академическая миграция и мобильность

Дементьева Е.Е.

Развитие учебной миграции в учреждения среднего профессионального образования как фактор благополучия общества и повышения конкурентоспособности России на мировом рынке образовательных услуг ..	49
---	----

Дрыга С.В.

Образовательная миграция в Россию в контексте новой миграционной политики: нормативно-правовой аспект.....	51
--	----

Погодаев Н.П.

Образовательная миграция из Таджикистана в зеркале «теории рисков» «колонизации будущего»	54
---	----

Фоминых А.Е.

Секьюритизация образовательной миграции в России	55
--	----

Грошева Г.В., Дериглазова Л.В., Поправко И.Г.

Изучение международной молодежной академической мобильности качественными методами.....	58
---	----

Панель 6 – Идентичности и восприятия

Константинов В.В.

Идентификационные модели мигрантов в принимающем сообществе	60
---	----

Глухов А.П.

Цифровые мигранты versus цифровые кочевники: виртуализация этнической идентичности	62
--	----

Ермолова А.И., Ерофеева Д.Р., Карагеоргий Е.М., Нам И.В.,

Никитина Е.В.

Образ мигранта по результатам контент-анализа публикаций СМИ города Томска	64
--	----

Савельева Е.Н., Буденкова В.Е.

Национально-культурная идентичность современной России: механизмы формирования и основания устойчивости.....	66
--	----

Петрова Г.И.

Маргинальность как способ бытия человека в мире: метафизическое обоснование современных культурных конфликтов	68
---	----

Матвеева Е.А.

Миграция как угроза – общая идентичность как решение? Итальянские публичные онлайн дискурсы о европейской идентичности	70
--	----

СИМПОЗИУМ 2. ЛЮДИ, КУЛЬТУРЫ, РЕСУРСЫ

Панель 1 – Социум, идентичности, адаптация

<i>Ерохина Е.А.</i> Социокультурная трансформация и стратегии этнической самоидентификации	72
<i>Щеглова Т.К.</i> Стратегии выживания и адаптации земледельческого населения Сибири в контексте исторических событий XX столетия: ответ устной истории на антропологические вызовы	74
<i>Фролова А.В.</i> Социально-психологическая адаптация русских к среде обитания (по материалам Архангельского Севера).....	76
<i>Журавлева Е.А.</i> Конструирование образа Тюменского Севера в региональной прессе 1964–1969 гг.	78
<i>Дадабаева Г.Р.</i> Украшение дворов в Алматы: может ли символизм помочь в конструировании нового социального пространства?	79
<i>Самоделкин Я.А.</i> Образы флоры и фауны в социально-политической истории XIX–XX вв.	80

Панель 2 – Мир духов как ресурс и средство борьбы за ресурсы

<i>Харитонова В.И.</i> Чьи вы, шаманские духи? (мир духов как ресурсная рента).....	82
<i>Максимова И.Е.</i> Возможно ли откупиться от духов? К вопросу об этических основах «ресурсной ренты».....	84
<i>Добжанская О.Э.</i> Звучащие ландшафты Арктики: коммуникация человека с миром духов в системе интонационно-акустической культуры самодийцев.....	86
<i>Тадина Н.А.</i> Родовое животное у алтайцев как этноэкологический символ современности	88
<i>Кириленко Е.И.</i> Болезнь и человек: культурные архетипы медицинского опыта русских.....	89
<i>Назаров И.И.</i> Историческая память и современные информационные ресурсы в практике возрождения кумандинцами Алтайского края обряда «Кочо-кан»	91

Панель 3 – Ресурсные конфликты и языки их описания

Бутовская М.Л.

Маасаи Нгоронгоро: парадокс законодательных ограничений хозяйственной деятельности и лучшей сохранности традиционной культуры в условиях природоохранной территории 93

Ковальский С.О.

Угледобыча и фракционализм в Горной Шории 94

Коновалова Ю.В.

Кто прав, кто виноват? Языки описания конфликтов 96

Миськова Е.В.

Исследования нефти в социальных науках сегодня: биополитика, инфраструктурный модерн, ресурсное проклятие, свойства ресурса и социальность 97

Владимирова Вл.

Экологическая справедливость и охрана природы в России: пример прав саамов в сравнительной перспективе 99

Лайт Н.

Воспоминания и сновидения как социальный ресурс (на кыргызском материале) 100

Панель 4 – Прикладная антропология в решении проблем коренных малочисленных народов: вопросы экспертизы воздействия промышленных объектов и проектов развития

Гольдшмидт Е.С.

Методы оценки воздействия социума на психику и направленность коренных малочисленных народов Севера 102

Поддубиков В.В.

Своя земля – чужая территория: социально-антропологический контекст земельных конфликтов в местах традиционного природопользования коренных малочисленных народов Южной Сибири 104

Чемчиева А.П.

Коренные малочисленные народы Республики Алтай: взаимодействие с промышленными предприятиями 106

Ямсков А.Н.

Задачи специалистов по прикладной этнологии в свете подготовки закона «О развитии Арктической зоны Российской Федерации» 108

СИМПОЗИУМ 3. ГЕТЕРОГЕННЫЕ СООБЩЕСТВА СОВРЕМЕННОГО МИРА: УСТОЙЧИВОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ АКТОРОВ И ГЕТЕРОГЕННЫХ СООБЩЕСТВ В НАУКЕ, ТЕХНОЛОГИЯХ И ЗА ИХ ПРЕДЕЛАМИ

Панель 1 – Актанность разного типа деятелей в гетерогенных сообществах

Курленкова А.С.

Люди и другие животные: о статусе не-человеческих
приматов у Д. Харауэй 110
Сивков Д.Ю.

Человеческие и нечеловеческие инфраструктуры оплаты проезда
в маршрутных такси Волгограда 112

Тюлюпо А.В., Тюлюпо В.В., Тюлюпо С.В.

В поисках пропавшего (ф)-актора 113

Маляр А.А.

Тело шахтера в Кузбасском регионе: символический обмен 116

Климовская Е.А.

Стратегии управления мёртвым телом: Экспертные практики и дискурс 117

Чертовских Р.А.

Субкультура как проявление деструктивности 119

Панель 2 – Наука как форма жизни: антропологические вызовы и проблема стойкости гетерогенных сообществ в науке

Кузнецов А.Г.

Технонаука за пределами критики и оправдания: от агонистических
полей к траекториям привязанности 121

Поправко И.Г., Чалаков И.Х.

Лабораторная жизнь 40 лет спустя: заметки на полях в ходе полевых
исследований гетерогенных общностей томских биологов 123

Рахманова Л.Я.

Невидимый фронт: проблема жизнеобеспечения научных исследований
в полевых условиях 126

Гайчук И.О., Бочарова Е.В.

Как, Вы говорите, это делается? Три «как» в исследовании
науки и технологий 128

Воронков А.В., Соловьева А.А.

Практики конструирования растительных сообществ 129

Соловьев В.В., Мачкасова Я.К.

Стабильность гетерогенных сетей научно-исследовательского
стационара Кайбасово 131

Неменко Е.П.

Провинциальные интеллектуалы за пределами университета: роль
дружеских уз и новые типы совместности 133

*Панель 3 – Воображаемое, неопределенность и научно-техническая
политика в незападном мире*

Попова Е.В.

Переплетение прошлого и будущего в ожиданиях и бизнес-стратегиях
директоров российских технологических компаний 135

Торлопова Л.А.

Размывающиеся границы определения инвалидности: медицинская,
политическая и философская работа..... 137

Галкин Д.В.

Эволюция от кутюр: на перекрестке искусства, науки и техники..... 139

*Панель 4 – Семантические и семиотические проблемы изучения
гетерогенных сообществ*

Пирогов С.В.

Город и техника как антропологические проекты 141

Кучерявая М.С.

Визуальное и текст в антропологии: к проблеме языка концептуализации 143

Смолина А.Н.

Нарратив в социальных сетях как новая антропологическая конструкция 145

Чистов А.Ю.

Причины существования идеологии в поведении субъектов 147

СПИСОК АВТОРОВ 149

CONTENTS

SYMPOSIUM 1. MIGRATION “CHALLENGES” IN THE XXI CENTURY

Panel 1 – Borders, Movements and Networks

<i>Suvorova N., Filimonov A.</i> Colonization experts: the human dimension of migration processes in late Imperial and early Soviet Russia.....	5
<i>Novozhilov A.</i> The specifics of migration in the Pskov-Pechora border area in the 20 th to the 21 st centuries	8
<i>Ryazantsev S.</i> Current trends of emigration from Russia and the formation of Russian-speaking communities abroad.....	11
<i>Yarlykapov A.</i> Northern Caucasus: Islam and migrations (migrations of people and migrations of ideas).....	12
<i>Lyarskaya E.</i> “...They come for a year and stay forever”?	13
<i>Reeves M.</i> Time and contingency in the anthropology of borders: on border as event in rural Central Asia.....	14
<i>Habeck O., Halemba A.</i> New directions in the Polish-German borderland – towards Pomerania or some different entity?.....	16

Panel 2 – Migration and Cities

<i>Olimov M.</i> The Navgilem mosque in search of a paradigm for existence: rural Islam in the city	18
<i>Kovalskaya S., Akanov K.</i> Nation-building and the dynamics of migration among the population of Astana.....	20
<i>Demintseva E.</i> Choosing a place of residence: opportunities for migrant resettlement in a city (based on research in France and in Russia)	22

<i>Timoshkin D.</i>	
Informal economy on the outskirts of Irkutsk: visible networks in the ‘invisible’ space	24
<i>Erofeeva D., Djanyzakova S., Lukyanova E., Sadyrin A., Smetanin F.</i>	
Migrants adaptation strategies (based on semi-structured interviews with labour migrants in the city of Tomsk).....	26
<i>Dave B.</i>	
Migrants associations in Moscow: between state patronage and civil society	28

Panel 3 – Migrants, Diasporas and (Informal) Economies

<i>Dyatlov V.</i>	
Post-Soviet open-air markets: a new phenomenon or a continuation of traditions?	29
<i>Bryazgina D.</i>	
The impact of ‘Chinese’ markets on urban mobilities	31
<i>Kim E.</i>	
Ethnic entrepreneurship strategies among the Koreans of Siberia in the context of the Republic of Korea’s diaspora policy	33
<i>Gnisyuk N., Usharov S.</i>	
Practices of the migrants’ development of urban territories: on the collapse of a garage cooperative	35
<i>Burnasov A., Muratshina K.</i>	
Agricultural and trade migrant workers from China in the Urals region: a conflict spot or a change of practices?	37
<i>Grigorichev K.</i>	
‘Semi-urban farmers’ and ‘Chinese gardeners’: city residents and cross-border migrants in the suburb’s informal economy	38

Panel 4 – Structure and Agency

<i>Nedzelyuk T.</i>	
Migration challenges in the context of legal anthropology: L.I. Petrazhitskiy’s approach	40
<i>Ishmukhametov R.</i>	
The issue of integration of Muslim migrants in Scandinavian countries	42
<i>Smolenchuk O.</i>	
From “Diversity and Support” to “Uniformity and Discouragement”: Migrants Programs in the Netherlands.....	43
<i>Olimova S.</i>	
Tajikistan’s rural communities in the context of environmental change: migration networks as an institution of adaptation	45
<i>Bahovadinova M.</i>	
Erasing women and beautifying men:the bureaucratic production of migrant workers in Tajikistan.....	47

Kluczevska K.

Peace and mobility in Tajikistan: everyday peace practices of university graduates, labour migrants and women left behind.....	48
--	----

Panel 5 – Academic Migration and Mobility

Dementyeva E.

Developing student migration into institutions of secondary vocational education as a factor of society's well-being and of improving Russia's competitiveness in the world market of educational services	49
--	----

Dryga S.

Educational migration to Russia in the context of new migration policy: a regulatory aspect	51
---	----

Pogodaev N.

Educational migration from Tajikistan through the prism of 'theory of risk' of 'the future's colonization'	54
--	----

Fominykh A.

The securitization of educational migration in Russia	55
---	----

Deriglazova L., Grosheva G., Popravko I.

Studying international youth academic mobility by qualitative methods	58
---	----

Panel 6 – Identities and Perceptions

Konstantinov V.

Migrant identification models in a host society	60
---	----

Glukhov A.

Digital migrants versus digital nomads: the virtualization of ethnic identity	62
---	----

Ermolova A., Erofeeva D., Karageorgii E., Nam I., Nikitina E.

The image of migrants as portrayed by the mass media of Tomsk	64
---	----

Savelyeva E., Budenkova V.

Russia's current national-cultural identity: mechanisms of formation and foundations of sustainability	66
--	----

Petrova G.

Marginality as a way of man's being in the world: metaphysical justification of contemporary cultural conflicts	68
---	----

Matveeva E.

Migration as a threat – common identity as a solution? Italian online public discourses on European identity	70
--	----

SYMPOSIUM 2. PEOPLE, CULTURES, RESOURCES

Panel 1 – Society, Identities, Adaptation

Erokhina E.

Socio-cultural transformation and ethnic self-identification strategies	72
---	----

<i>Shcheglova T.</i>	
Survival strategies and adaptation of the agricultural population of Siberia in the context of 20 th century historical events:	
oral history's response to anthropological challenges.....	74
<i>Frolova A.</i>	
Social and psychological adaptation of the Russians to the living environment (the case of the Arkhangelsk North)	76
<i>Zhuravlyova E.</i>	
The image of the Tyumen North as portrayed in the regional press from 1964 to 1969	78
<i>Dadabaeva G.</i>	
Yard beautification in Almaty:	
Can symbolism help to construct a new social space?	79
<i>Samodelkin Y.</i>	
Images of flora and fauna in the socio-political history of the 19 th – 20 th centuries.....	80

*Panel 2 – The World of Spirits as a Resource
and a Means of Struggle for Resources*

<i>Kharitonova V.</i>	
Whose are you, shamanic spirits? (The world of spirits as resource rent)	82
<i>Maximova I.</i>	
Is it possible to buy the spirits off? On the ethic foundations of ‘resource rent’	84
<i>Dobzhanskaya O.</i>	
The Arctic's sounding landscapes: human communication with the world of spirits in the system of Samoyeds' intonation-and-acoustics culture.....	86
<i>Tadina N.</i>	
Tribal animal of the Altai people as contemporary ethno-ecological symbol	88
<i>Kirillenko E.</i>	
Human being and disease: cultural archetypes of Russian medical experience	89
<i>Nazarov I.</i>	
Historical memory and contemporary information resources in the practice of the rite of ‘Kocho-Qan’ revitalization by the Kumandins of Altai region	91

Panel 3 – Conflicts over Resources and Languages of their Description

<i>Butovskaya M.</i>	
The Maasai of Ngorongoro: the paradox of legislative restrictions of economic activity and better preservation of traditional culture in a conservation area	93
<i>Kovalskiy S.</i>	
Coal mining and fractionalism in Mountainous Shoriya.....	94
<i>Konovalova Yu.</i>	
Who's right, who's wrong? Languages of conflict description.....	96

Miskova E.

Oil research in the social sciences today: biopolitics, infrastructure modern,
resource curse, resource properties and sociality 97

Vladimirova V.

Environmental justice and nature conservation in Russia:
thecase of indigenous Sami rights in comparative perspective 99

Light N.

Memories and dreams as social resources in Kyrgyz life 100

*Panel 4 – Applied Anthropology in Addressing the Issues
of Numerically Small Indigenous Peoples: Examining the Impact
of Industrial Objects and Development Projects*

Goldschmidt E.

Methods of evaluating the impact of society on the psyche
and orientedness of numerically small indigenous peoples 102

Poddubikov V.

One's own land – a foreign territory: a socio-anthropological context
of land conflicts in traditional land-use areas inhabited by indigenous
peoples of Southern Siberia 104

Chemchieva A.

Numerically small indigenous peoples in the Republic of Altai:
interaction with industrial enterprises 106

Yamskov A.

Specialist tasks in applied ethnology in the light of drafting a law
“On the development of the Arctic area of the Russian Federation” 108

SYMPOSIUM 3. HETEROGENEOUS COMMUNITIES
IN THE CONTEMPORARY WORLD: PERSISTENCE A
ND ENDURANCE OF HUMAN ACTORS AND SUSTAINABILITY
OF HETEROGENEOUS COMMUNITIES IN SCIENCES,
TECHNOLOGIES AND BEYOND

Panel 1 – Actantness of Different Kinds of Actors in Heterogeneous Communities

Kurlenkova A.

People and other animals: on the status of non-human primates
as seen by Donna Haraway 110

Sivkov D.

Human and non-human infrastructures of fare in Volgograd's taxis 112

Tyulyupo A., Tyulyupo V., Tyulyupo S.

In search of a missing (f)actor 113

Malyar A.

The coal miner's body in the Kuzbass region: a symbolic exchange..... 116

<i>Klimovskaya E.</i>	
Dead body control strategies: expert practices and discourse	117
<i>Chertovskikh R.</i>	
Subculture as a manifestation of destructiveness	119

*Panel 2 – Science as a Form of Life: Anthropological Challenges
and the Issue of Persistence and Endurance of Heterogeneous
Communities in Science*

<i>Kuznetsov A.</i>	
Techno-science beyond criticism and justification: from agonistic fields to trajectories of attachment.....	121
<i>Popravko I., Tchalakov I.</i>	
The laboratory life 40 years on: watching scientists conduct integrated research into the Western Siberia's environment.....	123
<i>Rakhmanova L.</i>	
The invisible front: the issue of research support in the field	126
<i>Gaiciuc I., Bocharova E.</i>	
How do you say you do it? The three 'hows' in studying science and technology.....	128
<i>Voronkov A., Solovyeva A.</i>	
Practices of constructing plant communities.....	129
<i>Solovyev V., Machkasova Ya.</i>	
The Kaybasovo stationary laboratory's heterogeneous networks	131
<i>Nemenko E.</i>	
Provincial intellectuals outside university: the role of friendships and new types of togetherness	133

*Panel 3 – Imaginary, Uncertainty and Politics in Non-Western World Science
and Technology*

<i>Popova E.</i>	
The interlacement of the past and the future in expectations and business strategies of Russian technological companies' directors.....	135
<i>Torlopova L.</i>	
The blurred boundaries of the definition of disability: medical, political and philosophical work.....	137
<i>Galkin D.</i>	
Evolution haute couture: at the crossroads of art, science, and technology	139

*Panel 4 – Semantic and Semiotic Issues in Researching
Heterogeneous Communities*

<i>Pirogov S.</i>	
Technology and the city as anthropological projects	141

<i>Kucheryavaya M.</i>	
The visual and the text in anthropology: towards the issue of a language of conceptualization.....	143
<i>Smolina A.</i>	
Narrative in social media as a new anthropological construction	145
<i>Chistov A.</i>	
The reasons behind the existence of ideology in subjects' behaviour.....	147

Научное издание

Тезисы докладов Международной научной конференции
"Антропология в поисках нового языка описания"
(Первый Томский антропологический форум)
15–17 сентября 2016 г.

Редактор *В.С. Сумарокова*
Оригинал-макет *Г.П. Орлова*

Подписано в печать 25.08.2016 г.
Формат 60х84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Печ. л. 10,25; усл. печ. л. 9,54; уч.-изд. л. 9,75 .
Тираж 300 экз. Заказ 521.

ООО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
ООО «Новые Печатные Технологии», 634040, г. Томск, ул. Высоцкого, 28, стр. 1